

Николай Белоусов

A dark, atmospheric illustration. In the center, a small figure of a person wearing a dark, heavy coat and a hat stands on a platform. The platform is composed of a large pile of gold and silver coins. The scene is framed by two thick, dark ropes that hang vertically from the top, suggesting the platform is part of a suspended structure or a well. The background is a dark, misty grey, creating a somber and mysterious mood.

Убийца Изобранных.
Контраг

Annotation

Конрад множество лет занимается тяжелой и неблагодарной работой: он убивает людей.

Убийца избранных: Конрад

В небольшой хижине ютились пятеро. Шестеро, если считать новорожденного мальчика, который сосал грудь матери и сжимал её палец.

За этим наблюдали три незваных гостя. Их дары лежали недалеко от колыбели малыша, и аромат ладана скрашивал бедное жилище плотника.

Сам он стоял в стороне и в недоумении чесал затылок, за что такое внимание к его первенцу? Пространные разговоры про звезду, про юного царя. Но тут же плотник перевел взгляд на золото, которое принесли гости, и улыбнулся. Он сможет купить инструмент получше, древесину подороже, и спустя несколько лет они с женой поменяют эту халупу на достойное жилище.

В помещении царила идилия, где каждый радовался своим мыслям. Троица дарителей шепотом предсказывали будущее и спорили друг с другом, мать кормила ребенка, а плотник радовался, что ему повезло, что в дом пришла удача.

Но раздался стук.

Не дожидаясь ответа хозяев, в дом ввалился средних лет мужчина. Он стряхивал снег с головы и улыбался. Казалось, что сапоги его состояли сплошь из швов и заплаток, справа на поясе висели потрепанные ножна, а поверх ремня веревка с несколькими десятками различных монет.

Плотник поймал себя на мысли, что никогда не видел таких монет, если это были они: костяные, деревянные, треугольные.

«Неужто еще один расщедрится?» — подумал он и расправил плечи.

— Пути нынче эмм... тяжкие. Бродяга, что крышу не найдет — дорогой станет. — не глядя на присутствующих заговорил новый гость. Его акцент менялся от слова к слову. — У вас же так принято выражаться? — с улыбкой спросил он, обвел взглядом присутствующих, задержал его на дарителях, на младенце и помрачнел. — Опять опоздал.

Плотник не мог оторвать взгляд от бродяги. В один миг тот будто постарел, ссутулился, а от улыбки не осталось и следа. А когда тот вздохнул, то хозяин дома готов был поклясться, что так вздыхают старики.

— Не грустите, — ответила жена плотника, глядя на ребенка, — порадитесь с нами — рождение моего сына предсказала молодая звезда. Так эти добрые господа сказали.

Бродяга поджал губы, положил дорожный плащ у двери.

— К сожалению, они правы. — помолчал и добавил. — Простите.

Конрад вытер нож об одежду одного из волхвов. Он запомнил всех троих. Месяц назад они забрали последних лошадей на конюшне, поэтому ему пришлось идти пешком. Поэтому он опоздал. Поэтому все мертвы.

Он отказывался встречаться взглядом с мертвецами. Они ведь смотрят. Они всегда смотрят. Кто-то с удивлением, другие с ненавистью, но чаще всего с мольбой.

— Тебе стоило подождать всего несколько дней. — обратился Конрад в пустоту, смешивая слова разных языков. — просто потерпеть и всё прошло бы хорошо. Лучше, чем обычно.

Он знал, что его не слышат. Знал, что ему не ответят. Но надо было хоть как-то спастись от чувства вины за лишние жертвы.

Конрад высвободил молоток из заскорузлых пальцев плотника, поискал среди даров мелкую монету, но таких не было — только золото. У хозяев тоже не нашлось других денег. Поэтому он взял гвоздь, проделал дыру в золотой монете и повесил на веревку.

— Надеюсь, последняя.

Сколько раз он повторял это, не счесть. Но точно знал, когда сказал это впервые — когда повесил на пояс первую.

Конрад вышел в морозную ночь и посмотрел на небо. Звезда, что его вела, погасла.

Конрад брел по старой дороге вдоль фьордов и одиноких просоленных деревьев, похожих на заснеженные ивы. Нога то и дело проваливалась в пустоту между булыжниками, как будто кто-то воровал камни из хулиганства или потому что в них нашли следы золота — металла, которым когда-то славились местные шахты.

Множество деревень, шахтерских поселков наполняли эту местность, пока золото не кончилось. А с ним и интерес к ней: ни достойной бухты, ни крупницы хоть чего-то стоящего. Конрад вспомнил, как один из шахтеров сказал, когда уходил:

— Здесь остались только камни, грязь и куча голодных шлюх.

А спустя пару лет список сократился только до камней и грязи. Большинство деревень вымерло. Но осталась пара, куда еще приезжали торговцы, в надежде, вдруг местные найдут очередную жилу. Хотя вот уже...

Конрад задумался. Попытался вспомнить, когда закончилась золотая лихорадка. Пейзаж выглядел несколько иначе: скалы не казались такими истерзанными, да и деревьев было больше — они стеной закрывали друг друга от соленых ветров, а теперь редкие одиночки все равно, что вяленный окорок, оставленный на праздник.

В одну из деревень он и направлялся — в самую старую, которая была здесь еще до шахтеров и их прихлебателей.

Большинство хижин покосились, в одних обвалились крыши, у других разобрали стены, от третьих остались треснутые камни, где когда-то дымились печи. Зрелище, напоминающее о недолговечности человеческих жизней и их трудов.

Дорога тянулась через всю деревню. Конрад отсчитал несколько поворотов, так похожих друг на друга, остановился, оглянулся. Снова пересчитал. Пригляделся к окружающим домам, к горам на востоке, к морю на севере. Не могла ли это быть одна из многих других деревень, но за сотни дней пути от нужной? Перебрал в памяти дорожные развилки, города, которые пришлось обойти, и с облегчением выдохнул — нет, всё-таки он там.

Дошел до старого дома, который дополнился конюшней и вторым этажом. Узнал засечки на торцах бревен, узоры, которые вырезал бессонными ночами.

Конрад поднялся на крыльцо, почувствовал запах варева, тепло, что тянулось из-под двери. Глянул на вечернее небо, чтобы убедиться, что его привела сюда не звезда, а желание, привычка.

Он всегда сюда возвращался, когда мог. Когда не приходилось вновь искать дороги через болота, через моря, через ледники и горы, чтобы потушить лишнюю небесную искру.

— А мне показалось, что это Тим снова боится постучать. — окликнул его женский голос.

Конрад вздрогнул и посмотрел на окно слева от крыльца. Увидел девушку с чуть горбатым носом, что достался ей от отца и рыжими волосами матери. След от муки украшал лоб, а закатанные рукава рубахи говорил о том, что она готовила ужин.

— Ну, ты хотя бы без цветов. — продолжила она. — заходи, дядя Конрад.

Он улыбнулся, точнее, вытянул вверх сначала левый уголок губ, затем правый, как будто сомневался, что так и надо поступать.

В голове пронеслись вихрем женские имена, но тут же Конрад вспомнил, что нужное

надо искать среди детских: Мика, Анна, Кункула...

— Зоя? — попытался он.

Девушка усмехнулась.

— Надеюсь, как дверь открыть ты вспомнишь быстрее.

И исчезла.

Конрад толкнул дверь и через миг почувствовал себя дома. Прошло не меньше десяти лет, а голова медведя всё также висела в углу.

"Бурый." — с теплотой вспомнил его имя.

По центру стол, на котором он вырезал места, где побывал. С каждым разом эта карта становилась всё обширнее. Собрание свитков и рукописных книг превратилось в свалку на полках. Отец Зои — Михаил такого бы не допустил.

— Я уж подумываю их пожечь. — сказала Зоя, проследив за взглядом Конрада. — но дрова пока не кончились, да и места мало занимают.

— А Михаил... — начал он.

Но Зоя прервала.

— С крыши упал и сломал шею. Позапрошлой весной.

— А...

— Три зимы назад застудилась и померла от лихорадки.

Конрад не знал как к этому относиться. Множество людей готовы были годами работать, чтоб получить хотя бы половину из этих книг.

— Сжигать. — прошептал он. — Но в них столько интересного.

Зоя вытерла лицо полотенцем, но на волосах еще осталась мука.

— Не когда их прочитываешь по четыре-пять раз. — она остановилась рядом с печью, посмотрела через плечо на книги и свитки. — К тому же, в этой деревне они никого не спасли. Даже от скуки.

Конрад посмотрел на полки, на Зою.

Лавочка скрипнула и процарапала половицы, когда Конрад отодвинул её, чтобы сесть.

Зоя усмехнулась, не оглядываясь, и продолжила.

— Это ты правильно. Как раз ужин готов. Гостей на ждала, но дня на три еды хватит. Это если поголодать решишь. Но поверь, я сегодня такого наварила, что обидишь, если не вылакаешь досуха. Эй, да хватит на них уже пялиться, будто другого ничего нет!

Конрад вздрогнул, попытался подобрать нужное выражение лица, но после долгой дороги мышцы казались окаменевшими.

— Я не... — он вздохнул. — Твой отец очень дорожил ими.

— Эка невидаль. — вскинула руки Зоя. — Матушкой то он дорожил, а не уберег. Черепичной крышей дорожил, да она и сгубила его. Еще и присыпала в добавок, что можно было не зарывать. — она подождала и заговорила тише. — Будь его воля, быть мне соплячкой до конца дней, чтоб на коленях сидела и только знала, что смеяться и с щенками бегать.

Конрад снял плащ и положил рядом, спрятал в него ножны и веревку с монетами. Провел пальцем по вырезанным в столе рекам, горам, названиям стран и морей.

— А я надеялся еще раз увидеть.

Зоя сняла со стены ухват и достала горшок из печи. Тот потемнел от бесчисленных слоев сажи, крышка покрылась трещинками, а несколько кусочков, судя по темным сколам отвалились давным давно.

— Все мы надеемся, дядя Конрад. А в итоге вот она я — одна в доме с кучей всякого хлама, на который нет времени. Один только Бурый меня радует. — сказала она и кивком указала на голову медведя. — но разговаривать с ним чуть тяжелее, чем с другими селянами.

Зоя поставила горшок на стол и заулыбалась. От варева пахло тимьяном и розмаринов, листьями смородины и целым ворохом трав.

И Конрад вспомнил, когда она еще десятилетней девчушкой пошла к обрыву, чтобы набрать птичьих яиц. Сорвалась и распорола ногу. Держалась за камни и мох, пока её на спасли, и только тогда разревелась.

— Каша остывает. — сказала Зоя.

Только сейчас Конрад заметил миску со кашей.

Он взял ложку и заговорил:

— Михаил тоже не особо дружил с соседями.

Зоя уперлась локтем в стол и положила голову на ладонь.

— К нему хотя бы свататься не приходили.

— Тим?

— Один из. У нас девок мало. Некоторым приходится ехать в другие села, чтобы жену привести, а кто-то не теряет надежды меня обрюхатить. Сама не знаю, чего я тут сижу еще. — она посмотрела на книги, на развешенные травы, на инструменты отца, покрывшиеся тонким слоем ржавчины. Провела пальцем по Удавке — тонкому перешейку между двух материков. — наверное, тебя ждала. Кто-то же должен был рассказать об отце. Соседи с тобой и говорить не станут.

Конрад поник.

— А если бы я не пришел?

Зоя пожала плечами.

— Осталась бы душой. Или вышла замуж за Тима. — вздохнула и мрачно улыбнулась. — еще глупее идея, но зато не в одиночку помирать. Представь, что отца никто не нашел, не похоронил. Лежал бы во дворе, да гнил. А вот окочурься я и что? Животинку жаль — одуреют с голодухи, или еще хуже — соседям достанутся. — Она посмотрела на гостя и посветлела. — Но теперь ты тут, стало быть ждала не зря, да и не сидеть тебе в одиночку.

Мужчина попробовал кашу, закрыл глаза и наслаждался как тепло растекается по всему его телу.

— Все равно не стоило.

Зоя сдвинула брови и спросила.

— Потому что...?

Конрад вздохнул. Попытался вспомнить как бы на её языке мягче сказать, что все это было бессмысленно, ведь она так потратила больше, чем потерял бы он. Очередной пустой дом, ушедший друг, потерянная любовь. Сколько раз это повторялось?

— Я привык к этому.

Он попытался вложить в эти слова горечь, принятие своей судьбы, но Зоя схватилась за эту фразу как рысь за горло.

— О, да, ты привык. — протянула Зоя. — Должно быть у тебя много отцов было. Или таких, кто ждет тебя каждую осень, таких, что каждый день рассказывают своим детям о друге, которого хотят увидеть перед смертью. Ты то привык, дядя Конрад. А что прикажешь мне? Махнуть на всё рукой, и пойти куда глаза глядят? Я вообще-то ждала тебя.

— Не стоило. Я ведь и умереть...

Зоя выбила ложку из руки Конрада и, упершись в стол, вскочила.

— Не стоило. Ну, спасибо. Теперь уж точно не буду. Выйди за порог, я тут же умчусь. Чего какого-то олуха ждать? Да что там? Сейчас, только юбку подберу и на первой же телеге куда глаза глядят. Ты поймешь, ты привык, а мне и сидеть тут не стоило. Слушать пересуды, самой поле возделывать, самой отца и о скотине заботиться.

Конрад переводил взгляд от одной вещи к другой, судорожно вспоминая хоть что-то, что смогло бы утешить Зою. Но разум не мог найти нужных слов поддержки, успокоения. Лишь бестолковые оправдания, объяснения, которые никогда не действовали.

— Я бы хотел помочь. — сказал Конрад, отчаявшись, но заметил удивление в глазах девушки. Он понял, что заговорил на другом языке и продолжил на местном, — но я не знаю как. Прости, я привык, что здесь кто-то живет. Кто меня знает. Твой отец, твой дед, твоя прабабка и дальше. Я могу их всех перечислить, могу рассказать, как я сидел на могиле твоего предка, где проложили дорогу, которую позже забросили. Рассказать, как спускался со скалы к морю, чтобы забрать останки другого твоего родича и похоронить в горах, как и обещал ему. Но для тебя это чужие люди. Все, кроме Михаила. Для меня — друзья. И он никогда ничего не просил у меня, лишь чтобы я продолжил карту на столе и рассказал о людях, которых видел. Они ему казались интереснее соседей, хотя... — Конрад утёр слезу и представил, что перед ним сидит не двадцатилетняя девушка, уже женщина, а девочка на коленях у улыбчивого и добродушного человека, мечтающего уехать из этих мест. Как и его отец, его бабка и другие родственники, даже во времена золотого безумия.

Он еще взмахивал рукой, но слова застыли, уперлись в сжатых от горечи зубы. Вереница друзей и подруг, что превратились в прах, как и их мечты, желания.

— Хотя люди везде одинаковы? — подсказала Зоя, выдернув его из болезненных воспоминаний.

Конрад помолчал, собираясь с силами, успокаивая рассудок, и кивнул.

— Есть отличия, но...

Девушка обошла стол, подняла ложку, вытерла подолом и положила в миску.

— Он знал это. Потому и не уезжал. Говорил, что здесь ты его точно найдешь, да и стол не перевезти.

Зоя грустно улыбнулась одновременно с Конрадом.

— Было тяжело, дядя Конрад. Мне тяжело, я же привыкла жить с ним, что он всем занимается. А как не стало... Проклятье, даже погрузить времени не было. Только зимой, когда из дома носу не сунуть. Да и тогда закапывалась в эти твои свитки, книжки, лишь бы не думать о том, как быть дальше. Так сдуру чуть замуж не вышла. Благо у пьяных язык, что твоя жизнь. Повезло. Ха. Ждала, что вот приедешь ты, пожалеешь сиротку и увезешь. А как увидела, поняла, хотел бы увезти — отца увез. Хотела бы сама, чтобы меня увезли — ушла бы. — она уперла локти в стол и ссутулилась. — Так мерзко, а тут еще ты говоришь: «Я привык». Ну разве так можно, дядя Конрад?

Она поморщилась, попыталась сдержать слезы, но они всё равно катились, падали на карту на столе новыми озерами, наводнениями в прибрежных городах.

Конрад положил ей руку на плечо.

— Если тебя держат эти книги, этот стол. Давай сожжем. В свитках после пяти раз ничего интересного, а что толку смотреть на карту, если не побывать в местах, что на ней обозначены?

Зоя тихо засмеялась.

— И о чем мне тогда мечтать? Не о Тиме же. Он и двух слов связать не может.

Конрад взял руку Зои и погладил костяшки.

— Люди должны быть с людьми.

— Уж кто бы говорил.

Они молчали, каша остывала. Где-то на улице ссорились старухи, собака заходилась лаем. Кто-то стучал, пилил. В углу скребла мышь.

— Когда ты уйдешь? — прошептала Зоя.

— Когда загорится лишняя звезда.

Девушка освободила руку и рванулась к нему, обняла. Сжала со всей силы.

Конрад попытался отодвинуть её, но ощутил невероятную усталость. Ведь ему сейчас никуда не нужно, он там, где его всегда ждали, где он мог расслабиться и где хотел бы остаться навсегда.

Он одной рукой прижал девушку к себе, а второй погладил по волосам.

— Ты и в прошлый раз так говорил. Ты всегда это повторяешь. Я знаю. Папа об это говорил, и дедушка тоже. — проговорила она ему в грудь.

— Потому что это правда. Но сейчас я здесь, и это главное.

Глава 1 Часть 2

Конрад рубил дрова и радовался. Ему всегда это нравилось. Когда впервые взял топор, когда приходилось этим зарабатывать на жизнь, когда это давало простую задачу, где не надо думать, принимать решения, предсказывать последствия. Просто. Рубка. Дров. Путешествия, знакомства, смерти, пейзажи, архитектура не изменили его. Так ему казалось. Потому что до сих пор он получает удовольствие от тех же вещей, что и раньше, ненавидит то же самое, что и прежде. Всё просто. Еще не загорались бы звезды и можно считать, что жизнь удалась.

Когда возвращался в дом, то корпел над столом и правил ландшафт. Всё, что вырезано, не стереть, но он оправдывал себя, что история должна сохраниться. Пусть на этом столе останутся города, память о которых истлела, высохшие реки, сгоревшие леса, исчезнувшие народы.

Плотницкий инструмент Михаила резал с той же точностью, что и раньше. Это была еще одна вещь, что приносила удовольствие. По крайней мере, он видел результаты своих дел. Сдувал древесную пыль, проводил пальцам по новым узорам карты и грустно улыбался, вспоминая цели своих путешествий.

«Меня вела звезда.»

— Каково это? — вдруг спросила Зоя.

После нескольких дней он привык к её речи и больше не путался в словах.

— Путешествовать? О, постоянные мозоли, пыль, пустой желудок. Много всего необычного, или глупого, или красивого, или настолько странного, что не можешь отмыться от мыслей об этом как от патоки в волосах.

Она провела ногтем по только что появившейся долине.

— Быть бессмертным. Ты всех нас считаешь детьми?

Конрад вздохнул. Сложный вопрос. Неприятный. Отложил инструмент, но взгляда не поднял.

— Кого-то больше, кого-то меньше.

— Всё потому что мы глупые и ничего не смыслим? — она подняла на него взгляд. — Мы хрупкие и слабые. — последние слова Зоя говорила по слогам, — пока ты пересекаешь моря и горы, деревни чахнут, люди дряхлеют и умирают. Какого это?

Конрад поднялся и снял со стены веревку с трофеями. Сел рядом с Зоей так, что коснулся её плеча, отодвинул позеленевшую бронзовую от засаленного узелка. Указал на него.

— Вот здесь я был счастлив. Думал, что Боги благословили меня, что я за свою жизнь сделаю больше, чем кто бы то ни был. Буду управлять городами, и точно успею насладиться каждой наложницей в гареме. — Он усмехнулся. — Да, когда-то я мечтал и о таком.

Зоя приподняла бровь.

— Теперь не мечтаешь?

— Точно не о гареме и не о городах. Затем была моя первая звезда — вот она. Позеленела, смялась. Отверстие не в центре и я каждый раз боюсь, что она отвалится. У меня тогда тряслись руки как у старины Тома, когда он видел свою жену.

— Я его не знаю.

Конрад осекся.

— Прости, он умер лет двести назад.

Она отодвинулась от него и посмотрела в глаза.

— Ты мог бы не напоминать о возрасте?

— Да, конечно, прости.

Зоя улыбнулась

— И не извиняться.

Мужчина запустил пятерню в волосы, вздохнул.

— Договорились. После того первого раза, я надеялся, что мне больше не надо будет куда-то бежать, искать дороги, нужных людей. — Конрад пальцем отсчитывает по одной монете. — И с каждой новой монетой, я понимал, что ничего не успеваю. Годы идут, люди стареют, а я всё также в дороге. Когда кто-то заводил детей и становился старостой, я всё также боролся с дождём и зноем. Пока архитектор выстраивал дело жизни, а кузнец совершенствовал мастерство, я делал то, в чем сложно стать лучше других — я шел.

Девушка протянула руку к серебряному треугольнику в середине, мизинцем коснулась пальцев Конрада.

— Если тебе это не нравится, почему не остановишься?

— Потому что так... надо? Это сложно объяснить. Я столько раз пытался.

— Остановиться?

— Объяснить.

Зоя погладила зазубренный край монетки.

— Когда попробуешь осесть, расскажи.

— Хотел бы пообещать, что узнаешь об этом первой, но...

Она перебила его, и её голос стал грустным.

— Пообещай. Я привыкла.

Конрад аккуратно освободил треугольную монету из её пальцев и встал, чтоб отнести веревку к стене.

— Может и не понадобится. — Он постарался улыбнуться настолько жизнерадостно, насколько умел, но вместе с тем фальшиво. — В этом мире всякое бывает. Уж поверь. Однажды я встретил прекрасную женщину, которая...

Зоя откашлялась, сдвинула брови и посмотрела в сторону, затем в окно.

— Дядя Конрад, я тут вспомнила, ворота в хлеву покосились, почини, пожалуйста. А я трав к ужину нарву.

Она вышла, топая деревянными подошвами по крыльцу. А Конрад остался стоять возле стены, на которой сушились еще свежие мята и чабрец.

***

День проходил за днем, пока Конрад и Зоя жили вместе. Ему приходилось выходить и отворачиваться, когда она переодевалась. И хоть просила его не быть ребенком, потому что чего только он за свои годы не видел, в этом вопросе Конрад был последователен.

Иногда к их дому подходил темноволосый парень и подолгу стоял возле ворот, смотрел чем они занимаются. Но упрямо молчал.

Однажды когда Конрад чинил ограду во дворе, то не выдержал и помахал ему. Тот лишь нахмурился.

Это заметила Зоя.

— Даже не думай приглашать его. Мне и так хватает ягнячьих глазок. Еще и он припрется.

Конрад растерялся, отложил молоток и утер пот.

— Это ведь Тим? — по выражению лица Зои он понял, что угадал. — Вроде бы скромный мальй.

— И скучный.

Конрад пожал плечами.

— Хорошие люди редко бывают очень интересными.

Зоя фыркнула.

— Значит, одна черта хорошего человека у меня уже есть.

— Ты игнорируешь человека, который в тебя влюблен.

Она мрачно посмотрела в сторону ворот, но Тима уже не было.

— Я уже сказала, что мне хватает о ком заботиться. Ты сам видел его: смотрит, как будто ждет чего-то. Бродяжки и те не настолько жалкие.

— А если он осмелится зайти?

Зоя хмыкнула.

— Как зайдет, так и выйдет. С кем я готова нянчиться, так это со скотиной. И с ней хотя бы поговорить можно.

Конрад взял молоток и принялся забивать в землю деревянный столб.

— Людям нужны люди. Иначе можно в одиночестве и помереть. Ты, кстати, сама об этом говорила.

— Или в петлю залезть от скуки. — она перелезла внутрь ограды, оттолкнула поросенка. — я правда пыталась с ним поговорить, даже учила читать. Чтобы книги обсудить. Он ни в какую. А я только и знаю мнение отца, да и то на любой вопрос ответ «Подрастешь, сама поймешь». Вот я и подросла.

Она отвела взгляд и поджала губы.

Конрад опустил руки и посмотрел в окно, в котором виднелся верхний угол шкафа с книгами.

— А он умер.

— Ага. — она помолчала. — Не надо было тебе с ним знакомиться. Бродил бы себе по каким-нибудь другим селам. Проще было бы. Хотя тебе не понять. Ты же в городах бываешь, общаешься со всякими интересными людьми, знаешь истории стран. Тебе не успевают надоест разговоры про пшеницу, рожь, чахлах куриц, цену на гвозди.

Конрад внимательно смотрел на Зою. Она кусала губы и мяла тканевый пояс.

— А стол? Тебя спроси, что произошло там или там, и я услышу историю про то, как из-за гибели дочки кузнеца восстала деревня, которая позже выросла до целой страны. Или про кораблекрушение и смерть королевы с наследником. Еще куча всего в этой пыльной куче. — Зоя отмахнулась, но Конрад понял, что она о книгах. — А я в окружении свиней, коров, да с лошадьё в обнимку слушаю, как кто-то кому-то за унцию муки морду разбил в драке, да еще залил кровью весь мешок, что никому не досталось.

Конрад улыбнулся ситуации, потому что она напоминала ему множество похожих, но с куда большим размахом.

А Зоя продолжала себя накручивать.

— В мире столько всего происходит, ты столько всего рассказывал, а отец повторял, что... Мне просто жалко Тима. Он хороший парень, наверное, но это как есть просто жареное мясо, когда узнала про специи. — она подняла взгляд на Конрада. — Как мне с ним жить, если я его не буду уважать, если он не будет мне интересен?

— Это не худшее, каким может быть... муж?

— Но худшее, что я могу себе представить. Скучный отец моего ребенка. Злобного дурака хотя бы кочергой можно огреть, по яйцам дать, укусить за лицо. — Зоя загибалась пальцы и ходила вперед назад, пока свиньи следили за ней. — оторвать ухо, а что мне делать с таким? Жалеть? Я же возненавижу себя.

Конрад медленно выдохнул. Поработать уже не получится.

И правда, что ей делать? Он бы и рад подсказать, но вспомнить бы хоть раз, когда у него стоял похожий выбор. Это как вояка будет советовать художнику, как надо рисовать полководцев, которых тот видел пару раз, и то со ста шагов.

— Ну вот. — сказала Зоя, глядя в лицо Конрада. — тебе стало скучно. — она нервно усмехнулась. — Знаешь, неприятно быть на месте Тима. Когда ты выкладываешь душу, а тебя едва слушают.

Она кричала. Деревенские, должно быть, уже бегут, чтобы получить новых сплетен. А Конрад в который раз чувствовал себя виноватым.

Именно поэтому он приезжал в эту деревню к Михаилу и всем его предкам. Так уж вышло, что никто из них не ставил ему в укор его судьбу, никто не жаловался. Люди просто жили. С Зоей оказалось всё гораздо сложнее. Она больше всех оказалась готовой, чтобы уехать. Слишком похожа на Нику.

«Только в этот раз я не ошибусь, и не буду давать обещаний.»

— Идём в дом. — сказал Конрад, положил на столбик молоток.

Зоя уже покраснелась и открыла рот, чтобы возразить, но опустила плечи и устало кивнула. Она полезла через ограду и заговорила.

— Что-то я...

И в этот миг Конрад ощутил, как его сердце замерло, а челюсти сжалить.

«Только не...» — он не успел додумать мысль.

Его тело пронзила боль, которая ударила в основание, шеи, разбежалась по позвоночнику, а оттуда по рукам и ногам. В глазах потемнело, он перестал чувствовать хоть что-то кроме боли, которая нарастала и пульсировало. Казалось, что глаза вывалятся, а из ушей хлынут фонтаны крови, легкие взорвутся изнутри.

Не было ни верха, ни низа, время превратилось в одно продолжительное мучение, которое не кончалось. Любую мысль тут же вышибало очередным спазмом, очередной судорогой. Всё, что он мог сейчас — это испытывать боль, ощущая, как все его тело выкручивает наизнанку, а кости растираются в пыль.

Конрад пришел в себя, лежа на земле. В мышцах еще осталось эхо боли, но оно забывалось, как сон. Его правой щеки касалось что-то холодное.

— Тише, тише, всё хорошо. — слышал он шёпот Зои.

Это она гладила его по щеке, а голову держала у себя на коленях, пока он лежал рядом со свинарником.

Он попытался встать, но руки Зои мягко придавили его.

— Полежи еще. Вдруг оно не кончилось.

Конрад знал, что если уж он пришел в себя, то всё только началось. Но приступа можно не бояться.

— Достаточно, Зоя. Мне надо собираться.

Последние слова легли тяжким грузом на грудь. Оказалось, что ему приятно лежать вот так на коленях у молодой девушки. Когда это было в последний раз?

Руки девушки замерли.

— Собираться? Уже.

Он воспользовался её растерянностью и вскочил.

— Но ведь в прошлый раз ты пробыл у нас год или два. Нет, останься!

Снова этот взгляд.

Конрад нахмурился, ощущая, как чутье велит ему идти на юго-восток. Он покосился на небо, но было слишком светло, чтобы увидеть проклятую звезду.

— Зато больше не буду мешать вам с Тимом. — сказал он, вытер грязь с лица и пошел в дом.

— С Тимом? Проклятье, Конрад. Да остановись ты!

Нельзя медлить. Чем быстрее он доберется, тем скорее покончит со всем этим. Может быть, ему даже удастся сделать это тихо, без лишнего шума. Не как в прошлый раз. Но для этого нужно спешить.

Первым делом Конрад повязал на пояс ремень, веревку с монетами и взял ножны. Пока он это делал, Зоя уже стояла к нему в упор.

— Твоя звезда может подождать.

Он развернулся.

— Не может. Чем...

— Остановись. — она схватила его за лицо. — Ты же никогда не пытался этого сделать.

Попробуй сейчас. Что тебе мешает?

Зоя почти плакала.

— Я должен.

Как же банально это звучало. Не счесть сколько раз он сам это слышал, сколько произносил.

— Кому не плевать, что ты должен? Там же, в твоих же книгах. — она метнулась в пыльному шкафу и вытащила фолиант с тремя закладками. — вот здесь же. Умники твои говорят, что человек ничего не должен, пока он сам это не решил!

Зоя указывала на строчки философских размышлений. Мудрых и величественных, пока это не касалось обычной жизни.

Она заглянула ему в глаза и покачала головой.

— Тебе плевать на них. Ладно. Тогда возьми меня с собой. Дай только месяц, две недели. Я продам животину и пойду с тобой. — Зоя схватила походный мешок за миг до того, как его взял Конрад. — У нас будут деньги на еду, на ночлег. Возьмем тебе новые сапоги. Конрад, пожалуйста.

Зоя держала мешок изо всех сил.

Конрад не попытался забрать его, обогнул её и подошел к столу.

Она переживет, она очень сообразительная и сильная девочка. Девушка.

«Женщина.»

Конрад пытался не замечать его и связывать образ Зои с девчушкой, что сидела у него на коленях. Это всё упрощало.

— Ответь хоть что-нибудь. Тебе эта треклятая звезда дороже, чем дочь старого друга?

Он взял рейку, положил её конец к точке на карте, где сейчас находился, прислушался к ощущениям и посмотрел возможный путь. Леса, степи, пустыня. Несколько деревень, средний город и столица Харийского каганата.

Конрад боковым зрением заметил размах, но не придал значения.

Его щеку обожгло. Сам он отшатнулся от стола и посмотрел на Зою.

Её волосы растрепались, она часто дышала и смотрела с яростью воительницы. Но спустя мгновения, как их взгляды пересеклись, Зоя смягчилась.

— Прости, ты не слушал. — она метнулась к нему и схватила за руку. — Останься сколько сможешь. На неделю, на пять дней, на ночь.

Конрад замер. Видимо, у него на лице что-то промелькнуло, и Зоя ухватило за это.

— Останься на ночь. — Она сглотнула. — Со мной.

— Нет!

Он произнес это громче и резче, чем следовало.

Зоя отпустила его руку и посмотрела на карту на столе.

— Так вот зачем мы тебе. Чтобы держать карту в удобном месте и знать куда идти.

Конрад задохнулся от такого предположения.

— Нет. Зоя. Михаил был мне другом, а ты...

— А я тебе никто. — Сказала она и шмыгнула носом. — Даже не... — она осеклась, схватила первый попавшийся кусок ткани, набросила на плечи и закуталась, уставившись в пол.

Продумывать маршрут сейчас было худшей идеей. Лучше это сделать в дороге, благо он помнит карту.

Конрад глубоко вдохнул и шагнул к Зое, попытался коснуться её плеча, но она отшатнулась.

— Я всегда буду помнить тебя.

— Помнить. Может, еще монетку за меня повесишь? — она подняла на него злой взгляд. — Хотя нет, ты же не обрюхатил меня. Или всё-таки решишь пополнить коллекцию?

Она отпустила край ткани, и тот повис, приоткрывая вышивку на её платье.

— Зоя. Они не про это. Если бы я мог...

— Ты можешь. Просто останься и...

Глаза Зои расширились. Она посмотрела на рейку, что осталась лежать на столе, на точки и названия, которые она пересекала. Её взгляд забегал с карты на Конрада и обратно.

— Нет. Нет, это... — она часто задышала и отступила на шаг. — Звезды. Это ведь люди, да? Ты убиваешь людей. И каждая монета — человек. — Зоя улыбалась и отходила к столу с ножами. — А если звезда появилась недавно, то это... Скажешь сам, дядя Конрад?

Последние слова наполнились железом. В её руке оказался нож, которым можно было пух резать на лету — Конрад сам его затачивал.

— Ребенок. — Сухо ответил он. — Да. Я убиваю детей. Именно поэтому тебе нельзя со мной.

— Что-то перехотелось. — По слогам сказала она и резче. — Всё перехотелось. Ха. И поэтому ты не стал спать со мной? Боишься, что появится звездочка, ведь ты особенный, ты бессмертный. — По её лицу было ясно, что она знает, что права. Поэтому и не стала дожидаться ответа. — Проваливай, душегуб.

Конрад еще раз взглянул на карту, бросил походный мешок за плечо, оглянулся на голову медведя.

— До встречи, Бурый.

За него ответила Зоя.

— И не надейся. Ты больше никого из нас не увидишь. Никогда, слышишь?

Он слышал. Всё прекрасно слышал, и от этого на душе становилось тяжело. Ещё одно

место, куда он никогда не вернётся.

Глава 2 Часть 1

Конрад прошел через несколько деревень, надеясь, что новой жертвой станет никому не нужный сиротка. Так он избавит от страданий многих людей. В том числе и себя. Но чем дальше он шел, тем становилось яснее, что в этот раз не удастся решить всё быстро.

Прошло четыре месяца как он оказался у края пустыни. Еще месяц ему понадобился, чтобы найти караван, который согласился бы взять его с собой. Платить пришлось черновой работой — таскать ящики, вычесывать верблюдов, но благодаря этому на него не обращали внимания.

Пока он работал, ему удавалось предаваться воспоминаниям. Сколько лет прошло, как он был в Харийском каганате? Сто? Сто пятьдесят? Около того. В тот раз он забрал дочь попрошайки. Всё оказалось слишком просто, а потому он задержался на радостях и завел несколько знакомств, которые пронес через всю жизнь. Один мужчина даже путешествовал с ним. Посредственный зодчий, которому приходилось лепить из глины кирпичи, чтобы не умереть с голоду. Таким он был, когда увязался за Конрадом.

Сорок дней караван шел по бескрайним пескам, петляя под жгучи солнцем от оазиса до оазиса.

Пребывая то в воспоминаниях, то в задумчивости, Конрад терял счет дням, приходя в себя лишь, когда видел на горизонте листья пальм. И каждый раз это случалось как будто впервые.

Столица их встретила пьяными стражниками и спотыкающимися друг о друга земледельцами. Все как один пели о кричали поздравления Кагану.

— У наследника Солнца родился сын! — радовались прохожие, а с ними и караванщики — торговля выдастся удачной.

"Родился сын." — повторил Конрад, восхищаясь как разрослась столица.

Здесь каждый день должны были рождаться сотни детей. Из них несколько десятков умирать из-за неумелых повитух. А это значило, что ему еще могло повезти, как в прошлый раз, и никто не заметит горя матери среди всеобщего празднования.

Но он продолжить путь вглубь столицы — куда его звала "звезда".

Надежда еще теплилась, что, может быть, в одном из ближайших домов окажется тот несчастный, кого он ищет. Но нет. Квартал за кварталом шел Конрад оставляя за собой сотни ликующих и пьянствующих харийцев. Некоторые пытались усадить его за стол, но он освобождался и спешил уйти, чтобы гостеприимство не сменилось гневом.

И чем плотнее становилась толпа, тем больше Конрад понимал, что в этот раз ему не повезло. Его тянуло во дворец — за стены, куда в обычный день не пройдет обычный человек. Стены окружали огромное здание с куполом из белого мрамора, вокруг которого возвышались семь башен с узорчатыми стенами. Зрелище поражало. Приходилось запрокинуть голову, чтобы увидеть сияющие на солнце шпили. Даже если бы его кожа стала в тон окружающих его людей, один этот жест выдавал в нем чужестранца.

Конрад встал в очередь, которая вела во дворец. Вереница людей с разнообразными подарками в руках. Кто-то нёс рулон ткани, другой перемотанные шелковой лентой гвозди, находились и те, кто волок овцу. Та истошно вопила и пыталась вырваться.

Внутренние ворота охраняли десять широкоплечих охранников. Они осматривали каждого проходившего, разворачивали свертки, оценивали оружие.

Одного из охранников привлек кинжал на поясе Конрада, но другой ответил, что этим недоразумением только куриц забивать. Но вот что привлекло их — пустые руки. Они внимательнее осмотрели его и после короткого обсуждения пропустили.

Через двадцать шагов Конрад понял почему. На весь путь от ворот до дворца стражники выстроились в три ряда. Стоило кому-то дернуться, как на него падали несколько десятков взглядов. Этого хватило даже возмущенной овце, которая тут же притихла.

Не смотря на длину, очередь сокращалась быстро. Дарители оставляли подношения и тут же уходили. И пока Конрад вспоминал как разговаривать на харийском, пока вслушивался во фразы окружающих, он и сам не заметил, как подошла его очередь.

— На колени, чужеходец. — раздался громopodobный голос.

Конрад вздрогнул, огляделся и упал, уперевшись лбом в ковер. От того пахло грязью, потом, навозом и слезами, перемешанными с апельсинами, фиалками и благовониями.

Стражники стояли полукругом, закрывая дарителей от Кагана, сидевшего на возвышении. Рядом с ним обладатель громового голоса, а вдоль стен кучковалась знать в пестрых одеждах и украшениях. Камни и драгоценные металлы блестели в лучах солнца, которые проникали в зал сквозь десятки узких окон.

Наступила тишина. И тогда голос продолжил.

— Если тебе не знакома наша речь, — начал тот же голос, но на языке горцев из угольных скал, хотя с явным харийским акцентом, — скажи хоть слово, — добавил на наречии разбойничьих княжеств и закончил говором северных степняков. — и я донесу твои слова до властелина.

— Не позволю пескам испить слезы моей, как и говорить на чуждой для вас речи. — ответил Конрад на харийском, добавляя Тервинский говор — страны, с кем у местных мирный договор. По крайней мере был пятьдесят лет назад. — Но пусть камни струятся по моим венам, если не опечален я, что явился без дара в руках в столь знаменательный час.

Снова тишина. В любом другом дворце раздались бы смешки, но Каган слушал и никто не мешал ему, пусть даже тот и в хорошем настроении.

— Если он не в руках. — послышался другой голос, чуть шепелявый, но с улыбкой. — должно быть за пазухой, или на поясе.

Конрад вдыхал смещение запахом, чувствовал, как пот стекает по шее, лицу и смешивался со следами сотен людей, что были до него.

— Всё так, властелин. Я сам есть дар — мысли мои, руки мои, тело моё приношу я в дар, но не тебе, а сыну твоему. Ибо сотни верст я преодолел, дабы вверить свои умения через твои руки, но для него.

Каган поскреб подлокотник трона, затем бородатую щеку и сказал:

— Тервийцоев поразила гордыня, раз они не испросив считают, что лучше моих людей? Что я должен спрашивать их, вымаливать тайны? Или вы променяли прямоту на Симвальскую лесть?

Глашатай добавил.

— Правитель хочет знать, в чем твои умения, если при тебе нет ничего, что рассказало бы о них?

— Я — лекарь. — ответил Конрад. — и шел сквозь пустыню, степь и леса, чтобы приветствовать вашего сына, чтобы служить ему.

— Ты мог приплыть на корабле — это быстрее и проще. — отмахнулся Каган. — ваши купцы как раз устраивают пир в гавани.

— Как можно идти в услужение легкими путями? Мне нужно было испытание, проверка, что воля моя сильна, что я не передумаю и не буду сожалеть, даже когда солнце сожжет последнюю каплю моей жизни. И вот я здесь, песка в моей коже меньше, чем у караванщиков, но больше чем в любом из Тервийцев, что бывали в твоём светлом дворце последние пятьдесят лет.

Каган улыбался. То ли из-за дурацкой выдумки, то ли из-за Конрада, на которого с мрачной подозрительностью смотрели его же «соплеменники».

— И чем ты собираешься лечить моего сына? Ржавым ножом или погремушкой из монет? И встань, чтобы я тебя лучше слышал.

Конрад выпрямился, но смотрел на ступень ниже Кагана.

— Я сказал ранее, но лишь для тебя повторю: мыслями моими, руками моими, душой своей. Я лекарь и смогу найти кузнецов и травников, что помогут мне. Десятки послов загоню до смерти, пока не буду уверен, что смогу обезопасить сына твоего.

Каган обратился к глашатаю.

— Маруш, что ты думаешь об этом госте? Насколько ценен его дар?

— Насколько ты проверишь его, властелин. Пусть излечит смертельно больного.

Каган покачал головой.

— Зачем мне лекарь, который допустит, что мой сын станет смертельно больным? Если он упустит подобную хворь, то тут же должен быть казнен. За ложь и лень. Нет. Поднимись, чужеходец. Выбери кого-нибудь из тех, кто слушает нас и расскажи о его болезнях, просто посмотрев на него.

Конрад окинул взглядом присутствующих. Все как один в свободных одеждах, за которыми даже горб спрятать можно.

— Если и кто сможет обладать таким даром проницательности, так только избранный сын твоей земли. Но я всего лишь человек и не могу прозреть сквозь одежду. И не имею права просить оголиться тех, чья тень падает на меня. Лишь если ты позволишь, если наделишь подобной властью.

От входа начали доноситься недовольные шепотки, что проситель забирает слишком много времени. Но никто из присутствующих не решался сказать об этом достаточно громко, пока Каган улыбался.

О, нет. Он почти смеялся.

— И тогда, раздев до гола любого из моих министров ты будешь оправдываться, что я позволил это? Что из-за меня все увидели его чресла и услышали о бедах, что он терпит?

Конрад выждал четверть минуты, раздумывая на ответом.

— Ты наделяешь меня властью, но выбор делаю я. Не виновен отец, что сын избрал свой путь, как невиновна река, что корабль везет не товары, но пиратов. Пусть тот, кого я выберу, хранит злобу только ко мне.

— Тогда я бы на твоём месте выбрал женщину для демонстрации таланта. Как насчет той прекрасной девы? — Каган указал на женщину в оранжевом платье, расшитом изумрудами.

Одежда свободно спадала, выгодно подчеркивая её изгибы, которые всё же оставались скрыты. В отличие от других, её лицо скрывалось за шелковой тканью, которая оставляла открытыми только глаза и светлый лоб. Светлее, чем у любого другого харийца.

Едва слова Кагана утихли, как двое мужчин — спутники женщины резко шагнули вперед, закрыв её. За их широкими плечами осталась видна только её макушка.

Каган наклонил голову влево, как будто не совсем понимал, что он сейчас видит.

Мужчины как один, сдвинули брови и заскрипели зубами.

Но между их мускулистыми плечами протиснулась кисть с длинными тонкими пальцами, которые украшало лишь одно кольцо, от которого к предплечью тянулись две золотые цепочки.

Каган расслабился и продолжил.

— Тебя поблагодарят многие, но вот её мужа... Мне кажется, что у них появится немало соперников.

— Даже сейчас я вижу, что они заслуживают их. — ответил Конрад. — И последую твоему совету, властелин, только если она в сию же минуту начнет рожать или уже кормит ребенка. Но даже отсюда я вижу, что семя не посеяно. Я помогаю людям, а не оскорбляю почетных мужей. Пусть и с позволения величайших.

Каган разочарованно вздохнул. Сделал знак, чтобы женщина остановилась.

— Мало бы кто на твоём месте отказался от возможности посмотреть на столь прекрасную чужую жену.

— Тогда не зря вы зовете меня чужеходцем. Пути мои другие. И как лекаря, и как того, кто вверяет себя.

Конрад обвел присутствующих взглядом в поисках наиболее подходящей цели. Нельзя было выбрать слишком влиятельного, но и незначительных тоже стоило избегать — желая вернуть долг, они могли перейти черту, за которой жизнь Конрада не стоила и монеты.

Он снова встретился взглядом с той женщиной, которую предложил император. Она кивнула в знак благодарности, коснулась каждого из своих мужей и те убрали руки за спины.

Кто-то смотрел с вызовом на Конрада, другие нервничали. Попадались и те, кто держался спокойно, будто их точно не разденут прилюдно. Это позабавило бы Кагана, но Конрад не хотел снова отбиваться от убийц.

Поэтому он выбрал мужчину, который пытался сам следить за его взглядом и оценивать, на кого тот смотрит. По его лицу читались если не статус и влияние человека, то хотя бы последствия, которые могут ждать Конрада. Несколько раз он с таким выражением смотрел на него, что тот сразу же менял свою цель.

Каган терял терпение.

— Долгие раздумья говорят о сомнениях.

— И уважению к присутствующим, мой властелин. — ответил Конрад и указал на выбранного мужчину. — я выбираю этого подданного солнца.

Мужчина попытался понять на кого же указал Конрад, но рядом с ним стояли две высокие девушки. Наложницы, жены, дочери. Не важно, но они обе поняли, на кого указывали.

У выбранного отвисла челюсть, он указал на себя пальцем, набрал воздуха в легкие, но не успел хоть что-то сказать, как Каган поманил его.

— Чтож, хромай к нам, мой верный Ламуш.

— Но я...

— Хромай, в этом нет бесчестья. И пусть твои помощницы остаются на месте.

Ламуш собрался с мужеством, поднял голову и пошел к месту между Каганом и Конрадом.

И если обычно Конрад терялся в воспоминаниях, забывал про время, то сейчас всё, что в мире осталось — только Ламуш и... только Ламуш. Как двигались его мимически мышцы,

как он хромал, как смотрел, как выглядела его одежда, обувь. И по всему можно сказать, что либо этот человек свыкся с недугом, либо он подыгрывал императору.

«У него должны быть по разному стертые подошвы.» — пронеслось в голове у Конрада, как в тот же миг он вспомнил где находится и кто перед ним. У этих людей богатств хватит, чтобы обусть всю страну по три раза. Вряд ли на его подошвах найдутся царапины, а на одежде хоть одна перетёртая нить.

Тем-не менее, его хромота казалась наигранной. Он не морщился, когда ступал на «больную» ногу, не держал при себе трости. И пусть вместо неё могли быть женщины, но стоя в толпе он не опирался на них. Более того, это их руки лежали на его.

Ламуш разделся. Конрад все так же наблюдал за его движениями, и всё в нём выдавало, если не совсем здорового, то еще бодрого мужчину, чью старость задержала сытая и активная молодость.

К чести Ламуша, он не прятал член или огромный живот. Чуть обвислая грудь давала понять, что когда-то она обладала крепкими мышцами. Но ногах ни одного шрама, ни одной выделяющейся шишки. Все его раны выше пояса, ноги прямые, поэтому он точно не мог быть из кавалерии.

— И долго ты будешь думать? Больному станет хуже, если только смотреть на него. — поторопил его Каган.

Конрад потер подбородок, поскреб шею. Надо было ухватиться хоть за что-то.

В этот миг Ламуш поморщился и потянулся к локтю, но тут же сдержался. Этого хватило, чтобы обратить внимание на красную припухлость на локте и увеличенные костяшки.

"Подагра." — догадался Конрад.

— Светлейший, все в этом зале, кроме меня знают, что господин Ламуш не хромым. Судя по его коже, по суставам, как я их вижу, предположу, что у него порой болит спина, когда он долго не встаёт из-за кресла. Тем не менее, молодые жены или подруги не дают ему заскучать и он не испытывает в отношении них проблем. Предположу, что это благодаря фехтованию. Однако, я вижу, что его стопы почти полностью касаются пола. Я бы порекомендовал ему больше ходить босиком или вспомнить молодость и лазить по лестницам.

— Это можно сказать любому, кто старше двадцати трех. — усмехнулся Каган и оперся локтем на трон.

— Не посмею обобщать. Тем не менее, господин Ламуш злоупотребляет винами и морской едой. Если он планирует и дальше страдать от боли, то пусть продолжает. Если он устал чувствовать как стальные нити проникают в локти или костяшки, ему следует чуть позже пообщаться со мной.

Каган приподнял брови, сел поудобнее на троне. Одна из подушек соскользнула и упала. Глашатай в тот же миг забрал её и положил у спинки.

— А мне известно, что мой Ламуш, не может обойтись без того, чтобы оросить землю.

— Тогда он, должно быть, хороший земледелец, потому что это никак не говорит о его здоровье. Он стоит перед вами, и стоял среди ваших подданных, но одежды его сухи. И я не вижу никакого беспокойства кроме того, что испытывал бы любой, оказавшись нагим перед соратниками и друзьями. Позвольте подвести итог. Ламуш крепок, у него нет проблем в постели, но мне не нравятся суставы на его руках и голубоватый оттенок губ. Стоит ограничить себя в вине и волнениях, иначе может не выдержать сердце. При этом он не

может долго стоять без движений. Чтож, властелин, у каждого приходит время и с этим уже ничего не поделать. Тем более, Ламуш на ходит часовым, чтобы подобно твоим стражам взирать на твоих гостей подобно статуе. Он не страдает от холода, значит кровь его ходит по телу хорошо, она здоровая. — Конрад перевел взгляд на других гостей, на Ламуша, — На этом позволь мне закончить и больше не испытывать терпения твоего смелого и верного вассала — я не смею доставлять ему неудобств и наживать врага, не получив более влиятельных друзей.

Каган посмотрел на голого придворного, на столпившихся дарителей, на Конрада.

— Я бы проверил тебя еще, но мои подданные слишком долго ждут. Поздравляю, чужеходец, я принимаю твой дар от имени моего сына. С сего дня ты один из помощников моего целителя. Служи верно, и будешь видеть солнце в каждой монете, что упадет тебе на ладонь.

Конрад почувствовал укол совести. Ему доверились, а за его предательство головой поплатятся другие люди. Вряд ли император после смерти сына станет кому-то доверять. Но того требует долг.

Ламуш пошел на место. Он уже не хромал, но было явно видно, что лишний вес мешал ему идти. И как только он приблизился к девушкам, сопровождающим его, то одна тут же бросилась за одеждой, а второй подставила руку, чтобы Ламуш оперся.

Тем не менее, Конраду серьезно повезло. Теперь у него будет доступ к наследнику, а значит всё пройдет проще, чем могло бы быть.

— Благодарю тебя, о...

Конрад осекся.

"Да вы шутите." — подумал он, чувствуя, как по телу растекается боль.

Где-то зарождалась новая звезда.

Конрад очнулся от тычка в бок.

Он еще тяжело дышал, возвращаясь к понимаю кто и где его окружают. Одно из худших мест, чтобы почувствовать зарождение избранного.

Каган стоял перед тронем и заглядывал из-за голов стражников на беспомощного Конрада.

— Ты что-то смыслишь, но что за целитель, если носит в себе такую болезнь и не может справиться с ней? Моему сыну не нужны сломанные дары. И я не подарю ему больного целителя, как не подарил бы дырявых сандалей или ржавый меч. Ты опечалил меня, чужеходец. Пусть кто-то другой примет твои услуги, а теперь ступай прочь. Да будет солнце к тебе благосклоннее, чем я. — повернулся к глашатаю. — Дайте ему золота за то, что нас повеселил.

Конрад попытался возразить, но его уже оттаскивали стражники. Под раздраженными взглядами дарителей и придворных — дальше от сына императора, дальше от цели.

Он дернулся, и тут же понял опасность этого. Крепкие руки сильнее сжали его плечи, лишая хоть какого-то шанса освободиться.

Стража вывела за ворота и оставила.

Конрад проводил её взглядом, как и десятки дарителей, кто шептались и указывали на него.

Он поправил ремень, ножны, провел пальцем по монетам, глянул на последнюю — та блестела маленьким солнцем. Остальные тоже были на месте.

— Твой путь из нашего города ведет. — сказал пожилой мужчина и протянул расшитый мешочек, шедший от дворца.

Незнакомец был одет в синий кафтан. А серый платок вокруг шеи указывал на его статус — каганский слуга.

Конрад взял подарок и пересыпал монеты в свой кошель.

— Насколько скоро? Пока Ламуш не вспомнит обо мне? — спросил он.

Слуга улыбнулся.

— Нет, но никто тебя не примет как лекаря. А за светлейшего Ламуша не беспокойся — он не из тех, кто мстит неудачникам. Да прибудет солнце с тобой.

Конрад ответил:

— И да согреет меня его благодать.

Поклонился слуге, а когда тот ушел, привалился к ближайшему дому и стал смотреть на очередь.

Как же так вышло? Приди он раньше или позже на час — всё прошло бы хорошо. Всё бы получилось!

Он схватился за голову. Очередная досадная неудача. Что ему теперь сделать, чтобы пробраться во дворец? Попроситься служкой? После того, как ему отказали в положении лекаря? Его точно допросят — зачем ему к сыну императора? Уж не наемный ли убийца?

Конрад горестно хмыкнул. И да, и нет. Запрокинул голову, ударился затылком о стену и скривился. Это малая боль по сравнению с недавней. Но что дальше? Пойти за новой звездой, в надежде, что там удастся справиться раньше? Затем вернуться? Избранный подрастет. И тогда станет сложнее убить его незаметно. Кроме матери и пары сиделок его

окружат учителя и толпы слуг. Придется убить еще много других людей. А значит уходить нельзя, пока он беззащитен.

Конрад посмотрел на стражников, на высокие стены, на башни.

— Беззащитен. — прошептал он.

И снова погрузился в мысли. Может быть, это знак, что ему пора наплевать на божественный долг, на людей, что прольют кровь из-за избранного, на ноющее в груди чувство незавершенного. Ведь сейчас ему надо убить сына правителя целой страны. И даже если войдет во дворец, то где искать в десятках, если не сотнях коридорах? У кого спрашивать?

— И как выбраться живым? — добавил он в конце и замер.

Это были те вопросы, на которые ему стоило дать ответ: Как пробраться, где искать и как уйти.

Искать однозначно в опочивальне жены Кагана. Но где она? В башне? С этого места невозможно понять.

Конрад глубоко вдохнул и очень медленно выдохнул, глядя себе под ноги. Он разглядывал плиты и песок, который забился в стыки между ними. Песчинки перекатывались от едва уловимого ветерка, обнажали одни неровности и скрывали другие. И чтобы увидеть плиту целиком надо было просто не давать песку попадать на неё. Или ждать и запоминать.

Он усмехнулся, поднял голову и иначе взглянул на дворец. В поисках возможностей. То, что он должен был искать сразу после того, как потерпел неудачу.

Узоры на башнях. Они выглядели так, будто их вытесали на камнях, из которых строили её. Значит по ним можно забраться. Но, что днем, что ночью его фигуру легко заменят на светлом фоне.

Он представил, как между ребер впивается стрела и отмел этот вариант — слишком опасно. Тем более, это может быть лепнина. Хрупкая, ненадежная — стоит только схватиться, как куски полетят вниз, привлекут внимание стражников и тогда тот же исход.

Башня. Конрад был почти уверен, что ему туда. Конечно, во дворце мог появиться и другой ребенок. Какой-нибудь прачки или поварихи, тогда он слишком все усложняет. А значит, появляется еще один вопрос: есть ли во дворце ещё новорожденные? Но кто об этом может знать? Те же самые прачки, конюхи, повара. Все те люди, чья унылая жизнь сподвигает их на сплетни и мелкие дрызги.

«Надо искать подобных им.»

Из дворца это было бы значительно, проще, но ему не повезло, и второго шанса представиться ко двору нет. Тем не менее, в его кошельке появились деньги. Маленькая удача после большого провала. Чтож, зато теперь он сможет поесть.

Харийская чайхона мало чем отличалась от таверн. По большей части здесь сидели на полу — на топчанах. Рядом с которыми стояли подносы с кружками, где-то кальяны и все сплошь заполнено дымом и запахом душистого табака, напоминавшего Конраду болотные испарения. А по центру стол на двенадцать человек — для торговцев и чужаков.

Конрад не успел отодвинуть стул, как рядом с ним появился хозяин чайхоны — плешивый и сутулый мужик, с усталой улыбкой.

Заметив, что Конрад тянется к кошельку, тот вскинул руку и поспешил усадить гостя.

— Даже не думайте. Иначе меня отправят добывать изумруды. Еще два дня все угощения за счет солнечного дворца.

— Тогда мне чаю и рубленой курятины.

Сутулый тут же исчез.

Окружающие пили, шутили, спорили какое имя дадут младенцу, играли в азартные игры. А Конрад слушал. Кто обмолвится словом про дворец, про службу при дворе, возможно, назовёт имена.

Но ничего.

Тогда он несколько раз скривили лицо, подбирая нужное выражение тоски и мечтательности, после чего подошел к хозяину чайхоны.

— Я в печали, друг мой. И даже солнце не развеет тучи моей грусти.

Тот усмехнулся, передал вино помощнику и указал кому отнести.

— Разговариваешь как мой покойный дедушка. Тот тоже любил вычурность и припоминать солнце в каждой фразе. И тут есть два объяснения — либо ты тоже трогаешься умом, либо тебе достался плохой учитель.

«Или я был здесь сто лет назад». — Мысленно ответил Конрад и улыбнулся.

— Тогда твой дедушка помог бы мне объяснить печаль. Влюбился я, мой друг, влюбился.

— Он бы объяснил тебе только на какой горох детей коленями ставить. — хозяин чайхоны вздохнул, отрезал ломоть мяса и положил в рот. — странный ты.

— Я же чужеходец.

— Да, да, вижу. Но говоришь как мой прадед.

— дед.

Сутулый приподнял бровь, цыкнул.

— Даже прапрадед. Но не суть, а заботишься о такой мелочи. Ну прямо мальчишка. Зачем тебе любовь в дни праздника? Любительниц экзотики ты легко найдешь. Пусть не очень молод, не брит, бледен, но вино украшает каждого. Выпей еще.

Конрад готов был согласиться с ним. Случайная встреча и алкоголь могли бы отвлечь от душевных терзаний, но не приблизить к цели.

— Она служит при дворе Кагана.

— Не лучшая характеристика для человека. — хозяин развел руками, — но раз мальчик влюбился, то думать головой он не намерен, ведь так?

Конрад опустил взгляд, усмехнулся, вздохнул.

— А ты знаток душ.

— Мне просто не повезло слишком любить вино и деньги. — усмехнулся сутулый и обвел руками зал. — думаешь тут мало таких как ты? Каждый четвертый.

— И каждый четвертый сможет мне помочь передать ей послание?

Хозяин замер, зажмурился, улыбнулся.

— Прости, что? Послание? Тебе за тридцать, а такие замашки. Нет, ты точно полоумный, мой друг. Подойди к ней, скажи, что восхищаешься тем, как она себя держит, её руками, её талантами. Что готов поддержать её и расчистить путь к её мечтам. И что решишь любые её проблемы.

— Я настолько смешон?

Хозяин пожал плечами, снова отрезал мяса и предложил Конраду. Тот взял.

— Что есть, то есть. Ох, ко мне всякие заходят. Из дворца тоже. Скажи, хотя бы, кто твоя... — он откашлялся и добавил голос ниже. — звезда, что затмевает солнце. — сморщился и прохрипел. — самому мерзко.

— Она помощница повитухи. Так назвалась.

— Со вкусом у тебя проблемы. А по имени?

Конрад развел руками.

Хозяин покачал головой, налил себе вина и отпил.

— Мальчишка, вот хоть солнце не свети, а мальчишка. А выглядит как?

— У неё такие глаза, как...

— Только их и видел?

Конрад поджал губы, положил в рот мясо и кивнул.

— Нет, всё-таки полоумный. — решил хозяин.

— Так сможешь передать послание? Если не любви моей, так её наставнице. Чтобы я с встретился с ней и признался.

По одному виду хозяина казалось, что ему приятнее сжечь своё заведение, чем участвовать в этом балагане. Конрад тоже это понимал, потому что услышь он сам со стороны подобные слова, высмеял бы идиота.

Тем не менее, сугулый все же задумался. Вспомнил что-то, посмотрел на посетителей, чему-то улыбнулся, покосился на Конрада, вздохнул

— Я всегда знал, что чужеходцы истеричны как младенцы. Наверное, поэтому вы никогда на месте не сидите. Будь я...

— Так сможешь?

Хозяин допил остатки вина, взял бутылку, чтобы налить еще, но передумал.

— Помогу. Давай свою записку. У меня есть несколько знакомых, кто сможет передать. «Маленькая удача».

— Да, конечно. Только скажи, что от тайного...

— Хватит.

Конрад выдохнул. Первая часть задачи была выполнена. Оставалось надеяться на наивность повитухи, то, что ей польстит внимание незнакомца, а ему удастся узнать о количестве новорожденных во дворце.

Конрад еще долго сидел в зале, вслушиваясь в разговоры, в слова, которые используют местные, всматриваясь в их жесты. Уже и солнце зашло, но народа не убавлялось. В конце концов он решил остаться на ночь.

Но не успел раздеться, как к нему постучались.

Это был помощник хозяина чайхоны. Он протянул Конраду записку.

— Тебе.

«Как быстро.»

— Спасибо, я должен что-то?

— Двойной завтрак и чашу вина.

Конрад достал серебряную монету и дал пареньку.

— Щедрость окупается дважды? — усмехнулся мальчик и спрятал монету. — пусть тебе окупится трижды.

И ушел.

Конрад развернул кусок материи, от которой еще пахло чернилами. Они смазались, но прочесть было можно. Аккуратный почерк описывал место, где Конрада ждут. А так же небольшую схему как ему надо идти, чтобы прийти к условленному месту.

Либо мальчишка рассказал, где поселился "воздыхатель", либо паренька и так все

знают, как бывает с помощниками различных жрален.

Ночная прохлада пробиралась под одежду, покалывала пальцы. Но на больших улицах люди продолжали веселиться. Разгоряченные и пьяные, они толкались и обнимались.

Конрад сверился с письмом и понял, что его путь идет через проулки.

"Чтобы никакая пьяная любительница экзотики меня не перехватила?" — подумал он и тут же свернул с улицы.

Через несколько поворотов ему стали попадаться бездомные. Они прижимались друг к другу, обнимая свертки из пальмовых листьев — то, что удалось урвать с общего стола. Чуть позже он заметил как стражники отволакивают полусознательного бедняка в подворотню. Тот признавался им в любви и лез обниматься, но выглядел он как котенок, которого взяли за шкурку. И который тут же уснул, едва лег на землю.

Конрад видел это множество раз. Казалось, что во всех землях у бедняков и стражников одни и те же взаимоотношения. Первые обычно не попадают на глаза вторым и тогда всем хорошо. Никто никого не бьет, никто не жалуется на оборвышей перед своим домом, а что творится за углом этого дома — уже мало кого волнует. Главное — чтобы сохранялось впечатление.

Чем дальше он шел, тем больше приходилось обходить переступать полуголых мужчин, кормящих матерей. Последние по привычке тянули руку за подающим, хотя рядом лежали запасы еды на несколько дней. Были и те, кто оценивали его, задерживали взгляд на ноже, но монетах. И явно рассуждали стоит ли риск обещанной выгоды.

Конрад замедлился, когда в трёх проулках подряд не оказалось ни одного бедняка. Приятное запустение, если бы не оставленные куски хлеба. Возможно, здесь произошла драка, и люди предпочли сбежать. Или кто-то всех прогнал.

Он достал нож, прислушался.

Тишина.

Мог ли мальчишка обмануть его? Конечно. Была ли ему выгода? Естественно.

Конрад подошел к очередному повороту, шагая так, чтобы не звенели монеты. До места встречи с «повитухой» оставалось несколько переходов. Он заглянул за угол. Снова пустота. Проход шириной в два метра. Возле стен прогнившие доски и осколки кувшинов. В песке темные капли и что-то светлое в них. Он присмотрелся. Зуб. Дальше следы людей, лежанок.

«Столько стараний ради меня.» — подумал Конрад, спрятал клинок за предплечье и сложил руки на животе.

Он приготовился, что вот именно здесь его окружают с двух сторон, нападут, как бывало десять, может двадцать раз. С показательной медлительностью, чтобы нагнать на него страх, но нет. Он заметил их за два метра до очередного поворота. Точнее не их, а кусочек полированной бронзы, что отразил луну прежде чем исчезнуть за углом возле самой земли.

Конрад шагнул и остановился.

Он ждал. Ждал, когда кончится терпение у бандитов. Ждал звуков, каких-нибудь других свидетельств о том, что там кто-то есть. Если они пришли за ним, то, минимум, занервничают.

Прошла минута, две. В тишину переулка пытались вмешаться далекие звуки веселья, крики ночных птицы, шорохи ветра по крыше. Но те, кто его ждали, все еще не подавали виду. Проклятье, он даже засомневался, что увидел отблеск. Или всё же нет? Но у него есть почти всё время мира, так что лишний час он постоит без проблем. А если ничего не произойдет, то пойдет дальше. Повитухе не составит труда подождать поклонника, уж если

она по несколько часов достает детей.

Спустя пять минут зеркальце вновь появилось. Едва оно показалось из-за угла, Конрад рванул вперед, ударил сапогом по руке и повернул за угол.

Там стояли трое. У двоих короткие дубины, третий поднимался и доставал свою.

Конрад кольнул его в лицо. Попал под нос, лезвие скрипнуло о кость, проникло. Он рванул его в сторону, разрезая лицо незнакомца.

Двое других уже били. Конрад увернулся от первого удара, сблизился со вторым и принял дубинка плечом. Та прошла по касательной. Конрад, воткнул лезвие в предплечье атакующему у самой кисти, провернул. С разворота ударил пальцами по глазам второго, вытащил нож и рукоятью врезал в кадык.

И побежал прочь.

Все произошло в несколько мгновений. Конрад успел дважды свернуть, как раздался первый крик боли. Должно быть это был тот, которому он разрезал лицо. Затем зазвучал еще один голос.

Конрад знал, что такие раны не смертельны. В большинстве случаев, когда рядом есть врач или хотя бы несколько метров ткани, чтобы перевязать их. Но зато первым двум вряд ли захочется нападать на людей, либо они станут гораздо лучше в этом ремесле. А третий... Чтож, вид чужих ран, порой, помогает пересмотреть свои взгляды на профессию.

Город как будто не слышал криков. Люди все так же занимались своими делами: пели и веселились.

Конрад выбежал на из переулка, вклинился в гуляющую толпу, протиснулся между женщиной и её детьми, нырнул в очередной переулок и остановился отдышаться. Прислушался.

Ничего.

Заглянул за угол. Преследователей не было.

Чтож, он умудрился за один день найти кого-то, кто желает ему зла.

"И правда. Кто бы это мог быть?" — спросил он себя, зная ответ.

Если раздеть человека при всем дворянстве, то даже самый миролюбивый затаит обиду.

Конечно, и хозяин чайхоны мог попытаться нажиться на чужеземце. Но тут проще найти упившегося вусмерть торгаша.

Как бы то ни было, повитухи нет, и, скорее всего, не будет. Ему придется самому её искать. Но для начала стоило бы где-нибудь спрятаться.

Он решил пойти дальше от веселья — туда, где меньше всего людей. Празднование продолжится еще пару дней, а значит у него есть время найти заброшенный дом или...

Конрад переступил через бормочущего бездомного. И осознал, что будь здесь хоть собачья конура, и та была бы занята. Значит ему стоит искать наименее обдуваемый угол.

Продвигаясь к окраине столицы, он увидел стройку, где стены нового здания уже возвели, а среди лесов и груд кирпичей валялся всякий хлам. Здесь же горели факелы и ходил скучающий охранник, который то и дело, попивал из бурдюка.

Происходившее в соседней части города его не волновало. Он останавливался, оглядывался и шел дальше, шаркая ногами и бормоча.

Конрад посмотрел назад, прислушался.

Всё еще никого.

Можно успокоиться и переночевать здесь. Кроме этого охранника никого, а рабочие если и придут, то по утру. Там уже никому не будет дела до еще одного человека.

Конрад перешел узкую улицу и, прячась за кучами кирпичей и песка, вошел в здание.

Изнутри оно казалось больше, чем снаружи. Высокие стены, отсутствие потолка и длинная зала, которая заканчивалась двумя дверными проемами.

«Новый храм?» подумал Конрад и прошел чуть дальше, обходя доски и перевернутые ведра.

Внутри каждого из проемов был коридор. Уже через несколько метров Конрад не мог разглядеть даже стены. Он повернулся, чтобы посмотреть на факел, но решил, что даже мельчайшая искра выдаст его.

Он коснулся стены и пошел, выставив вперед руку. Несколько раз повернул, затем у него что-то смялось под ногой и он во что-то врезался бедпром.

Рядом покатился какой-то шар, замолк и миг спустя разбился. Раздался дребезг стекла и звон металла. Послышалось ворчание, шелест бумаг, скрип древесины.

Конрад затаил дыхание, готовый снова бежать.

— Кто здесь? — раздался сиплый голос и мелькнули искры. — все работы завтра. Песка вам зашиворот, да ветров в штаны. Кто ночью бродит? Ушаг, ты что ли?

— Нет. — ответил Конрад.

Суэта в комнате прекратилась. Незнакомец перестал выбивать искру.

— Если вы хотите что-то украсть — воруйте, но дайте мне снять копию. Если по поводу оплаты, то приходите днем и не ко мне, а к...

— Я искал место для ночлега. — перебил его Конрад. — а не для... что вы там перечислили.

Послышался облегченный вздох.

— Очередной бездомный. — и незнакомец продолжил со злобой, все громче и громче. — Да чтобы вас поглотил пепел. Проваливай, пока я не позвал охранника. Давай, давай. И даже не думай здесь мочиться. Я по запаху людей узнаю, и тебя разыщу, да такие распорки в зад поставлю, что этой арке сам Зулдай Камнетворец позавидует.

Знакомое имя. Конрад невольно улыбнулся.

"Зулдай Камнетворец?"

— Как помню, он считал, что арки используют хвастуны и те, у кого много лишнего времени.

Наступила тишина.

— В молодые годы да. Он высказывал такое мнение. Хотя забавно такое читать в письмах известного мастера арок, к которому обращались сами... Так, подождите. Надеюсь вид вашего лица мне не грозит сломанным носом или ударом ножа?

Конрад задумался над смыслом фразы.

— Нет, я не планировал вас бить или... — он наконец понял. — Ах. Если хотите зажечь факел, то я не против.

— Какие тут факелы? Только лампа, но... Ой, кажется, вы её разбили. Проклятье. Все мои чертежи сейчас окажутся в масле, придется их... Что за бездомные пошли? Врываются в кабинет, громят стол, рассуждают о раннем Зулдае. Пойдемте на выход. Хоть посмотрю на того, кто не дает мне спать.

Незнакомец коснулся лица Конрада, затем взял за руку и повел наружу.

Под светом луны оказалось, что это щуплый и мужчина в заляпаной робе. На полголовы ниже Конрада, но сколько ему было лет, сложно угадать. За спутанной бородой, испачканной в чернилах, мог быть и шестидесятилетний старик и сорокалетний мужчина.

— Благая тень! Ты же чужак. А говоришь как на соседней улице родился. Во дела пошли. А теперь рассказывай. Как вышло, что чужак, знакомый с творчеством Зулдая, оказался на улице и не может найти где переночевать? — он держал Конрада, осматривал со всех сторон и тараторил. — В мое время любой путешественник мог найти себе постоянный двор или конюшню. Хотя из путешественников у нас бывают только торгаши и... — незнакомец закусил большой палец, задумался, пожал плечами. — и торгаши. А ты, дай на тебя взглянуть. Тьфу ты. Эй, Шарот, принеси факел, ко мне тут гость прокрался.

Охранник переспросил, и незнакомец повторил.

— Принеси мне факел! — крикнул он, и добавил, но уже тише, — С каждым годом люди слышат всё хуже, а чтобы им хоть что-то объяснить приходится тратить по полдня. Итак, я тебя слушаю.

Конрад слушал незнакомца и время от времени не понимал, с ним ли разговаривает этот мужичок?

— На меня напали.

— И ограбили? О, история стара как мир. Но кто станет нападать на тебя? Посмотри на себя. Да ты в одних обносках. Да и зачем ходить там, где нападают? Либо ты хочешь мне солгать, либо недоговариваешь.

Конрад пожалел, что выбрал из двух проходов не тот.

Улыбнулся смущенно и свободную руку запустил в волосы.

— Вы меня видите насквозь. Я шел на встречу к женщине — помощнице повитухи, а по пути на меня напали какие-то мерзавцы.

— Её братья? О, не волнуйтесь, у нас часто такое случается. Тайные встречи между влюбленными не редкость, не редкость и драки за невесту. Обычай. Но даже не думайте обращаться к стражникам. Они всегда будут не на твоей стороне. Эти медноголовые олухи только и ищут кого бы пнуть или толкнуть. А кому тогда обращаться? Эй, Шарот!

Конрад дернул рукой, которую держал незнакомец.

— Не надо ни к кому обращаться. Я доверился человеку, а он меня обманул, что познакомит с нужной женщиной из дворца. Пришлось убежать и вот я здесь.

Незнакомец хохотнул и покачал головой.

— Куда ж ты глянул. То что она из дворца, молодой человек, вам путает все узлы.

— Я понимаю, но мне надо как-то туда добраться, увидеться с ней, задать несколько вопросов.

— А затем умереть, проткнутым пикой или простреленный из лука. Как тебя зовут хоть?

— Конрад.

Незнакомец отпустил его и хлопнул в ладоши.

— Ха. А ты знал, что у Зулдая был друг точно с таким же именем и тоже чужак, а?

Конрад улыбнулся, вспоминая посиделки с молодым архитектором, который не стеснялся пролить чай на чертежи и сказать, что сделает еще лучше. Пока они ходили вместе, такого не случилось ни разу.

— Вроде бы.

— Так знал или нет? Теперь ни от кого даже нормального ответа не дождешься.

К этому моменту охранник принес факел. Однако, не смотря на спокойную обстановку. Он держал в руке дротик.

— Убери эту палку. Это гость из далеких земель. Зовут также как и... Ай, да что тебе рассказывать. Иди, утрамбовывай свою землю.

Охранник пробубнил что-то под нос и ушел, поглядывая на Конрада.

А незнакомец стал осматривать его, остановился, когда из-за света факела заблестела золотая монета, и хмыкнул.

— Вы все носите вот такие веревочки?

— Это на удачу. — соврал Конрад. — традиция.

— И нож со змеей и солнцем?

— У нас на домах и на мебели делают этот узор. Популярный сюжет.

— Либо вы все чужаки на одно лицо, либо опять совпадение и ты из краев Конрада. Прогнать бы мне тебя за разбитую лампу, испорченные чертежи. Но столько совпадений. Знаки теней надо читать и уважать, иначе балки посыпятся и фундамент утонет. Смекаешь?

Сколько раз он слышал об этом от Зудая. К тому же он в отличие от соплеменников предпочитал восхвалять тень, потому что в ней приятней отдыхать.

— Самую малость. Я о строительстве слышал только за чаем и в пьяных разговорах.

Незнакомец хмыкнул, стряхнул песок с ближайшей доски и сел.

— А я вырос с пылью в глотке и карандашом в руке. Моё имя Расим Шурег. И я запроектировал эту кучу кирпичей, слежу за ходом работ. Я архитектор, как и Зульдар, только не такой известный, раз о нём знают в чужих землях.

Конрад улыбнулся. Еще маленькая удача.

— А я бродяга. Путешественник, который собирает монеты.

— На удачу. — добавил Расим.

— На удачу. — подтвердил Конрад.

И архитектор засмеялся.

— Плохая у тебя удача, раз столько монет, а оказался сегодня без ночлега, да еще и чуть не ограбили. Или ограбили? Впрочем, это без разницы. На эту ночь можешь остаться здесь. А затем, как бы меня не радовали все совпадения, тебе придется поискать другое место. Работников у меня предостаточно.

— Даже тех, кто умеет читать и немного чертить? — поинтересовался Конрад.

— Даже тех. — Расим подождал, — но ты можешь показать завтра что умеешь, что знаешь, а там... Может мне и удастся хоть несколько ночей провести дома.

Утро наступило вместе с ударами молотов и скрежетом пил. Конрад вышел из внутреннего помещения, рядом с кабинетом Расима, и зажмурился от солнца. Оно словно хотело выжечь глаза и изжарить каждого, кто посмел не спрятаться в тени.

Рабочие отвлекались на Конрада, но тут же возвращались к работе. Уже к полудню к нему попривыкли и перестали замечать.

Как раз тогда Расим и выбрался на улицу. Он был в той же одежде, что и ночью, и походил больше на заблудившегося бедняка, чем на уважаемого мастера. Тем не менее, едва он появился, строители перестали разговаривать. Лишь когда что-то нужно было по работе.

Расим зевал и не прикрывал рот. Из-за чего, при каждом его слове в воздухе повисала вонь нечищенных зубов.

— Значит, ты умеешь читать чертежи?

Конрад почесал в затылке.

— Приходилось, но это было лет двести назад. Может триста. Сейчас и не вспомнить.

Расим хмыкнул.

— Это как с завариванием чая — если научился, то пиши пропало. — он достал из сумки несколько тканых свертков и показал Конраду. — давай, расскажи, что ты видишь на этом чертеже?

Конрад всмотрелся в кучу линий, которые в первый момент рябили, а затем выстроились в узор. Отличный от западных или северных приёмов работы, но все же понятный. Язык цифр и условных обозначений.

— Вот здесь. — он указал на середину стены. — должна быть башенка, как и на противоположной стене, но её нет.

— И не будет. — качнул головой Расим. — ещё.

Конрад посмотрел чертеж, оглянулся, перевернул, посмотрел на архитектора.

— Это ведь старая версия здания. Есть другие чертежи?

Расим хмыкнул и подал еще один, который изображал планировку здания с торца.

— В задней части как будто решили изменить расположение лестниц. Так-то они выходили на север, но с имеющейся высотой они закончатся на южной стороне. Или правила изменились?

Расим забрал чертежи, свернул и убрал в сумку.

— Правила остались те же, но оказалось, что с крыши этой халупы можно будет разглядеть двор одного из приближенных Кагана. Ему не понравилось, что за ним могут следить, и что это вмешательство в его жизнь, куда только... В общем, пустая болтовня дурака, который боится показаться нагишом в своём саду.

— А башня у стены?

— Министр дорог возмутился, что в таком случае по этой улице не сможет проехать наш величайше-великий властелин со всеми своими подданными, согласно кодексу. А значит министрам и советникам придется сужать колонну, а для этого придется выдумывать новые правила, чтобы никто ни на кого не обиделся. Вот так мне пришлось из утонченного здания с выверенной симметрией делать кадавра, которого при рождении нужно утопить в ослиной моче. — он осекся и закричал во все горло. — вы куда плиту ставите? Смерти моей хотите?

Несколько рабочих, что держали каменную плиту замерли.

— Но так ведь было бы удобнее. И мы могли бы проходить по ней, да и на самый верх её не нужно было бы тащить. Она ж тяжелая.

В этот миг Расим действительно проснулся, а с ним и Конрад, хоть только сейчас и понял, что дремал до этого.

— Скорпионьи выродки, чтобы в ваших глотках желчь встала раскаленным камнем, а из вашего кала торчали колючки. Вы что делаете? Положите плиту, пока не пришел её черед! Если бы вам платили за ваши идеи, вы бы должниками остались!

Крик затих, архитектор попытался отдышаться, а затем посмотрел на Конрада.

— Так и приходится работать.

— Ночью меня бы такой крик напугал.

Расим отмахнулся.

— Ты не пытался из песни сделать свиной визг. Ладно, уже не из песни, но что они вытворяют? А теперь представь, что я бы поспал на полчаса дольше. Или пока я спал кто-то уже чего-то наделал. Мне теперь ходить весь день по стройке и смотреть не напортачил ли кто, чтобы потом переделывать?

— Наверное, нет.

— Да, Конрад. Да. И я сейчас пойду, а ты со мной, потому что ты мне должен за разбитую лампу, и будешь отрабатывать, и мы будем смотреть где и кто снова напортачил. Вот тебе чертежи, а я так пойду — мне они уже снятся. И хуже того, я их каждую ночь правлю, а на утро они такие, как ты и видишь.

Они пошли по стройке. Уже через несколько минут до Конрада стали долетать переговоры из разряда: «Кто этот чужак?», «Я его раньше не видел.», «Когда это его верблюды выссал?». Везение, что болтовня Зальдура оказалась полезной, сразу же компенсировалось неприязнью рабочих. Косые взгляды участились, а когда Расим требовал от Конрада высказать свое мнение, то на него смотрели так, словно хотели выложить вокруг него еще одну башню, но без дверей и высотой в десяток метров.

Расим оказался дотошным. Он трижды приказал перекладывать ряд из-за криво положенного кирпича.

— Это всего лишь кирпич. — возмутился молодой работяга.

— А у тебя всего лишь хребет. Если бы тебе в детстве сломали всего один позвонок, мог бы ты сейчас также ходить и разговаривать? Тебя отдали бы солнцу. Так что бери своё уродливое детище и вылечивай, пока я не решил, что твой род бесполезен во всех смыслах.

Конрад смотрел на злящегося юнца, на дворцовые башни, что высились над городом за его спиной, сдерживал стремление бездумно рвануть и действовать почему зря. Ведь сейчас надо было, как и хорошему строителю, неспешно выкладывать кирпич за кирпичом, чтобы создать здание идей и планов, на вершине которого очередная монета.

Он скрипнул зубами от этой мысли, помрачнел, и это не осталось без внимания окружающих.

— Даже мой друг Конрад недоволен тобой. — вставил Расим. — давай, скажи им.

Рабочие посмотрели на него исподлобья.

Тот самый неприятный момент, когда нельзя просто извиниться и уйти.

Конрад посмотрел в карие глаза мальчишки, затем на босые ноги и руки, что посветлели от каменной пыли.

— Ты давно кладешь кирпичи?

— Месяц, и что? — огрызнулся парень.

— Слишком спешишь. Тебе платят за каждый положенный или испорченный кирпич?

Задумайся вот о чем...

Но Расим не дал ему договорить и стал размахивать руками перед лицом мальчишки.

— Не умеют они думать. Ты посмотри на него — сущий зверь. Ему бы только кирку, да камни колоть! Беспольный сброд.

Конрад ждал. У него всё время мира.

"Почти всё время."

— Если казнить всех плохих... — начал Конрад фразу Зальдура, и мысленно добавил: «Архитекторов.»

Расим это понял, фыркнул, отвернулся.

— То государство не увидит ни одного хорошего.

— Благодарю вас за мудрость, достопочтимый Расим. А тебе. — он повернулся к раюню. — стоит посчитать сколько ты положишь кирпичей, если будешь класть вдвое медленнее чем сейчас.

Юнец сплюнул.

— Вдвое меньше.

Расим покачал головой.

— А я что говорил? Они непробиваемы.

Но Конрад пожал плечами.

— Расскажи, если отважишься попробовать. Надеюсь, к тому моменту я еще буду здесь.

Парень фыркнул и принялся разбирать кривую кладку, бормоча проклятия.

Конрад не осуждал его. Что поделать? Если бы он поспешил в зале императора, с ним могло случиться кое-что хуже, чем кривой ряд кирпичей. И все же он оказался слишком быстр, хотя это не мог предсказать никто. Кроме богов.

Они закончили обход и Расим казался доволен.

— Эта лачуга растёт. А вот тебя мне прислала сама тень.

— Но найдется ли мне работа? Чтобы тебя сопровождать лучше обратиться к кому-нибудь более симпатичному.

Расим отмахнулся.

— С возрастом становится приятнее смотреть на чертежи и хорошо выполненную работу, друг Конрад. А её я тебе подыщу. Ты надолго у нас?

Конрад задумался, сколько ему понадобится времени на это дело. Неизвестно. Проникнуть во дворец можно, но надо и уйти живым. Войти и выйти тихо, а без нужной помощи или чертежей дворца это невозможно.

— На год или два. Может, больше. Мне нравятся здешние ветра, да и люди выглядят добрее.

Расим охнул.

— Вот эти мерзавцы и лентяи добрее выглядят? Или те негодяи, что обокрали тебя? Конрад, друг мой, тогда то, откуда ты пришел, настоящая житница солнца, где даже песок иссохнет.

Конрад улыбнулся и отшагнул в сторону, чтобы оставаться в тени.

— Я про тебя, Расим. Ты планируешь доверить мне ответственную работу, и не погнал меня в ночи.

Расим захохотал и тоже спрятался от солнца.

— Не выгнал, потому что испугался. Чего орать, когда не видишь на кого. А работа... чтож, если за три дня твоего наблюдения эти стены не рассыпятся, то будешь моим помощником.

— А если все пойдет не так? Кривые стены, балки не там?

Расим пожал плечами.

— Тогда тебя удушат сами рабочие — им же это всё придется разбирать. — и протянул руку.

Конрад пожал её.

— Тогда уж предпочту кирпичом по голове.

Первые два дня тянулись практически бесконечно. Конрад старался присутствовать всегда и везде, чтобы не допустить ни одной погрешности. Это нервировало и раздражало рабочих. Некоторые в его присутствии останавливались, но как только уходил, возвращались к делам. Им явно не нравилось, что какой-то чужак объявился из ниоткуда и тут же стал выполнять роль надсмотрщика архитектора.

Как-то во время полуденной жары, когда все сделали перерыв в работе, Конрад сидел в тени и изучал чертежи. Изначальная задумка казалась красивой, высокой, но в ней не было характера. Симметричная, правильная. Как будто Расим осторожничал или боялся проявить фантазию. Был еще вариант, что он не умеет иначе, но он вдохновлялся старым другом Конрада, а значит в нем должны были быть позывы к неправильности. Почти всё, что делал Зальдур было асимметричным. Старался сделать так, чтобы эта неправильность шла в пользу. Как выбившаяся прядь из уложенных волос, как шрам под глазом у воина, как лучник у которого немного перекошены плечи. Всё это нарушало изначально задумку, идеальность внешнего вида, но придавало ему если не душу, то особенность.

"И в конце концов он прославился." — порадовался Конрад за давно умершего друга.

— Эй, чужак. — окликнул его один из рабочих.

Конрад поднял глаза, всмотрелся в грубое и обветренное лицо, где один глаз явно был выше другого. То о чем он и думал только что — не красота, а индивидуальность.

— Ты целыми днями ходишь рядом с нами. — продолжал мужик. — отдохнуть бы тебе. А то...

— Я могу споткнуться или упасть с лесов? — перебил его Конрад. — да, я задумывался об этом.

— И?

— Тогда вам придется сидеть без работы, пока не пройдут расследования в моей смерти. Или травмы, или еще чего.

Рабочий посмотрел на товарищев, затем шагнул ближе, что его сандали коснулись ботинок Конрада. Последнему пришлось выпрямиться, чтобы не упереться лбом тому в пах.

— Солнце на высоте злое. Бьет в голову сильнее молота.

— А мои замечания такие же беспощадные, как крики голодных детей или возмущения жены?

Глаза мужика расширились.

— Чего?

Конрад свернул чертеж и отложил. Подальше. Туда, где его бы не достала возможная драка или брызги крови.

— Давай начнем с того, что я слежу, чтобы вы делали работу так, чтобы за неё

заплатили. Верно?

— Неужто? Ты только и шныряешь, да слушаешь, что мы там разговариваем.

Конрад вздохнул. Заметил, что за ними наблюдают и другие строители.

— А есть что послушать? — Конрад встал и отступил на шаг. Работник оказался чуть выше него. — Посмотри туда, — он указал на чертежи. — Мне важно, чтобы ваша работа сложилась в то, что задумал Расим. А говорить вы можете что угодно, если это не мешает ни другим рабочим, ни Расиму, ни мне. Вам платят не за молчание, не за слова, не за угрозы толпой. Вам платят за положенные кирпичи, положенные балки, плиты.

— Так не мешай нам это делать. — сказал мужик и подошел ближе, но натолкнулся на ладони Конрада.

— Прошу, оставайся там, я пугливый.

— Ну а я нет.

Конраж смотрел ему в глаза.

— Тогда расскажи о своей смелости детям, жене и всем тем, за кого ты отвечаешь. И что из-за неё ты лишишься работы. И раз твоя смелость стоит больше, чем жизнь каменщика, то иди в солдаты, где подобные вещи могут быть в цене. А здесь и ты, и я, и каждый, кто на площадке делают общее дело — создают что-то новое. Вон тот мальчишка. — он указал на паренька, с которым уже сталкивался, — если за ним не присмотреть, выложит несколько десятков кривых рядов. А затем стена упадет. Но с большей вероятностью, что и тебя, и его заставят её разбирать, чтобы выложить ровно. А знаешь почему? Потому что никто из вас — опытных каменщиков — не помогает ему, не следит за его работой, и думает не обо всём храме, а о своей кладке. И только о своей.

Мужик смутился.

— Мы кладем кирпичи. За здание пусть думает архитектор.

— Вы делаете часть от целого. А я лишь помогаю не погрязнуть в своих ошибках, как в долгах из-за игры в кости.

Несколько людей в группе откашлялись и увели взгляды в сторону. Любители азартных игр всегда есть в любой толпе.

— И все же... — еще раз попытался мужик, но Конрад остановил его, подняв указательный палец.

— И все же, когда вы дадите понять, что за вами не надо следить, когда вы будете ответственны друг за друга, тогда я и Расим будем нужны, чтобы собрать нескольких из вас и сказать, что надо сделать за день. — Он посмотрел на всех. — А если вы хотите кого-то напугать, то хотя бы думайте чего боится он, и на что вы готовы. На что ты готов, чтобы я тебе не мешал работать?

Мужик посмотрел в сторону, замахнулся.

Конрад как держал руки, так и ударил. Правой рукой под челюсть, а левой ладонью заблокировал плечо каменщика. Всё кончилось в мгновение, и никто из рабочих не успел сообразить, когда Конрад поймал обмякшего мужика и посадил на свое место.

— Прошу вас. — сказал Конрад зевакам и взглядом указал на кучу кирпичей. — мы делаем одно дело.

Рабочие переглядывались. Кто-то смотрел на вырубленного мужика, морщился, с недобрением глядел на Конрада. Но тут раздался крик.

— Чаво собрались? Друг Конрад, ты им сказки рассказываешь? А ну пошли работать бестолочи. А он чево уснул? Давайте, забирайте его, да на солнце, пусть знает какого спать

на работе. Прочь, прочь, за работу.

Расим расталкивал и тянул рабочих, как будто не замечал их настроения. Вдобавок ругался, жаловался на бездарную работу, и что такие работники сами должны доплачивать, что им позволяют прикоснуться в прекрасному.

Спустя минуту на этом месте остались только Расим и Конрад.

— Ты правда думал достучаться до их разума? — тихо начал архитектор. — они же... Послушай, они думают только как бы вечером надратся в кабаке и набить брюхо. Им плевать что они делают. Скажи им выстроить тысячу нужников, они и за это возьмутся, только плати.

Конрад закусил губу. Да, наверное так и было. Приятно думать, что кому-то не всё равно, что кто-то горит общим делом. Проклятье, на эти пару дней он почти забыл про избранного, и что его надо убить. Он представлял как здание вырастет, как его...

Конрад дернул головой, чтобы прогнать мысли. У него другая цель. Расим и эта работа лишь способ добраться до чертежей дворца, получить к ним доступ и составить план. Всё.

— Тогда дай какую-нибудь цель им.

— Я им плачу. Этого хватает.

— Это верно и в отношении тебя?

Расим помрачнел и сжал кулаки. Неумело. Как это делают грудные дети.

— Ты в своем уме? Если решил поучиться у них, то лучше прекращай. Думаешь, я здесь из-за денег? Мне что больше заняться нечем, чем продавать свои таланты?

— Но это здание скучное. — не стал юлить Конрад. — и то, что потребовали убрать башенку лишь спасало его.

Расим захлопал глазами и тихо спросил.

— Моё здание скучное?

Конрад решил воспользоваться случаем, взял чертежи и развернул их.

— Если ты восхищаешься Зальдуром, то я удивлен, что ты стал ставить такое квадратное здание. Везде углы. Арки? ИХ нет ни на одном плане. Всё выглядит так, как будто автор боится любой ошибки. И это было бы простительно только в одном случае: если он не умеет иначе.

Расим медленно взял план здания из рук Конрада.

— Я не умею иначе?

— Все слишком... — Конрад попытался подобрать слово. — опасно? Как будто несколько домов, которых тут полно, поставили друг на друга и снесли стены. И если бы не размер, то даже самая последняя бездарность могла бы это слепить.

Расим комкал чертеж.

— Это я бездарность? — он начал тихо, но Конрад уже понял, что наступил на свежий ожог. — Да я столько домов и храмов построил! Какой-то чужак, которому я позволил у себя остаться, которому дал такую работу смеет выливать на меня помой? Пошел вон! Слышишь? Вон. Всё. Такую наглость невозможно терпеть. Забирай свои вещи. Сколько там тебе за работу дать? Три, четыре дня? Держи за неделю. Всё проваливай, и чтобы я тебя тут не видел! Эй, вы чего смотрите? Ну ка взяли и вытащили это наглеца вон. Да не стойте колоннами, не небосвод держите. Сами же хотели это сделать. Я видел! Гоните его!

Рабочие казались ошеломленными. Только что их разгоняли, как через несколько минут уже натравливают на Конрада.

А он молча выслушивал эти крики. С каждым словом они становились для него тише и

тише, как будто звучали издалека. Он грустно улыбался — слишком знакомая картина. Заслужить доверие, а затем непрошенным советом лишиться его. Ничего нового под солнцем.

— Дай мне две минуты. — сказал Конрад и пошел за вещами. Хотя основное было при нём: нож и веревочка с монетами.

Даже когда он вышел за территорию стройки, до него доносились крики архитектора. Что ж, Конрад сам виноват. Теперь придется составлять новый план.

Он посмотрел по сторонам, задумался, куда же ему теперь идти? Заметил старуху груженную множеством горшков.

Она шла неспеша, покачиваясь на каждом шагу. Казалось, что еще немного и вся куча керамики опрокинет её под оглушительный треск бьющейся посуды. Набегут бездомные, просто жуликоватые личности и украдут всё, что еще осталось целым. Кому-то удача, кому-то невезение.

И пока Конрад думал о возможной судьбе старухи, его мысли перескакивали с одной идеи на другую. Куда идти? Снова во дворец или в услужение аристократам? Попробовать себя в качестве местного картографа, может, плотника. Интересно было бы заняться кузнечеством, но приведет ли это его к цели? Нет. Слишком много времени, тем более, что ковать ему еще не приходилось.

Из задумчивости его вывел скрипучий голос, теряющийся в звоне горшков.

— Бледнорукий, ты чего ищешь?

Конрад понял, что поравнялся со старухой.

— Возможности.

Она улыбнулась, обнажая желтые, но целые зубы. Ни одного скола, ни одной прорехи.

— Все возможности собрались на базаре. Что у вора, что у безумца.

— А честного человека там ждут траты.

— Когда ты последний раз видел честного человека? Я пыталась такого вырастить, а потом пожалела, что не удушила в колыбели. Чего так смотришь? А-а-а, понимаю. Тоже было? — она вздохнула. — Кто ж не ошибался? А на базар тебе прямо, пока уши от гула не заложит. Тогда то и поймешь, что ты на месте.

Конрад задумался.

Базар. Место, где люди торгуют и каждый момент пытаются выискать для себя выгоду, как ничто иное предоставляет возможности и настоящий калейдоскоп случайностей. Грабители, потерявшиеся дети, мелкое ворье, повара местных дворян — все эти люди выстраивают из себя сложную систему взаимоотношений и путей, по которым можно добраться до цели. Какой бы она ни была.

— Спасибо, мудрейшая. — сказал Конрад, поворачивая голову к старухе.

Но обнаружил, что вместо неё рядом с ним проехала телега, груженная глиняной посудой.

Конрад покрутился на месте, попытался вспомнить, в какой же момент он разминул со старухой. Объяснил тем, что слишком сильно задумался, и она ушла.

Уже на подходе к первым торговым рядам, даже за квартал, Конрад слышал голоса, что смешались в один общий поток звуков, расплзающийся улицами и переулками. Кого-то он отталкивал, других завлекал. Третьи, привычные к нему, и вовсе не замечали. Для Конрада это было сродни пытки. Очень много голосов, очень много лжи. После базара ему точно придется отдохнуть где-то на пустыре, где нет человеческой речи, и никого, кто мог бы обратиться к нему.

Харийцы по праву считались самыми громкими и болтливыми торговцами, которых

можно было бы найти во всех бесконечных землях. Конрад сомневался в этом, но нигде его уши так не болели, как в этом городе, на этой площади, которая за годы подмяла под себя дома, превратила их в песок под ногами торговцев, и стала еще громче.

— Ковры!

— Сандали. Из мягчайшей кожи!

— Вино. Отдохнешь лучше, чем от сна!

Почти не поменялись фразы. Как будто поколения шли по стопам отцов. Продавали те же самые товары, видели лишь то, что показал им родитель, с которым то же самое сделал его. И так в самую глубину веков.

Конрад взял с одного прилавка горсть фиников, понюхал. Выбрал несколько и по очереди посмотрел на них на солнце.

— Это лучшие финики на этом базаре! Отпробуй и больше никакие тебе не будут нужны. Они нежные как утренний ветерок, слаще сахара.

— Да, да. — поморщился Конрад. — Значит, даже во дворце кушают твои финики?

Торговец смутился на мгновение, но тут же нашелся.

— Во дворце финики не еда, друг мой. Они там лежат, пока их не растаскают мыши, собаки или отпрыски слуг. Придумай кто делать финики из камня, так они бы и лежали там вечно.

— Стало быть, у кого-то покупают невкусные, твердые, но красивые финики? Кто же этот хитрец?

Торговец всплеснул руками.

— Когда бы ты спросил у жены с какой из её подруг лучше возлечь, чтобы она ответила тебе?

Конрад почесал висок, покрутил последний финик и бросил его в корзину.

— Она бы сказала: Сколько заплатишь за совет?

Торговец всплеснул руками и засмеялся.

— И забрала бы весь твой дом, ишака и даже исподнее, будь оно чистое! — но продолжил. — Послушай, уважаемый, каждый выживает как может. Думаю, твоя жена мудрая женщина, потому что умеет выбить даже в такой ситуации себе выгоду. Но я торговец. Вся моя жизнь — заводить как можно больше друзей.

— Которых ты не отпустишь от себя?

Хариец замахал руками так, что Конрада обдало ветерком.

— Я понимаю, что каждый путник хочет отведать лучших блюд той земли, куда он приехал. И мало кто задержится надолго, а значит нам — честным торговцам надо произвести лучшее впечатление. Ведь дети себя не покормят, а ещё жены, старые родители и ослы. Кроме них мы платим налоги во славу нашего кагана. Поэтому как я могу рассказать тебе, что есть кто-то другой, пока ты не попробовал мои финики?

Торговец протянул один плод с таким видом, как будто это величайшее сокровище на земле.

Конрад поддался, взял и откусил немного. Финик оказался великолепен. Во рту как будто заиграла музыка. Пришлось удержаться себя, чтобы не доесть.

— Недурно. Действительно вкусно, хотя мой интерес не изменился. И я готов...

Раздались тяжелые шаги. Несколько стражников во главе с командиром подошли в упор к прилавку.

Их командир, статный мужчина с тяжелым взглядом и железной серьгой в виде серпа,

остановился перед прилавком.

Торговец помрачнел, но снова улыбнулся, хотя и выглядело это натянуто.

— Так вот мой дорогой, мои финики...

— Не верь ему. — сказал старший из стражников и скользнул взглядом по поясу Конрада, задержался на его кошелье. — он уже несколько раз обвешивал людей, продавал гнилые дыни.

Торговец покраснел от возмущения.

— Да как твой рот не завял от таких слов! Не слушай его, уважаемый, он...

— Капитан городской стражи, который желает, чтобы торговцы честно вели дела. — ответил стражник, растягивая слова. — Не обманывали наших гостей, особенно тех, кто может себе позволить нечто большее, чем грошовые покупки. Если что-то нужно действительно стоящее, иди к Байраму. Он вон там.

Капитан указал в другой конец площади, где возвышался голубой шатер, рядом с которым толпились люди, а затем пошел дальше.

— Лжецы. Их слова смердят ложью. Ты же не поверил им? Ты же сам попробовал мой товар, он ведь хороший? Да что ты стоишь, ответь же!

— Всё могло быть гораздо хуже. — проговорил Конрад, достал серебряную монету, и спрятал кошель за пазуху. — горсть фиников. Кстати, еще золотой, если скажешь, кто продает во дворец.

Торговец молча взял деньги, сложил финики в пальмовый лист и указал туда же, куда и Капитан.

Шатер оказался огромным. Он был в пять или в шесть раз больше, чем остальные, стоящие рядом. Несколько рабочих выбивались из сил, чтобы собирать сухофрукты и сладости для покупателей, пока мужчина с бородой, разделенной на три части, благодушно осматривал окружающих и курил кальян.

А еще по обе стороны от шатра стояли охранники в одежде городской стражи. У них по лицу стекал пот, и они с надеждой поглядывали на тень, в нескольких метрах от шатра, но не смели отойти.

Конрад ссутулился, передвинул поясную сумку так, чтобы скрыть золотые монеты на поясе. После чего встал рядом с очередью. Больше для того, чтобы оставаться закрытым от солнца, чем пытаться что-то купить. Его несколько раз отпихивали локтями, чтобы протолкнуться вперед. Дважды он поймал за руку карманников, пытавшихся стащить его пожитки. Оба раза он так сжал руку воришки, что услышал приглушенное детское «ой» и отпустил.

Но спустя четверть часа его заметил человек с кальяном. Он свистнул, поманил охранника и указал на Конрада. Тот в сию же минуту вытащил его из толпы и отвел от шатра.

— Если не покупаешь — проваливай.

Конрад затрясся и опустил взгляд.

— Я хотел что-нибудь купить. — он протянул несколько медных монет. — но не мог дождаться своей очереди.

Охранник оглянулся на шатер, затем на Конрада.

— Послушай. Здесь за это ты купишь только взгляд продавца. И то на три удара сердца. — он понизил голос. — сходи к другому. Вокруг много хороших торговцев, где покупаю я сам, куда ходит моя жена. И там гораздо дешевле.

— Но здесь очередь, значит товар стоящий.

Охранник покачал головой.

— Даже если так, то денег у тебя на него нет.

— Но, может, тогда я смогу заработать у этого купца? Мой народ выносливый, неприхотливый, мы можем таскать много и долго. А еще я хорошо считаю.

Стражник засмеялся. Тихо и сочувственно.

— Тогда тебе тоже лучше к другому торговцу. Я вижу его работников — к ночи у них отваливаются ноги, а платят им едва ли больше, чем другие торговцы.

Конрад закусил губу, сдвинул брови и судорожно задышал.

— А может меня могут взять в стражники? Мне правда нужны деньги.

— Да какие здесь деньги. Только совесть продавать. К тому же ты явно чужак. Посмотри на себя. Кожа светленькая, да на тебя хочешь не хочешь взгляд падает. А с нашими командирами это худшая черта. Поэтому иди своим путем. А лучше прибейся к каравану, да возвращайся домой. Иначе месяц другой и ночевать тебе в переулках в обнимку со смердящими стариками. И, еще совет, больше не подходи к палатке — не хочу тебя бить.

Он ушел, а Конрад почувствовал, как еще один мост, который мог протянуться к башне с избранным, рухнул в пропасть.

Он продолжил расспрашивать торговцев и незнакомцев о товарах, которые закупают во дворце, но не получил никакой хоть сколько-нибудь полезной информации. Да, приезжают, да, увозят. Но несут всё дворцовые слуги, к которым у Конрада нет ни единого шанса присоединиться.

«За это и не люблю юг.» подумал Конрад, когда наступила ночь и рыночная площадь опустела. Вместо покупателей остались стражники, что ходили между торговыми рядами, просовывали руку под ткань, пока хозяева не видят и вытаскивали грушу или горсть винограда.

Конрад оказался не у дел. Он попытался придумать еще несколько вариантов, чтобы попасть во дворец, но всё оказывалось не то. В одних его могли узнать, в других непонятно было, как ему вообще провести разведку в многочисленных залах дворца.

Не надеясь на успех, он пошел рыскать в поисках библиотеки. Нашел и даже застал её смотрителя, но на объяснение, что его послал архитектор Расим, которому понадобились чертежи дворца, ему ответили, что они хранятся в Дворцовой библиотеке, где же им еще быть?

— И как мне выполнить волю господина?

Библиотекарь пожал плечами.

— Понятия не имею. Пусть сам сходит, если позволят. Или напиши запрос, что тебе именно нужно, согласуй с семью советниками императора, и тогда тебе дадут на два часа возможность пройти в библиотеку. Ох, дай-ка присмотреться. Так ты из других земель. Ох. Тогда тебе только сам император может позволить.

«Лекарь, которому не удалось получить доступ к младенцу, решил посмотреть на чертежи дворца. Только из-за этого можно угодить в пыточную камеру.»

Он попрощался с библиотекарем, а затем посетил плотников, гончаров, даже конюхов. Но каждый сказал, что все мастера уже есть внутри стен дворца, и вряд ли его туда возьмут. Разве что он сделает что-то поистине прекрасное и принесёт как дар императору. Но даже в таком случае высока вероятность влезть в дворцовые интриги и утонуть в них.

— Мастера у императора хороши. — сказал один плотник. — но только олух не будет

хорошим, когда у него лучшая древесина, куча помощников и ему не надо думать, чем же накормить себя и близких.

После всех расспросов Конрад остался ни с чем. Он на миг задумался заночевать в трактире, но лишняя ночь на улице никому еще не повредила. Почти никому. Тем более, что трактирщики могут рассказывать о странных посетителях и последнее, что сейчас хочется — незваных гостей в снятую комнату. Что там на полу спать, что здесь. Только запах отличается.

Он обмотал лицо тканью, чтобы остались открыты только глаза, сменил походку, добавил хромоты, перекосил линию плеч и кашлял раз в несколько шагов. А спустя сотню заходился таким кашлем, что приходилось останавливаться и держаться за что-нибудь.

Его обходили стороной, косо смотрели, а кто-то вообще не хотел замечать. Так он нашел тихий переулок, где уже спали несколько человек.

— Я улягусь? — спросил Конрад хриплым голосом.

Нищий вместо ответа лишь подобрал тряпки, освобождая место возле стены.

Проснулся он с ощущением, что прошла вечность. Ноги затекли, шея, а левая рука так вообще едва слушалась.

Но дремоты как не было. Он лежал какое-то время, стараясь понять, что же происходит. Звуки шагов, перешептывания, поскрипывание дверей. Конрад приподнялся на локте, и ощутил, как кровь побежала по онемевшей руке, вызывая покалывание с тупой болью.

Группа людей стояла возле низкой двери, как будто ведущей в подвал. Они перешептывались с кем-то за дверью, оглянулись, снова что-то сказали. Дверь отворилась и они вошли.

Конрад снова лег на место, но теперь не спал — вслушивался в ночь. Там может быть какая-нибудь банда. Разбойники — одни из худших союзников, каких можно придумать, но в нынешней ситуации можно и рискнуть. Но, как и для всего, нужно подготовиться.

За эту ночь в ту дверь вошли еще семь человек. А выходили по одному, разбредаясь по переулкам. Двое прошли мимо Конрада. Сутулые, в лохмотьях. От них воняло помоями, брагой, но вот что он не смог понять — у них была целая обувь. В городе, где большинство людей ходят босиком. Если бы он стоял, шел, да даже врезался в такого человека, то не заметил бы этой мелочи, но он лежал и их выдал ровный кант, целая подошва, узорчатый каблук.

Проследовать? По незнакомому городу в темноте, за человеком, который через несколько кварталов натравит на тебя или охранников или стражников. Со своими вопросами Конрад и так должен был привлечь внимание, а уж слежка кинет еще одну монету на чашу весов избранного.

Он дождался утра. И чувствовал себя прескверно, хуже чем после самой жестокой драки. Будто кто-то ночью разобрал его и решил пересобрать, делая засечки на каждой кости, которая хоть как-то могла упереться в землю или стену ближайшего здания.

За всю ночь его даже не попытались обокрасть. Еще одна маленькая удача в его сумке случайностей.

«Здесь самые честные нищие.» — подумал он, уже выбросив из головы карманников на рыночной площади.

Весь день он ходил по городу. Останавливался только чтобы попить воды, дать ногам отдохнуть или поесть. Он изучал переулки и улицы. Где и куда можно свернуть, как пройти от дворца к внешней стене, а еще насколько рьяно стражники относятся к своим обязанностям. Много ли вооруженных людей, что говорят на улицах, о чем шепчутся. Возможно, ничего из этого ему и не нужно для того, чтобы попасть во дворец, но годы и века путешествий дали понять, что от такого может зависеть жизнь.

Он бродил по городу и возвращался к месту ночлега еще десять дней. Но лишь на одиннадцатый снова появились те люди. Осторожные, пугливые, даже больше чем нищие на приеме у монарха. А значит, этим людям было что терять.

Конрад показательно зевнул, потянулся. Осмотрелся по сторонам, на мгновение задержал взгляд на ночной бродяжке и пошел к улице. Он ожидал увидеть бродящих стражников, как в другие ночи. Но сейчас их не было. Будто они все заснули.

«Или их подкупили.» — подумал Конрад. — «Старо как мир. Также рискованно и вместе с тем эффективно.»

Тогда он пошел напрямик к двери, постучался. Никто не открыл, лишь раздались тихие шаги за ней.

— Дайте воды напиться. — прохрипел Конрад. — я два дня капли во рту не держал. Дайте воды, пока солнце не испепелило меня.

Внутри здания раздались шорохи. Едва слышимые, будто мыши прятались от кошки.

— Какой-то отброс просит пить.

Ответ было не разобрать. Но следом охранник сказал.

— Пить? Жди.

Раздались удаляющиеся шаги и еле слышное позвякивание железа. Кольчуга, ножны? Конрад отбросил мысли, чтобы не гадать. Чтобы там ни звенело, он должен быть готов и к тому, что хозяин в миг перестанет быть радушным. Но стало ясно, что это не притон бандитов.

Вскоре охранник вернулся. Дверь отворилась ровно настолько, чтобы можно было просунуть кувшин. Но Конрад прильнул в щель, чтобы заглянуть в щель и поставить ногу.

— Можешь не возвра... — начал охранник и осекся. — ты чё творишь, самоубийца?

— Я ищу работу. — Промямлил Конрад. — простую, непыльную. Я готов на всё.

Охранник приоткрыл дверь и схватил его за грудки.

— Нет здесь для тебя работы.

Но Конрад уже знал это. Перед ним стоял один из мужей той женщины, кого Каган предложил раздеть.

От встряхивания обмотка слезла с лица, и теперь обомлел охранник.

— Лекарь? — удивился он, но в следующий миг толкнул дверь плечом и швырнул Конрада внутрь.

Конрад на лету перевернулся, схватился за нож, тут же ударился спиной о стену внутри. На миг это сбilo дыхание, но он вскочил и сбросил тряпки, что теперь только мешали.

Перед ним стоял крупный мужчина, который закрывал за собой дверь.

— Шпион. — коротко сказал он и где-то внутри помещения лязгнуло оружие.

Конрад вдохнул, чтобы рвануть вперед.

— Гость. — Прозвучал женский голос, и наступила тишина. — Положите оружие. Будь это шпионом, к нам бы уже стучались сапогами.

Раздался шелест одежд, и появилась та самая женщина. Здесь она не скрывала лица, как и изуродованную нижнюю челюсть с огромным шрамом, что уходил от нижней губы к подбородку, а затем, словно оправа, к левому уху. Тем не менее, все, что было вне его, захватывало дух утонченностью и остротой линий. Скулы, нос, глаза. Над всем будто трудился величайший творец человеческих тел.

— Это лекарь, который раздел советника. — сказал охранник и достал изогнутый клинок.

Женщина вытянула губы и покачала головой.

— Мать мне говорила, что хорошие мужчины на улице не валяются. Отец то же самое говорил о слугах. Но судя по твоей одежде и запаху, ты не один день избегал кровати или хотя бы чистой одежды.

Конрад выпрямился, но держал нож. Косился на охранника.

— Я всего лишь просил воды, а затем работы. — Конрад в спешке пытался вспомнить

каким тоном стоило говорить. Тем заискивающим, как у нищего, уважительным как у лекаря или чуть растерянным и сомневающимся голосом архитектора?

Она заметила перемену.

— Но звучал ты иначе. Где же твои деньги? На них ты мог приобрести дом и три колодца.

— Украли. Пропил. Потерял. Дал в рост.

Она положила палец вдоль шрама.

— Неужели? А еще, наверное, потратил их на цветы для какой-нибудь дамы? Например, повитухи. — На последнем слове она развела руками.

Но невинные слова, невинный жест дрожью пробежали по всему телу Конрада. Он согнул колени, готовый рвануться к ней, взять её в заложники, или даже перерезать горло, и пока охранник будет осознавать произошедшее, вспороть его. Но что делать с остальными людьми? Подпереть дверь и поджечь? Сколько шума поднимется, сколько времени на это уйдет?

«Тогда придется бежать из города со вчерашним караваном. Еще и туча свидетелей будет на улице. Это не пустынный проулок.»

Женщина продолжала.

— Успокойтесь, прошу. У нас главенствует закон гостеприимства.

— Прочувствовал. — сухо ответил Конрад.

— Йорам, убери оружие. Тебе бы озаботиться моей защитой, а не куска дерева с засовом.

Йорам оценил расстояние, которое отделяло его от Конрада, а того от женщины. На его широком лице читались муки выбора, а глаза показывали, о чем он думает. Если нападет на Конрада, успеет ли тот взять женщину в заложники или растеряется?

В итоге Йорам нахмурился, поклонился и убрал клинок.

Женщина продолжала.

— Мой муж иногда бывает отличным примером для подражания, не находите?

«В чем ему подражать?» — не сразу понял Конрад, но тут мысль до него дошла. Он расслабился, убрал нож.

Незнакомка повернула голову и заговорила:

— Господа, прошу вас продолжить без меня. От меня требуют особого внимания. — Она повернулась к Конраду. — Надеюсь, в компании с лекарем моему здоровью ничего не угрожает? Сами понимаете, незваные гости редко пользуются доверием.

Конрад переступил с ноги на ногу, покосился на Йорама.

— Я лишь просил воды и работы.

Она улыбнулась.

— В таком случае, пройдемте за мной. Йорам, как все соберутся, присоединись к нам. Ради моего спокойствия. Конрад, не отставайте.

Они миновали комнату, откуда доносились приглушенные голоса, спустились по небольшому коридору под землю в комнату четыре на четыре метра, сплошь украшенную коврами. Они были на полу, на стенах, с потолка свисала бордовая ткань так, что стоящий человек почти ничего не увидит.

Женщина зажгла масляные лампы.

— Считайте, что это мой будуар.

— Для лечения нужна комната... хмм... с меньшим количеством тканей. Одного стола

достаточно.

Женщина помахала рукой и упала в подушки.

— Нет, нет. Мне в жизни лечение понадобилось дважды — раз при рождении, второй раз... — она провела пальцем вдоль всего шрама. — в остальном меня оберегают мужья или здравомыслие незнакомцев. — Она скрестила ноги и раскинула руки. — Итак, вы лекарь.

— Отчасти.

Она продолжила.

— Который ходит с ножом, побирается, и ищет любую черную работу, особенно во дворце.

— Там лучше кормят и больше платят.

Женщина коснулась подушки и оставила на бархате тонкий темный след, затем провела пальцем обратно, и след пропал.

— Знаете, чужаки у нас редкость. Обычно это купцы и они всегда на виду. Встречались уже с ними? Со всеми хотят завести знакомство, дружбу, чтобы вовремя предать.

— Похоже на меня.

Она вскинула брови и улыбнулась.

— Надо же, а я говорила о себе. И в продолжении о светлокожем, который спрашивает о работе: стало казаться, что вами заполнена вся наша столица. Один заикается, другой пару слов связать не может, у третьего такой акцент, что осла легче понять, а четвертый говорит такими оборотами, будто моего прапрадеда нянчил. И все как один с растерянным взглядом, ножом, да с веревочкой.

— У нашего народа есть традиция... — начал Конрад.

Но женщина выставила ладонь и тут же сжала в кулак.

— Ваш народ должно быть безмерно богат или он собирает монеты по сотням земель и хранит их. А может, при рождении вам выдают связки монет ваших предков и вы, как наследники, продолжаете их путь, пока последний из вас не погибнет? В чем смысл собирания монет твоим народом?

— Это напоминание о цене жизни. Каждая монетка — это жизнь.

— Немало их скопилось на твоём поясе. И что же случится, если ты потеряешь? Тебя не примут домой, станешь изгоем или тебя казнят как предателя?

Конрад пожал плечами.

— Ничего. Мне просто станет всё равно.

Женщина криво улыбнулась.

— Надо же. Какая трагедия. Представить не могу, как бы я жила, если бы мне в какой-то момент стало всё равно.

У Конрада появилось ощущение, что она говорила это не ему, а размышляла над собственной проблемой.

— Мне здесь неуютно. — перевел тему он. — я будто в коконе паучихи.

— Будто? — хозяйка дома подняла брови. — здесь есть шелк и красивое плетение. У меня довольно цепкие лапки, а мои мужья усиливают их своими мышцами. А еще паутина почти не заметна, пока в неё не попадешь, верно?

— Да. Наверное. Вам хочется, чтобы вас считали паучихой?

Она отмахнулась.

— Достаточно, что меня считают женщиной. А кем считают тебя? Лекарем, нищим, обманщиком?

— Я не знаю, госпожа. Я всего лишь стараюсь жить и не доставлять никому проблем. Искал работу, а ваш муж меня закинул внутрь. Это смутило меня.

— Поэтому ты взялся за нож, готовый меня убить. Беззащитную, слабую, у меня же дома.

Конрад глубоко вздохнул.

— Всё обошлось без этого. Я рад.

Она приподнялась на подушках и коротко выдохнула.

— А уж как я рада. Лишняя полоска на лице или шее мне уже не пойдет — достаточно тех украшений, что на мне.

Женщина указала на подушки возле дальнего от входа угла. Откуда Конрад мог видеть входящих и, в случае чего, снова воспользоваться небольшим расстоянием до хозяйки дома. Он сел.

Материя обнимала его, нежно топила, будто он лег в озеро сосновой смолы — отличная ловушка для глупых насекомых, совсем как паутина.

И когда он это понял, то выпрямился, а женщина вытянула ноги, обнажая упругие мышцы бедра, что появились из-под глубокого выреза. Конрад задержал взгляд лишь на мгновение, но тут же услышал смех.

— Ой, а я думала, вы предпочитаете женщин постарше. Гораздо постарше.

— Вы о чем?

Она посмотрела на него и наклонила голову так, что волосы и скрыли её шрам, от чего она стала безумно красивой. Настолько, что Конраду стала ясна причина ревности её мужей.

— Ох, право. Лжец должен понимать намеки. Все эти изменения голоса, разные профессии. Конрад, во дворце нет ни единой повитухи младше той, что уже и забыла каково это, когда у тебя ласкают грудь. Тем более, я сначала подумала, что хороший лекарь может быть полезен в доме. Дай ему достойную плату, возможность расти, и вот он готов экспериментировать, становиться лучшим из лучших, а там уже к тебе обращаются все, кто когда-то забросил свое здоровье. Небольшая плата за власть и почет.

— Плох тот лекарь, что не может позаботиться о себе.

Женщина развернулась к нему и оперлась локтями на небольшую плотную подушку.

— Как и правитель, который умудряется искать себе врагов и унижать друзей. Каган великодушен и любит посмеяться, но все лучшие его люди — наследие, которое он разбазаривает, не хуже игрока в кости. Да, я бы не доверила тебе оперировать кого-то, но для других вещей у тебя была бы уйма помощников, которые бы позаботились, чтобы твои припадки не доставили никому проблем. Я это продумала еще в тот, момент, когда ты загнулся и пускал слюни на ковер.

Конрад кивнул.

— Надеюсь, подобного не произойдет здесь.

— Согласна. Тогда бы я вряд ли устояла перед тем же искушением, что терзает моего младшего мужа — убить тебя.

— В этом городе я почти никому не опасен.

— Поэтому у одного моего человека теперь будет шрам еще уродливей, чем у меня, у другого рука пригодна только для самоудовлетворения, но третий похромает и снова будет готов служить. Хоть за этого спасибо. А я ведь хотела просто пошутить над тобой, привести к себе, поблагодарить и спросить: когда ты успел завести шашни с одной из самых древних старух, каких я видела в жизни. Но всё обернулось несколько неожиданно.

Конрад слушал и ощущал себя всё более и более беззащитным. Не потому, что он согласился уйти вглубь дома, где много незнакомцев. Не из-за Йорама, который может его сломать пополам. А потому что он оказался бездарностью в вещах, которые коснулись людей с властью. Он, сам того не желая, избежал встречи с этой женщиной, а спустя время сам к ней же и явился. И если бы она очень захотела, то натравила бы не тех трёх неудачников, а кого посильнее.

«Это удача или нет?» — задумался он.

— И вот я здесь. Как вы и хотели. Это тоже выглядит как шутка. Наверное.

— Более чем, Конрад, более чем. Но зачем вам так надо во дворец? Вы грабитель?

— Нет.

— Шпион?

— Тоже.

— Наёмный убийца.

Конрад посмотрел ей в глаза.

— Лишь отчасти.

— О, я угадала. Но кого же вы хотите убить? Самого Кагана, его жену, первого визиря, соперника, что отбил у вас женщину? Хотя он скорее всего помер лет сорок назад. Да, да, да, я снова о повитухе. Простите, мне так нравится эта глупость. А может быть кого-то из советников? Такого, кто нашептывает Кагану его лучшие идеи. Это обратит страну в хаос и её станет легче захватить. Сам он разозлится, и будет делать ошибку за ошибкой. Пока придворным не покажется, что его шея слишком тонкая для головы, которая приносит столько проблем.

Конрад внимательно слушал её, привыкая к тому, что она прыгает с одной темы на другую, будто пытается запугать, ввести собеседника в непонимание нити разговора.

— И чем же он заслужил вашу вражду? — спросил Конрад.

Она хлопнула ладонью по подушкам и деланно нахмурилась.

— Как же с тобой скучно. Ты мог подыграть. Ох, мой неудавшийся лекарь, — Она подмигнула ему, — мне придется стараться за двоих. — Женщина откинулась, посмотрела в потолок и улыбнулась одними губами. — чтож, это не впервой. Какую бы историю рассказать, про отца убитого мерзким Каганом или про Кагана-насильника, что сорвал цветок юной девы, а за это наградил шрамом, как отметкой, что она принадлежала ему? Или сорвавшуюся с монаршьего поводка собаку, что загрызла брата бедной девушки? Нет, нет, нет. Слишком трагично и выставляет девушку жертвой тирана. Мне не нравится это, Конрад. Нет. Я всегда любила глупости. Поэтому представим, что один молодой идиот красовался тем, что подбрасывал саблю, а та упала, ударилась о камень, отскочила и раскроила одной девочке лицо. А затем идиот не нашел ничего лучше, чем сказать: «Зато теперь твоя улыбка будет самой широкой во всей стране.»

— Он правда так сказал?

Женщина закатила глаза.

— Это просто версия, байка. Одна из. Но да, он так сказал. Одна из самых его тупых шуток. Но он должен уйти по другой причине — страна гниёт. Людям не помогают отправляться в караваны, а мы тут сидим и думаем, что самые великие, пока чужие торговцы обдирают нас. Пока тучи голодных людей ютятся по переулкам, поглядывая, кто же уснет первым. Пока дети... Нет, вот тут я ужехватила лишнего.

Конрад напрягся.

«Слишком в лоб».

Это пугало еще сильнее — хозяйка дома говорила такое, за что в других землях можно лишиться не жизни, но всего того, что для неё не обязательно: рук, ног, родных. Но даже попытайся он эти слова отнести во дворец, ему бы никто не поверил. Более того, он бы сам угодил в пыточную.

— И здесь собираются люди со схожими желаниями?

— Не совсем. Здесь собираются те, кто думает, что исчезновение Кагана поможет исполниться именно их желаниям. У нас тут даже есть двое, кто ненавидит друг друга. Уверена, что они не убили, — она попыталась подобрать слова, но спустя пару секунд с лицом принявшего, свою судьбу, продолжила. — друг друга лишь потому, что оба выгодны Кагану и он огорчился бы. А их эта вражда уже порядком утомила. Каган на самом деле виноват лишь в том, что в его правление появилось слишком много честолюбивых людей. Неудача. Просто глупость. Но так и есть.

Вошел Йорам, и женщина похлопала по подушкам рядом с собой — с противоположной стороны от Конрада.

— Я буду стоять у двери, моя...

— Мне так не хватает твоих крепких рук. Обними меня, милый.

Йорам помедлил, глянул на Конрада и фыркнул, но подчинился. Его крепкие руки обняли женщину, и она словно бы спряталась за его мышцами.

— Мне бы очень пригодилась ваша помощь. — признался Конрад. — но во всем городе у меня из знакомых несколько мелких людей, да неразделенная любовь.

Хозяйка чуть не вскочила.

— Ха. Ты учишься. Дорогой, ты бы знал, какой он был скучным. Это ты на него так действуешь?

Йорам не знал как ответить, поэтому улыбнулся и погладил жену по волосам. А она продолжала:

— Основа любого плана — люди. Не случайности, не преграды, решетки или замки, а люди. Выбери правильного человека и вот уже нужные двери открыты, а злые люди заперты в своих комнатах. Ты ведь хочешь кого-то убить в стенах дворца. И при этом этот кто-то никогда не выходит оттуда?

Конрад кивнул.

— И как раз это мне и нужно. Я тебе могу помочь пробраться во дворец, а ты сделаешь свой ход, чтобы мои люди. — она погладила мужа по руке. — доделали весь план. Нет, конечно, ты можешь и сдать нас, этим заслужить доверие императора, но я слабая женщина и даже без пыток, испугавшись, расскажу всё, что знаю о тебе. Предоставлю всех, с кем ты общался. Это, к сожалению, испортит им настроение, жизнь, пальцы, колени, зубы. Но мне же простительно, ведь так? А затем очередь дойдет до тебя. Нам Каган бывает крайне любопытен. Проблема любого идиота. Тебе ведь иногда приходила мысль «Зачем я это сделал? Надо же было просто помолчать! ЗАЧЕМ?!» — последнее слово она будто проплакала, к тому же она не стеснялась хватать себя за голову и рвать волосы. Несколько волосков все же упали на подушки. — так вот, когда человек молчит и не старается создать себе проблем — он реже говорит эту фразу.

— Тогда мне стоит уйти, не доставлять никому проблем и дожидаться, как вы всё сделаете?

«И оставите в живых этого младенца или он с кем-то сбежит, чтобы позже устроить

катастрофу. Если всё получится.»

— Мне бы этого не хотелось. — медленно проговорила женщина. — в твоих руках есть возможность приблизить желанное событие. Помогай нам, а мы поможем тебе. Не придется все делать в одиночестве. У нас есть очень полезные люди.

— Вы можете достать чертежи дворца из библиотеки?

Женщина кивнула.

— Без проблем. Хоть сейчас за ними пошлю. Но за время, пока слуга передаст несколько писем, чтобы ему дали эти чертежи, ты вряд ли успеешь сделать всё, что нам от тебя требуется.

— Вправить сустав и наварить мазей?

Она взглянула из-за плеча мужа.

— После того, что ты сделал с моими людьми? Конрад, тебе найдется другое применение. Мне нужно от тебя несколько...

— Услуг?

Она освободилась из объятия Йорама и покачала головой.

— Мы оба знаем, что речь про убийства. Я бы попросила тебя напугать какого-нибудь глупца, но убийство лучше проверяет лояльность, да и много ли ты видел бледнолицых в нашей столице? Тем более с такими явными чертами как у тебя. Правильно понимаю, что ты никогда не расстанешься со своими монетками?

— По собственной воле нет.

— Ну вот. Напугаешь одного, он расскажет. Даже обволвится и всё! Каким бы Каган идиотом не был, но он станет искать. У его ищек плохой нюх, но очень острые зубы, да еще такая охотка до крови, что я бы не стала давать им свой след.

Конрад почесал подбородок.

— Я бы не хотел проливать лишнюю кровь.

— Она прольется. Хочешь ты того или нет. Моих слуг или слуг Кагана. Все одно прольется. Я же хочу лишь немного уменьшить возможные проблемы.

— И смерть одного из доверенных лиц Кагана или его союзника не заставит его ищек искать меня. Или тебя.

— Заставит.

— И тогда ты со спокойной душой выдашь меня, обвинив в шпионаже, тем более, что свидетельств ты насобираала как песка в бархане. Это станет удобно для твоей позиции, а чтобы я ни кричал под пытками, мне никто не поверит, потому что я уже солгал Кагану, и до того дня никто тебя со мной не видел. Ты получишь немного доверия, которого как раз достаточно, чтобы отвлечь его до дня, когда ты устроишь бунт или переворот или что там задумала. Если это так, то план мне нравится. Вот только вместо себя я выбрал бы кого-нибудь другого. Например, твоего мужа.

Йорам приподнялся, но женщина надавила на его предплечье и он остался на месте.

— Какого из?

— Выбирай любого. Тыпустишь слух, что он черезчур тебя ревнует к другому супругу и что он становится неуправляем. Он тебя послушается и даже устроит несколько стычек. Не прилюдно, но чтобы об этом разговаривали слуги — они разносят слухи как пчелы нектар. Затем окажется, что он захочет впечатлить тебя и убить одного из твоих соперников. Не самого рьяного, а средней руки — с которым еще можно договориться. И да, ты действительно отправишь на это дело мужа. После чего предупредишь своего врага, но

попросишь не убивать. — Конрад задумался на мгновение. — или пусть убьют или даже отдадут под пытки, а затем казнят. Так ты, получишь некое доверие, и все запомнят, что ты против убийств, даже собственных врагов. Скажем, тебе нравится с ними соперничать в дворцовых интригах, но никак не на поле боя.

— Что этот змей себе позволяет? Отправить на убой... — взревел Йорам.

Но женщина погладила его по предплечью.

— И ты предлагаешь мне пожертвовать моим любимым?

— Ты предлагала мне умереть самому.

— Убить.

— Только чтобы умереть. — отрезал Конрад. — если вы хотите устроить переворот, кроме всего прочего вам нужен план дворца. И мне он нужен. Достаньте, и на его основании сможем подумать, что и когда будем делать. Дайте имена тех, кто сможет мне помочь пробраться внутрь. Я даже согласен пойти первым. Без меня ваш план даже если и удастся, через десять, может пятнадцать лет, всё вернется на круги своя, и уже вы будете стенать и заламывать руки со словами «Зачем я так поступила?»

Женщина освободилась от руки мужа и пододвинулась к Конраду.

— Надо же? Ты думаешь, что я смогу прожить пятнадцать или двадцать лет?

— Люди частенько живут дольше, чем им хочется. И самое худшее — забывают составлять планы на это время. Сдайте Кагану других заговорщиков. Ваши мужья останутся при вас. Вы признаетесь, что задумывали переворот, но услышав речи других, раскаялись и потому просите помилования. — Конрад перевел взгляд на Йорама, а затем на неё. — позже скажете, что готовы на всё, чтобы он вас простил.

Женщина медленно встала, одернула юбку. Её муж вскочил и попытался рвануть на Конрада, который уже поднялся и наполовину вытащил нож. Но женщина тоненькой ручкой, едва коснувшись торса Йорама, остановила его.

— Теперь ты предлагаешь мне жертвовать собой.

Конрад кивнул.

— Не просто же так он хотел, чтобы я осмотрел именно вас. Как давно он пытается заслужить ваше внимания и... скажем, благосклонность?

— Достаточно давно, чтобы это надоело.

— И это стоит гораздо дороже, чем ваша жизнь или ваши мужья? Отвлечь человека, которого позже убьете, но ваши дорогие люди останутся живы.

— Но умрут несколько десятков, кто мне доверился. Ты не хотел проливать кровь одного-двух человек своими руками, но так легко льешь, если это делает кто-то другой.

Конрад перевел взгляд на Йорама.

— Ты согласился бы отдать свою жизнь за свою жену?

Тот взглянул на него исподлобья.

— С радостью.

Но она уколола его ногтем.

— Не спеши. Проверь, как там гости, а мы пока что продолжим беседу. Мне ничего не угрожает, уверяю тебя.

Он помедлил немного, но повиновался и исчез за бордовой тканью, служившей дверью

— Мы так ни к чему не придем. — сказала она, когда муж ушел, и указала на нож. — убери эту штуку. Она выглядит даже вульгарнее, чем мужские причиндалы. — Женщина легла на подушки и обняла одну из них. — я не собираюсь спать с Каганом. Нет, мне это

ничего не стоит, но тогда я убью его, как только он меня коснется. А если так случится, то стража меня убьет, и это даже не будет бунтом. Так, некоторая смута. Советники сразу же распределяют роли и будут ждать взросления наследника. Меня это не устраивает.

Конрад убрал нож и тоже опустил.

— Тогда мы можем друг с другом попроситься и забыть, что этот разговор был.

— Тут забудешь. Но кем-то надо будет пожертвовать. И мне нравится твоя идея войти первым во дворец. Но даже если ты там окажешься, то как проберешься к тому, кого хочешь убить?

— Найду. Этот человек должен быть в одной из башен дворца.

— Тогда готовься пробиваться с боем по узким коридорам и лестницам. Слуги вряд ли будут тебя поднимать на лифту.

— Значит надо выбрать день, когда во дворце будет меньше стражи. Допустим, праздник.

Женщина нахмурилась, приподняла бровь.

— Они будут в городе. Это да. Но во дворце все равно останется гвардия.

— Но к ней вряд ли кто придет на помощь. И пьяные толпы смогут задержать хотя бы на какое-то время войска или тех же самых стражников, чтобы вы могли занять дворец. После чего объяснить им, что придется жить в новом мире — с другим Каганом, но с теми же обязанностями.

— А отвлечешь ты... наверное, чем-то старым и добрым?

— Пожаром.

— Кому-то не повезёт.

— Нажитое сгорит, но вы сможете восстановить их дома и получить признание, благодарность. Люди увидят, что вы с ними не только в радости, но и в беде.

Женщина растянулась на своем месте, подняла руку и стала крутить кольца на среднем пальце.

— Звучит так легко и непринужденно. Будто это может сделать каждый.

— У кого есть люди, готовые умирать и убивать, план дворца и готовность, что вся их жизнь при неудаче будет сломана. Совсем немного. Но нужна подготовка.

— Человек внутри?

— Полезно, но опасно. Вызовет подозрения, его раскроют, и на первом шаге меня ждет неудача, а вас постель императора.

Он услышал, как скрипнули её зубы.

— Значит, нам нужен кто-то, кто не будет на нашей стороне, но в нужный час сделает то, что мы хотим. Подкуп не пойдет — слишком топорно, да и риск.

— При этом он должен быть не важен. Вероятнее всего, он умрет, когда поймет что случилось.

— Я запомню это. Еще нам нужно выбрать день. Конечно же это должен быть праздник. Есть идеи?

Конрад смутился.

— Я здесь всего две недели.

Женщина приподнялась на локтях.

— Да. Это верно. — она снова легла. — Стоит закинуть эту идею нашим товарищам, найти деньги, выбрать праздник, способ как тебя закинуть за стену, да еще с инструментами для пожара. А еще праздник. Такой, чтобы люди выносили столы на улицы и праздновали.

— Праздник урожая?

— У нас такого нет.

— День его воцарения?

— Для убийства Кагана — да. Очень много просителей, но чтобы захватить власть — нет. На этот праздник чернь не допускают. Первое что приходит на ум — день рождения его сына. Фейерверки, празднования, ярко, дорого, громко.

— Я не могу ждать год. — заявил Конрад.

— Максимум год. — сказала женщина. — к этому моменту всё разрешится. Либо мы достигнем успеха, либо в наши головы натолкают верблюжьего навоза и выставят на обозрение. — Она задумалась и продолжила медленнее. — это недопустимо — коричневый мне не к лицу.

Конрад задумался.

Год. Целый год. Ему ни разу не приходилось откладывать это на такой срок. Уже спустя несколько часов количество смертей возросло в разы. Но год... Он обязан согласиться. Если удастся убить раньше, он так и поступит, если нет, то лучше через год, чем никогда.

Он тяжело вздохнул и поднялся.

— Год — это много. Но если мы сможем совершить задуманное, то ожидание того стоит.

Женщина протянула руку, и он помог ей встать, но та не спешила отпускать новоиспеченного союзника.

— Мои мужья прекрасные воины и защитники, но им не хватает самую малость хладнокровия и, наверное, вероломства. Если тебе понравились эти подушки, то я найду еще несколько, но гораздо... — она приблизилась. — гора-а-аздо мягче.

Конрад смутился.

— Боюсь, что на улице у меня их украдут, а в трактир с ними не впустят. Но благодарю за предложение.

Женщина рассмеялась и склонила голову набок.

— Мы должны победить.

— Это наш долг перед миром и богами. — сказал Конрад и пошел к выходу. Задержался возле дверного проема. — Если я хочу вас найти, то...

— Скажите трактирщику, что вам хочется встретиться с Халой.

Конрад кивнул и добавил.

— Если захотите снова пригласить меня, пожалуйста, предупреждайте.

Хала склонила голову набок.

— Конечно. Людей с разрезанным лицом и так уже на два больше, чем мне бы того хотелось.

Конрад больше не искал возможных путей во дворец. Он ждал. Хотя каждый час ожидания усиливал чувство, что два избранных живы, что они наполняются силой. Это заставляла его тревожиться, но в такие моменты он останавливался, прислушивался к своим ощущениям и успокаивался. Медленнее, чем хотелось бы.

Понимая, что в чайхоне, где он остановился в первый день, ему больше ничего не грозит, Конрад вернулся туда. А через неделю её владелец сказал, что Хала приглашает его на кальян, и что Конрад сам знает куда нужно идти.

В этот раз его увели в другую комнату — подальше от обсуждений. А затем ввели мужчину с бегущим взглядом, который отказался представиться. Хала сказала, что ему стоит познакомиться с каждым из бунтовщиков, поговорить, чтобы не было внутренних трений, зависти и каждый понимал свои цели и цели других.

— Доверие — самое дорогое, что у нас есть.

После общения его вывели и попрощались.

Так продолжалось несколько месяцев. Его приглашали, знакомили с одним, двумя, редко с тремя людьми, после чего отправляли домой. И каждый раз Хала выступала как связующее звено, без которого эта встреча никогда бы не произошла.

Конрад старался больше слушать и давать лишь туманные описания своих интересов. Некоторые его собеседники казались черезчур болтливými, другие подозрительными, кто-то кипел от ненависти и находил свои причины для переворота у Конрада. Он не спорил. Соглашался, что причины весомые, даже если они состояли из сплошь честолюбия и уязвленного самомнения: Каган отверг подарок или нелестно отозвался о раскраске штанов.

Но особо ему запомнились двое.

Первой оказалась женщина, которая села напротив него и молчала.

— Конрад. — представился он.

— Нарайа. — ответила она.

И больше в комнате никто не произнес ни слова. А когда он уходил, Нарайа сказала:

— Приятно было побеседовать.

Что больше всего удивило Конрада — она казалась довольной.

Вторым интересным человеком оказался Сайдун.

Едва Хала договорила привычную речь и ушла, как он взял несколько подушек, сложил в углу и лег.

— Я Сайдун и вляпался в это так же, как и ты. Если придушишь — скажу спасибо. Если дашь поспать — я твой должник.

И уснул.

Конрад был настолько удивлен, что просидел два часа с ним в одной комнате, не шелохнувшись, а затем вышел, стараясь не шуметь.

После всех знакомств, его наконец пригласили в зал, где за столом сидели все из встреченных им заговорщиков.

Нарайа приветствовала его кивком, кто-то пожал руку, Сайдун положил подбородок на ладони и, казалось, готов был заснуть здесь и сейчас. Хала, как и всегда, казалась расслабленной, будто здесь только и делали, что разговаривали о чае, табаке и вариантах как удачно продать задарма купленную землю.

Она села во главе стола, разладила перед собой платок и положила на него руки.

— Друзья, за всё время, что мы с вами общались, мы пришли к взаимным договоренностям, и с этого дня я буду считать, что они остаются неизменными, и каждый, кто позже захочет большего, признает себя клятвопреступником.

Присутствующие нестройно кивнули. Кроме Сайдуна — он зажмурился, зевнул и встряхнул головой. Остальные не придали этому значения.

— А значит, нам пора делать первые шаги. Тем более, что некоторым уже не терпится. У нас с нашим новым другом, Конрадом, был разговор, где мы пытались уговорить друг друга чем-то пожертвовать. Он показался наиболее жестоким и предложил сдать вас Кагану.

Все взгляды повернулись к Конраду. И даже Сайдун приободрился.

Хала продолжила.

— Но он тогда не был знаком ни с кем из вас. Сейчас же, я надеюсь, он понимает насколько это непозволительная идея. Уверена, ему есть что сказать в свое оправдание, но мы сейчас собрались не за этим. Нам нужно понять, как же закинуть Конрада во дворец незаметно.

— Крюк-кошка, веревка. Старые методы работают всегда.

Хала кивнула.

— Отличный вариант, чтобы совершить убийство.

Нарайя сложила пальцы домиком.

— Бунт черни выманит их.

Хала подождала несколько мгновений.

— И свяжет на какое-то время. Но для этого надо поработать с нищими, а это может оказаться замеченным. Тем более, мне бы хотелось избежать лишней крови. В нашем будущем эти люди могут нам понадобиться.

Сайдун зевнул.

— Зачем? В большинстве своем это бездари и преступники. Единственное, что можно сделать — продать как рабов в соседние страны. — он говорил и водил ладонью, как будто отмахивается от вялой мухи. — вони уменьшится, страже не придется за ними постоянно приглядывать, да и лишние трупы исчезнут с улиц. — мужчина хохотнул. — Одни плюсы, верно говорю?

Затем посмотрел на Халу, и его улыбка увяла.

— Подожди, ты хочешь вернуть рабство?

Она оторвала пальцы от платка и свела их.

— Торговлю людьми. От каждого должна быть польза.

Нарайя нахмурилась.

— Это надо обсуждать.

Какой-то пожилой мужчина забормотал.

— Чего обсуждать? Они и так бестолковые? Мы получим за них деньги, а они начнут приносить пользу. Лежачий камень, хоть и отбрасывает тень, но не мелет муку. Для этого надо его обтесать и перенести на мельницу. Так же с этими людьми.

Начался галдеж. У каждого было свое мнение по этой теме. Кроме Конрада. Работорговля есть или её нет — его не касалось. К чему бы ни пришли эти люди, важно только одно — смерть младенца в одной из башен дворца.

Хала постучала по столу ногтями. Частый, хоть и тихий стук, успокоил нескольких, а за ними замолчали и другие. В наступившей тишине Хала заговорила.

— Прошу прощения у собравшихся, что не подняла этот вопрос ранее. Но он родился из моего желания уменьшить кровопролитие, даже тех людей, которых для нас не существует. Поэтому, Нарайа, в другой ситуации это был бы отличный подход, но я не хочу, чтобы наше возвышение было связано с бойней.

— Только с Цареубийством. — сказала Нарайа.

— Да. — заявила Хала. — для начала мы должны протащить Конрада во внутрь, чтобы он устроил там пожар. Это введет гвардейцев и слуг дворца в смятение. Также отбросит часть людей в сторону от нашей цели — покоев Кагана.

Женщина с сединой на висках усмехнулась.

— И сколько у него уйдет на это времени? Час бегать с горящей веточкой по комнатам, бить лампы? А если ламп нет, то будет стоять и ждать, пока загорятся ковры? Его схватят и превратят в подушку для игл.

Хала обратилась к Сайдуну.

— У тебя есть что-то, что может нам в этом помочь?

Мужчина зажмурился и разлепил глаза.

— Так. У меня. Что-то, что поможет устроить пожар, но чтобы это мог унести один человек. Не особо большое, желательно в небольших, но эффективных порциях. Хала, это обычное масло. Разбиваешь колбу, поджигаешь, забываешь.

— А такое, чтобы сложнее было потушить? Нам нужно, как минимум четыре очага пожара, на которые люди сбегутся.

— Масло. — повторил Сайдун. — можно добавить загустителя, чтобы он липло ко всему. Если попадет на человека, то ему не понравится. — он закусил ноготь на большом пальце. — Да, в этом подходе главное — простота. Факел, колбы с маслом и добавками, в общем-то всё.

— А если, когда я буду разбивать, это попадет на меня? — спросил Конрад.

Сайдун усмехнулся.

— Так бросай дальше.

— А затем подходить и поджигать?

Несколько секунд Сайдун думал, затем зевнул.

— В каждую колбу по промасленной тряпке. Этого будет достаточно. Поджигаешь, бросаешь, всё горит, ты в стороне.

Хала посмотрела на Конрада.

— Тебе подходит такое?

— Думаю, да.

— Значит, осталось решить, что же поджечь. Есть соображения? — она цепким взглядом окинула присутствующих.

Конрад смотрел на неё, и всё происходящее выглядело как уже заготовленный разговор. Несколько вопросов, которые может обсуждать любой, несколько решений, которые не касаются присутствующих лично, несколько небольших послаблений.

— Зал стражей. — сказали несколько голосов.

— С него и начать. — добавила Нарайа. — но мне не нравится пожар. Он может сожрать больше, чем мы хотим. И застать нас самих врасплох.

Старик почесал висок.

— Городу он не угрожает — стена дворца защитит. Но внутренние постройки. Если мы хотим занять не пепелище, то надо так же выбрать здания, которые не примыкают к другим.

— Но к таким сложнее добраться от одного к другому. — предположил Конрад. — мне придется бежать по открытым пространствам. Вы принесли чертежи дворца?

Хала сжала челюсти.

— Еще нет.

— Ты сказала, что достать их не составит труда.

— Достать да, но не вытащить. За ними особое наблюдение, как и за всем, что представляет секреты или важную информацию. Поэтому приходится действовать осторожно.

В разговор вступила Нарайя.

— Мои ученики переписывают их.

Старуха откашлялась и произнесла.

— Кто-то пустил их к чертежам с чернилами?

— По памяти. — добавила Нарайя. — вам нужны подробности?

— Обойдусь. — сказала та и занюхнула какой-то темный порошок.

Конрад представил сколько листов должен включать такой проект. Сто, двести, пятьсот? Этажи, планы башен, стены, дополнительные постройки.

— Сколько это займет?

— Еще пару месяцев. — ответила Нарайя.

— А план с постройками и их описанием тоже мы сможем получить?

Она задумалась.

— Схематично?

— Точные расстояния и масштаб.

Нарайя сложила ладони и закрыла глаза. Наступила тишина, и никто из присутствующих не попытался даже подвинуть стул.

— Полтора месяца.

Конрад кивнул.

— Значит, о поджоге подробнее будем разговаривать через два месяца?

Нарайя кивнула.

В этот миг Хала перехватила разговор.

— И пожар, и способ как ты попадешь внутрь дворца. Нам нужно понимать откуда тебе придется действовать. К тому же, еще предстоит заняться схемами патрулей. Это тоже время.

— Я бы хотел быстрее. — сказал Конрад.

— Мы уже обговорили это. — легко отсекала Хала. — мы ориентируемся на дату и нам некуда спешить. Лучше всего просчитать варианты, найти союзников и подготовиться. Все же согласны?

Ответа не понадобилось. Конрад и сам понимал, что никто не станет торопиться просто из-за того, что избранный с каждым днем вносит все больше изменений в своё окружение.

— Я забылся. — сказал Конрад и склонил голову.

— Прекрасно. Тогда смотрим, слушаем, и ждем чертежи.

Конрад шел домой с мыслью, что за два месяца или даже за этот год он бы уже успел съездить, придушить другого избранного и вернуться. Как раз писари Нарайи закончили бы работу, все согласовали план и предоставили ему самое простое — задачу, где ему надо устроить переполох. Но нет. Ему придется ждать два месяца. Два месяца только для того,

чтобы продумать план. А что дальше? Ждать еще полгода только ради одной ночи, когда всем остальным будет удобно.

— Проклятье. — выругался Конрад.

Лежащие рядом нищие встрепенулись, посмотрели на него недоумевающим взглядом.

— Я не вам, просто... — заговорил он и понял, что использует западное морское наречие. Слишком шипящее и рваное для этих земель.

Сплюнул и пошел дальше, больше не пытаюсь оправдаться. Его разрывало на части от ожидания. Никаких дел, никаких занятий кроме одного — ждать. Ждать, когда где-то...

Он понял, что гоняет мысли по кругу и бросил это, вернулся в трактир и заказал еды.

По крайней мере, он мог есть. В эти моменты не думаешь. Просто ешь, забиваешь брюхо, хотя треклятые боги одарили его возможностью обходиться и без этого. Просто привычка, просто небольшое удовольствие, которое способно заглушить мысли, сбить тремор с рук и вернуть спокойное дыхание. Он готов был делать что угодно, лишь бы не думать.

— Тебе работник нужен? — спросил он с набитым ртом.

Владелец чайхоны удивился, хмыкнул.

— У меня с посетителями проблем нет. Тем более, ты работаешь уже на Халу.

Конрад вздохнул.

— Не работа, а сплошное ожидание.

— Дык, для вышибалы склад ума нужен соответствующий.

Конрад поднял на него взгляд, прожевал еду, проглотил.

— Ты подумал, что я собирался избивать здесь людей?

— А что еще? Химшан и Унрук надеются еще встретиться с тобой.

— Это... — Конрад понял и ахнул. — те из переулка? Проклятье.

— Для кого-то они, для кого-то ты. — хозяин чайхоны развел руками. — а для кого-то я. Мы все проклятья.

— И несем одним смерть, другим страдания.

Конрад поднялся наверх и попытался заснуть, но не вышло. Вся информация, которую он услышал от заговорщиков казалась... казалась... Что им просто плевать.

— У меня есть все время мира. — сказал он себе, стараясь успокоиться. — всего лишь год. Год и затем пойду дальше.

«А надо ли его убивать?» — скользнула предательская мысль.

Она появилась и исчезла, не задержавшись и секунды, но оставила после себя ощущение брошенного в воду камня. Всё новые и новые идеи проникали в разум Конрада, путая его, заставляя сомневаться.

Ему пришлось сесть на кровать, чтобы успокоиться. Казалось, что омут рассудка снова покрыла гладь давно принятых решений. Но под ней всё же скрывался тот камушек, рядом со множеством таких же. И Конрад боялся, что рано или поздно, их уже невозможно будет спрятать.

Он вдохнул и выдохнул. Обычное спокойствие уже не могло им овладеть. Хотелось действовать или забыться в деле.

— Опять. — Конрад схватился за голову, в которой стучало «Действуй!»

Затем встал и вышел на улицу. Ночь? Плевать. Больше всего он боялся потерять самообладание. Ни грабителей, ни дураков, решивших показать свою удачу, нет. Если

Конрад не найдет себе занятие, чтобы закрыть те перерывы между встречами с Халой, то сам превратится рано или поздно в одного из таких переулочных самоубийц.

Ноги его несли по улицам, мимо стражников, торговцев и прохожих. Люди, стены, повозки, барахло, здания, смыслы, смыслы, смыслы. И вместе с тем всё было для него бессмысленно. Прямо сейчас. Он готов был пойти проситься в стражники, чистить нужники, лишь бы избавиться от того гона, что засел в голове.

Неожиданно для себя он почти столкнулся с охранником уже знакомой стройки.

— Эй. — крикнул мужчина с факелом. — Я тебя знаю. Ты ж здесь работал?

Конрад замер, натянул удивленное выражение лица.

— Да. У Расима ко мне какие-то претензии?

Охранник расслабился и покачал головой, оглянулся на стройку.

— Дык если б. После того, как ты ушел, рабочие нарадоваться не могут. — указал на кучу сложенных кирпичей, сел на неё и продолжил. — Расим стал задумчивым и почти перестал проверять работу. Так, выйдет ненадолго, посмотрит на стены, поморщится, да к себе уйдет.

Конрад перевел взгляд с охранника на здание и обомлел. Здесь было чему поморщиться. Некоторые ряды кладки лежали криво, в других кирпич чуть ли не на половину торчал из стены. Даже олуху было понятно, что если так пойдет дальше, то всё рухнет. И можно было понять каменщиков — им платили за каждый кирпич, но чем занимался Расим, если до такого довел?

Конрад медленно выдохнул.

— Я пройду?

— Конечно. Там уже и брать то нечего.

И правда. Внутри толком ничего не осталось. За всем пришлось бы лезть выше, но Конрад не мог быть уверен, что там хватит для окончания строительства. Он прошел по залу и заметил сразу несколько неправильно положенных плит.

За три с половиной месяца здание из скучной и унылой коробки превратилось в одни из тех руин, которыми богаты бесконечные земли. На это было больно смотреть. Среди всего прочего он увидел и кусок стены, где кирпичи лежали ровнее остальных, но лишь на небольшом участке. Дальше снова навалены, и с каждым рядом всё хуже и хуже.

— Расим! — позвал Конрад, вступая во тьму.

Он почувствовал запах вина и рвоты.

«Надеюсь, в этот раз там нет разлитого масла.»

Он вернулся к охраннику и хотел взять у него запасной факел. Тот поворчал, что у него в руках единственный, но за серебряную монету расстался с ним. И сказал, что будет ждать у входа.

Архитектор спал. Вместо разбитой лампы лежали разбитые бутылки. Карандаши промокли насквозь в вине, несколько чертежей лежали скомканные, еще несколько рваных ошметков валялись под столом рядом с полупереваренными кусочками еды.

Но лампа оказалась целой. К сожалению, в ней не оставалось масла даже на то, чтобы пройти по коридорчику на улицу.

Конрад потряс архитектора за плечо.

Тот что-то промычал и поднял голову. Слюна блестела в свете огня, а в пустых глазах было раздражение и равнодушие.

— А, это ты? Проклятый чужак. Ублюдок, с верблюжьей колючкой вместо яиц.

Ненавижу тебя. Ты... ты...

Он попытался встать и упал бы, если бы Конрад не подставил плечо.

— Выродок пустынной гадюки. Чтоб твои дети дошли на твоих глазах. Бросались с самой самой высокой башни, чтобы это видели все. Слышишь? Видели все и знали, что это твоя вина. Понял, выродок?

Конрад вел его на улицу и не отвечал. Затем посадил скамейку, на которой в три слоя засох цемент, и сел рядом.

— Сиди здесь.

Сходил к колодцу, набрал ведро воды и принес архитектору.

— Давай сюда, хоть будет куда...

Расима вырвало, но желчью. Узкой струйкой, но по звуку казалось, что архитектор выплевывает весь желудок, и чуточку легких.

Конрад поставил ведро, одной рукой прихватил Расима, другой черпал воду и умывал его.

Архитектор отбивался, плевался, ругался, кричал, но Конрад не сдавался. Даже прибежал охранник, но увидел, что ничего страшного не происходит, успокоился, хотя и остался на месте.

— Если он утонет... — начал он.

— То скорее в собственной рвоте. — закончил Конрад. Вылил остатки ведра на Расима. Бросил монету на дно и протянул ведро охраннику. — Набери воды, все что внутри — твоё.

Когда охранник убежал, Конрад сел рядом, не обращая на то, как вода пропитывает его штаны.

— Ты... ненавижу... — пролепетал Расим. — кто так делает?

— Ты про фасадную стену?

Архитектор замер на мгновение.

— Ты про ту? А, да плевать на неё. Кому это вообще нужно? Этим тупорылым рабочим? Они накидывают кирпич как попало. И что из этого получается? Видишь? Видишь? Вон Там. Выше входа. Кирпич треснутый. Он его положил и сказал, что стоит же, значит, он заслуживает платы. Кто же так делает? — Расим опустил руки и закачал головой. — Я так не могу больше. В этом просто нет смысла.

— Ты их не контролируешь, вот они и делают что хотят.

Расим посмотрел ему в глаза.

— Да я про другое. Весь этот сарай из глины и песка. Толку в нем? Ты правду сказал. Как будто мальчишка его проектировал. Везде аккуратненько, по всем правилам, чтобы ничего не выделялось, а еще больше симметрии. Везде симметрии. Достало, надоело. Эти олухи разбираются и то больше меня. Смотри! Их собор будет дышать свободой, асимметрией...

— Бездарностью. — закончил Конрад.

Расим замолчал на секунду, вздохнул.

— Да. Но смысл вот этого всего? Конрад. Как бы посмотрел Зальдур на это, чтобы он сказал?

— Наверное, что это дело надо закончить и больше не браться за то, что тебя не вдохновляет. Потому что иначе ты олух и сношаться тебе с верблюдами в середине пустыни.

Расим хмыкнул.

— Вряд ли бы так выражался. Он был гением.

— Уверяю, он так бы и сказал. А потом бы заставил рабочих разбирать каждый кривой ряд. А если бы они отказались и ушли, то нанял бы новых и платил им за каждый убранный и очищенный кирпич как за новый. Потому что архитектор должен доводить проекты до конца, а если он умрет...

— То по его чертежам это должна суметь сделать даже обученная собака. И то потому что в отличие от остальных зверей она страшно лает.

Расим улыбнулся, черпнул воды, отпил, прополоскал рот и сплюнул в сторону.

— Ты мерзавец, Конрад. Подлец и негодяй. Назвал меня мальчишкой. Меня — опытного архитектора, знатока Зальдура. — он сделал паузу, — и был меток как солнечный удар. Что мне теперь сказать заказчику?

— Правду?

— Мне не заплатят за это. — Он указал рукой на кривые стены. — даже если все исправить.

— Считай это платой за малодушие.

Расим взял ведро обеими руками, окунул в него голову и пил так долго, что Конрад удивился, насколько еще ему хватит дыхания. В конце концов тот запрокинул ведро и вылил остатки на себя.

Не смотря на пробуждение, на похмелье сейчас Расим казался бодрее. Он улыбался. Криво, пьяно, но улыбался.

— И мне останется только прыгнуть в ближайший караван, да поехать по чужим землям.

— Или остаться здесь и попробовать новое.

Расим отмахнулся.

— Я на эти каменные ящики смотрел с детства. Что из этого вышло? Такой же каменный ящик, только с башенками, да, вроде как милее. Но стоит идти дальше. Да. Закончить храм, сесть в караван и куда глаза глядят. Кстати, ты нашел себе работу?

Конрад втянул воздух.

— Да, но занимаюсь ей раз в неделю.

— Тогда, может, присоединишься ко мне? Меня одного эти разбойники прибьют.

Конрад улыбнулся, вспоминая, как раньше его невзлюбили рабочие. Если их заставить переделывать, то они схватятся за кирки и ножи. Там хоть стражу вызывай.

— А меня точно возненавидят. Ведь шло до этого всё хорошо, а тут вернулся я и им придется исправлять.

— Сами виноваты. — ответил Расим. — нечего было пользоваться моей слабостью и плевать на работу. Будем им урок.

Конрад задумался. Еще раз посмотрел на кривые стены. Они выбивались из того, что можно было бы назвать правильным. Совсем как избранные. Но стены можно разобрать и исправить, если что-то пошло не так. А у избранных сразу кривой фундамент. То, что под их тенью погибнут тысячи людей — лишь вопрос времени.

«Если бы у меня была возможность их исправить, воспользовался бы я ей?» — подумал Конрад, имея ввиду, и стены, и избранных. — «Когда-нибудь. Возможно, потом. Надо начинать с простого.»

Он улыбнулся и сжал плечо Расима.

— Давай попробуем. Так бы поступил Зальдур.

Работники не обрадовались. Крайне не обрадовались. Часть из них ушли сразу же. Еще часть ушли к обеду, а уже к вечеру Расим составлял письмо о найме новых каменщиков. Ночью они с Конрадом пили чай посреди перевернутых чанов и кучи разбитых кирпичей.

Конрад ощущал себя счастливым впервые за несколько месяцев. Тревога осталась, но она отошла на второй план. Сейчас хотелось исправить всё, что было испорчено, почувствовать, что старания не уходят в пустоту.

Надо было еще помнить о встречах с Халой, но Конрад для всех тех людей выполнял роль стрелы, которую пустят и в следующий миг забудут о ней.

Поэтому он не расстроился, когда вспомнил о пропущенном собрании на утро, когда занимался с Расимом планированием работ и что делать, если заказчик откажется вкладывать деньги.

— Этот человек своего не упустит. — говорил архитектор. — он сам считал сколько кирпичей будет нужно. И мне приходилось грызться с ним за самый замшелый булыжник.

Конрад облизал пересохшие губы, вытер пот. Он до сих пор не привык к палящему солнцу Харийской столицы. Наверное, и не привыкнет никогда.

— Думаешь, заставит нас использовать битый кирпич?

Расим отмахнулся и сказал с тяжестью в голосе.

— Нет, но каждую лишнюю горсть песка вычтет из моего жалования. Я еще и должником останусь. Даже не представляю, как придется дальше жить. Пойду пасти верблюдов и стирать простыни шлюхам.

Конрад хмыкнул, глядя на расчеты. Куча денег ушло на пустую работу строителей. Шестая часть этого пойдет на разбор стен, еще столько же, как минимум придется заплатить новым работникам. А на сумму, которая требовалась для новых плит и материалов, он даже не хотел смотреть.

— На севере и западе верблюдов нет. Так что, мой друг, тебе придется довольствоваться простынями.

Расим зыркнул на него, набрал воздуха.

— В твоих землях я стану величайшим архитектором. Ваши Каганы будут звать меня к себе только для того, чтобы я выслушал их пожелания. Ради моего внимания они начнут войны! — после чего заговорил тише. — если меня не утопят в песке за растрату. И узнаем мы это... — он посмотрел на тень, которую отбрасывала вбитая в землю палка. — Через час.

Заказчик пришел раньше. В сопровождении двух красивых девиц. Они ввели его под руки в недостроенный храм, и Конрад не смог сдержать удивления.

— Расим, — сказал Ламуш. — ты, должно быть, плох, раз привел с собой лекаря.

Архитектор удивился и посмотрел на Конрада.

— Лекаря? Его что ли? О нет, это мой подмастерье, помогает мне со всяким. Следить за рабочими, чтобы те не построили вместо жемчужины архитектуры... — последние слова он говорил медленнее и медленнее, переводя взгляд с Конрада на Ламуша. — А вы знакомы?

— К сожалению. — сказал тот. — благодаря этому человеку весь двор увидел мой голый зад.

Конрад кивнул.

— Я с радостью выбрал бы кого другого.

— Но решил выбрать меня.

Конраду пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы посмотреть этому человеку в глаза.

— Да.

Наступила тишина. Лишь Расим пытался что-то сказать, мямля едва различимые слова.

— Голый... зад? При дворе? То есть как? Конрад, это... как?

Но Конрад лишь пожал плечами. Это движение получилось угловатым, рваным. Он ожидал, что сейчас

Ламуш вздохнул и покачал головой, отстегнул изогнутый кинжал и положил на столик рядом с чертежом и расчетами.

— Жаль, что я не так молод, как раньше. Иначе быть бы нам кровными врагами.

Конрад перевел взгляд на кинжал, затем на девушек, которые как статуи возвышались над своим господином.

— Я бы тогда не выбрал вас.

— Струсил бы?

— Решил бы не ввязываться в ненужную вражду. Вы сами всё слышали, и без приказа Кагана я не поступил бы так.

Ламуш скрестил руки на груди.

— И я рад, что ты не попал на услужение к Кагану. Ты отвратительный лекарь и ошибся в отношении меня.

— Или соврал. — поправил Конрад.

Глаза спутниц Ламуша чуть расширились, а он сам нахмурился.

— Перед лицом моего господина? — он освободился от поддержки девушек и упер руки в стол.

В этот выдержать взгляд было гораздо проще. Конрад выпрямился и ответил.

— Точнее, перед всем его двором. Возьми меня Каган к себе, я бы просил у него прощения и признался в утаивании, ради того, чтобы не нажать себе врага, а, возможно, и ему. Как бы вы поступили, если бы он взял под крыло человека, который при всех сказал, что...

— Довольно. — остановил его Ламуш. — я понял. Но как случилось, что лекарь решил стать помощником архитектора?

Конрад налил в чашку воды из кувшина.

— Я понял, что никому не нужен лекарь, который не способен позаботиться о себе.

Ламуш хмыкнул, кивнул девушкам и те через миг уже поддерживали его под руки.

— Сколь бы ни была бы велика мудрость моего господина, но в некоторые моменты я дивлюсь его недалёковидным решением. Вы могли бы научить других лекарей своему мастерству или хотя бы такту.

Конрад хмыкнул.

— Что-то подобное я уже слышал.

Не успел Ламуш задать вопрос, как в разговор влез Расим, явно недовольный, что о нём забыли.

— К слову о храме. — начал он. — с ним сложность.

Ламуш посмотрел на него с раздражением.

— Что ж, надежды — проблема того, кто имеет глупость надеяться. — Миг посмотрел на бумаги рядом со своим кинжалом. — Вы не успеваете? Или вам нужны еще деньги? Или

вы впали в запой и позволили своим рабочим разворовывать стройматериалы и работать как им вздумается?

Расим покраснел и сгорбился, что стал похож на карлика, заговорил, едва разжимая губы.

— Всё вместе, господин. Мой помощник указал мне на явную ошибку, из-за чего я впал в ярость, после чего раскаялся, но было поздно.

Ламуш погладил руку одной из помощниц, и та посмотрела на него так, словно ждала приказа. Но вместо ответа Расиму, он обратился к Конраду.

— Конрад, верно? Скажи, была бы эта проблема, потерял бы я денег, если бы ты не пришел «на помощь» к данному человеку? Если бы не стал его помощником? И если бы ты был им, то почему позволил рабочим разгуляться?

— Я выгнал его. — ответил Расим за Конрада.

— Осталось еще несколько вопросов. — продолжил Ламуш.

Конрад отложил чашку с водой.

— Мне не известно.

— Значит, я должен взять эти деньги с тебя?

— Мне это тоже не известно.

— Но ты подтолкнул моего архитектора к яме порока, куда он и шагнул.

— Я указал на явную скуку в том проекте, которым он занимался.

Ламуш свел брови.

— Я его одобрял, и он мне понравился.

Конрад покачал головой.

— Вы не архитектор.

— Как и ты.

— Верно. Но я не раз общался с ними и дружил с лучшими из них... у себя на родине. А вы?

Ламуш засмеялся. Утробно, низко. Это было бы угрожающе, не заметь Конрад как переменялся взгляд девушек.

— Только нанимал. — продолжил Ламуш. — Так значит, я не разбираюсь в красоте дворцов, раз среди моих друзей нет архитекторов?

— Вы не разбираетесь в архитектуре. — ответил раздосадованный Расим.

Это омрачило Ламуша.

— Как и ты в помощниках. Ты желаешь, чтобы тебя судили за растрату?

Расим насупился, опустил взгляд и заговорил с жаром.

— Не растрата — глупость и ошибка. И это я вынес бы на суд Кагана. Потому что как сказал человек, построивший его дворец: Если казнить каждого плохого архитектора, то никогда не появится хорошего. — Расим дал обдумать сказанное и продолжил. — Вы разбираетесь в женщинах. В них симметрия важна и прекрасна. Я даже отсюда вижу, насколько старательно вы лепили из этих девушек лучших в своём роде. Но архитектура живет по другим законам. Она может быть изысканной там, где не ждешь, но скучной, серой и безвкусной, сколько бы золота ни вылили на колонны или на стены.

Ламуш терпеливо слушал, затем кивком указал на покрытую цементной пылью лавочку, и девушки подвели его к ней. Накрыли куском шелка и усадили господина.

— Тогда почему ты мне показал настолько скучное, как ты говоришь, здание?

Расим в мгновение растерял весь запал. Теперь он смотрел на чертеж и водил по нему

пальцами. Казалось, что он готов заплакать от досады.

— Я забыл о красоте. Я привык не к голосам архитекторов, не к видению зодчих, а к звону монет, которые требуют от меня это. А мой молодой друг помог мне это вспомнить, господин. И если вы решите, что траты надо возместить — это сделаю я. Если стоит кого-то наказать... — он сжал зубы, посмотрел на Конрада. — давайте обратимся к Кагану и он рассудит.

Ламуш указал на кинжал.

Внутри Конрада все сжалось. Он сейчас был при оружии, но устраивать поножовщину в центре города — самоубийство.

Помощница Ламуша прошла к столу, окинула взглядом мужчин, задержав взгляд на истертых ножнах Конрада, затем взяла кинжал господина и вернулась на место.

Ламуш покрутил оружие в руках, улыбнулся солнечному зайчику, что скользнул у него по лицу.

— Вся твоя плата уйдет на компенсацию моего ущерба. Этого вряд ли хватит. Но я не подам на тебя в суд, чем сберегу своё время.

Расим облегченно выдохнул.

— Кроме того, — Ламуш зевнул. — чужак, ты предстанешь перед Каганом и признаешься в своем преступлении. Никто не смеет лгать моему господину.

Конрад чуть не улыбнулся.

«Удача?»

— Как вы пожелаете. Я живу в трактире «Крыло стрижа.»

— Подожди, это не всё. Скажи ещё, как мне исправить то, что ты узнал при нашей первой встрече.

Конрад смотрел на оплывшего жиром мужчину, на красавиц, которые стояли по обе стороны от него, и понимал насколько грустно сидеть на пиру с зашитым ртом.

— Начните ходить самостоятельно.

Ламуш хмыкнул.

— А затем?

— Бегать самостоятельно. Возможно, биться на копьях.

Ламуш перестал улыбаться и сжал кинжал.

— Ты решил посмеяться надо мной? Меня поили сотнями лекарств, а ты говоришь, мне надо просто ходить?

— Самостоятельно. — поправил Конрад. — И бегать.

— Пф. Бред. — фыркнул Ламуш. — Это слишком просто. Мне уже предлагали это, но я выгнал тех глупцов.

Конрад развел руками.

— Тогда я ничем не смогу вам помочь.

Ламуш щелкнул пальцами, и девушки подхватили его под руки.

— Если Каган меня спросит, что с тобой сделать, я отвечу, чтобы он выбросил тебя в пустыню без воды, но с мешком сухарей.

Затем кивнул спутницам, и они увели его прочь.

Расим подождал, когда Ламуш исчезнет в дверях, встал напротив Конрада и наклонился.

— Если бы я знал, что у вас с ним вражда, я бы тебя никогда не привел.

— Если бы я знал, кто твой заказчик, я бы и не подумал приходить.

Они посмотрели друг на друга еще какое-то время, и Расим успокоился. Вдохнул и

почесал в затылке.

— Всё-таки жаль, что он мне не заплатит.

Конрад поднял брови.

— Ты всегда недоволен своими желаниями?

***

Конрад вошел в тронный зал. В этот раз он казался не таким большим. То ли потому что это был уже второй раз, то ли потому что он знал его размеры и видел чертежи, то ли потому что на троне никого не было, как и среди посетителей. Несколько гвардейцев, парочка слуг ждали у дверей, Ламуш, его сопровождающие девушки, Расим, да и сам Конрад.

Не успели они дойти до середины зала, как открылась боковая дверь, и вошел Каган. Он вытирал руки о полотенце и еще что-то жевал.

— Я не хотел отвлечь вас от трапезы, господин. — сказал Ламуш.

Каган отмахнулся.

— Еда приходит на помощь, когда скучно. О, а зачем ты привел лекаря?

Конрад услышал, как Расим цокнул.

— Чтобы он извинился перед вами.

Каган вскинул брови, затем нахмурился, повернулся к трону, который стоял на десяти ступенях и, Конрад мог поклясться, выругался.

Теперь Кагана можно было рассмотреть. Среднего роста, упитанный, но все же он двигался бодро, будто он один из немногих, кому жир на боках не в тягость.

— Что ж, тогда я предпочту посмотреть тебе в глаза. — сказал Каган и подошел к Ламушу, улыбнулся девушкам. — чем он провинился, дядя?

«Дядя?!» — подумал Конрад и сглотнул. Узнай он это раньше, то всё могло бы быть иначе. Но Ламуш никак не показывал этого, не говорил, что он вторая ветвь наследования.

— Он вам солгал.

Каган вздохнул.

— Прошу, полнее. Это было давно, и он много чего говорил.

Конрад склонился.

— Господин, ту речь, те слова, что я держал перед, вами были отчасти ложь. Но целью моей было не нажать себе врага, дабы он не стал вашим.

Каган не сдержал раздраженно вдоха. И Конрад перешел к делу.

— Ваш дядя не способен сейчас зачать ребенка. Слова о его мужской силе — ложь.

Каган несколько секунд смотрел ему в глаза. Затем он открыл рот, закрыл и втянул воздух сквозь зубы.

— И вот ради этого вы пришли? Ради этого отвлекли меня? Дядя, ты серьезно посчитал, что это было для меня секретом, и я не знал? О, Тени. Если вы здесь только за этим, то можете идти. Я прощаю вас за это преступление.

— А еще он стал помощником архитектора. — добавил Ламуш.

— От этого храм быстрее построится?

В разговор вступил Расим.

— Не думаю, планируется задержка, но это поправимо. Мой помощник — Конрад оказывает мне неоценимую услугу. Благодаря ему храм Тени будет высок как сама тень в свете заходящего солнца.

Каган, развернулся и пошел к трону.

— Дядя, ты им хотя бы рассказал, что это за храм?

— План готов, зачем их посвящать в лишнее. Каждое сказанное слово — своровано у дела.

Правитель отмахнулся.

— Брось. Пусть знают. Может, они и смогут чем-то подсказать. Архитектор, что тебе известно?

Расим смутился, опустил взгляд, будто на полу можно было найти верный ответ.

— Мне сказали только, что нужно спроектировать храм. Большой главный зал, библиотеку, несколько кабинетов. Еще чтобы в него было приятно входить и легко найти.

Каган улыбнулся, будто его забавила растерянность Расима.

— Это будет храм будущего!

Он сказал это таким торжественным тоном, что дальше должны были следовать аплодисменты, трубы, крики толпы, но присутствующие лишь с недоумением взирали на него. Кроме Ламуша.

— Я решил, с подачи идеи от некоторых моих советников, что проблема бездомных настолько велика, что скоро они сожрут всех крыс. Тогда я подумал, нет, вспомнил, как отец пригонял ко мне учителей, которые, ох уж и бедные люди, пытались учить меня. Занятие скучное и недостойное властителя. Но я все же задался вопросом: а сможет ли учение изменить людей? Вытащить их из переулков, заставит ли действовать? Пойти к кузнецу или плотнику или в караванчики. А, может, в капитаны. Харийские мореходы. Это было бы прекрасно.

— Господин решил учить чернь. — объяснил Ламуш.

И в этот миг сердце у Конрада екнуло.

«Этот человек, которого ненавидят разные люди, которого обвиняют в глупости и любвеобильности решил открыть школу?»

— Вы хотите сгонять в один храм людей и учить их там? — спросил он.

Каган улыбнулся.

— Именно. Найдем учителей и поставим туда как... священнослужителей.

Конрад вспомнил кучи людей, что ютились по подворотням.

— Боюсь, одного его не хватит.

Ответил Ламуш.

— Господин знает об этом и потому решил попробовать сначала в малых масштабах. Если люди изменятся, мы начнем строительство по старым чертежам в разных частях столицы.

— Но людям всё равно нечего есть. — Засомневался Конрад. — они вряд ли примут это.

Каган улыбнулся еще шире. И только сейчас Конрад заметил, что он молод. Ему нет и тридцати. Хотя все разговоры о нем велись, как о старом развратнике.

— Дядя?

— Лучшие ученики смогут питаться и даже жить на территории храмов. Так же им выдадут хорошую одежду, чтобы они могли не смущать никого своим оголенным телом. Мы решили заботиться о тех, у кого получается, чтобы вызвать в рвение других — тех, кто хочет изменить свою жизнь, а с тем и будущее Харийских земель. — Он облизнул губы и добавил. — Я всё верно сказал, господин?

— Именно. Дворцового лекаря я отправлю обучать в те дни, когда его помощь не нужна. Дворцовый кузнец, плотник... Ладно, не сам мастер, а подмастерья будут искать других увлеченных этим ремеслом. И из грязи мы достанем изумруды, с помощью которых

превратим всё в оазис.

«Наивный дурак.» — подумал Конрад и улыбнулся. — «Но он пытается улучшить жизнь не только себя, но и других, даже тех, кого не видит. В отличие от...»

Он еще раз посмотрел на веселящегося Кагана, который мнил себя сейчас чуть ли не божеством.

«Даже если так. Главное, чтобы он продолжил...»

И осекся. Как он сможет продолжить, если его через полгода убьют? Или только благодаря такому отцу избранный и возвеличится? Тогда стоит убить их обоих, но этот ход со школами. Он ведь правда достойный поступок. Долгосрочный, сомнительный, дорогой, но достойный, который может дать великие результаты. Если не при жизни следующего сына, то при внуках. В то время, как заговорщики планируют просто избавиться от людей.

— Лекарь, у тебя снова приступ? — донесся голос Кагана.

Конрад вздрогнул и мотнул головой.

— Нет, господин, я восторгаюсь вашими планами. Они показывают, насколько далеко вы смотрите. И я несказанно рад, что своим трудом прикладываю силы, чтобы воплотить это в жизнь.

— Но вид у тебя, будто ты напуган.

Конрад сглотнул, посмотрел на Кагана, Ламуша, Расима, и склонился.

— Все верно. Я никогда не был уверен в себе и в этот самый миг, мне страшно и радостно, что я прикасаюсь к такому. И спрашиваю себя: смогу ли я?

Каган указал на Архитектора.

— От него так много требуется в этом строительстве?

Тот покачал головой.

— Нет. Чертежи сделаны. Он лишь смотрит, что всё на своих местах, господин. Не знаю, почему он так разволновался, но сейчас от меня требуется только наблюдать за стройкой, чтобы ленивые рабочие не творили, что им вздумается. И Конрад тоже занимается этим. Это как быть умной собакой, которая умеет читать чертежи.

— Тогда не волнуйся, Чужеходец. Если уж собака сможет выполнить эту работу, то человек, если он с чистыми помыслами и рабочей головой, точно справится.

Конрад сжал зубы от досады и кивнул.

— Как скажете.

Каган посмотрел на присутствующих со снисхождением.

— У вас еще будут вопросы, или я могу пойти и дальше заниматься... — Он покосился на боковую дверь. — делами каганата?

Ламуш выступил вперед и поклонился.

— На этом всё, мой господин. Да пусть следы твои пребывают в тени.

— Именно так. — Ответил Каган и поспешил обратно к боковым дверям.

Конрад по команде пошел к выходу, но обернулся и заметил, как Каган развязывает шнуровку на штанах, переступая порог.

«Какая разница, если он делает правильные вещи? Какая разница, если мне надо убить его сына? Какая вообще мне разница?»

Конрад снова засомневался в собственной миссии. Не потому что было страшно, не потому что устал от крови и больше не хотел никого убивать. А потому что он сейчас мог прервать процесс, который бы сделал людей лучше. Не добрее, милосерднее, но лучше. У большинства из них появился бы шанс. Рождение в канаве не означало бы бесповоротное

прозябание в нищете или становление бандитом. Нет. Именно этот Каган — сластолюбец и легкомысленный, самовлюбленный и ленивый, именно он мог сделать верный шаг для всей страны. Пусть даже это не он придумал, а ему посоветовали.

— Понимаю твои сомнения. — заговорил Ламуш, когда они вышли из дворца. — Я, конечно, удивлен, что такой как ты сразу принял идею Кагана. Мы слишком долго с ним спорили, но этот его каприз стал навязчивой идеей. Боюсь, что такими темпами умение читать и писать перестанет быть уделом дворян.

— Но этот замысел вселяет в меня надежду.

Ламуш подошел к паланкину. Девушки помогли ему взобраться. Он сел, выдохнул. Потёк с него, а на расшитом халате в районе подмышек уже появились темные пятна.

— Это просто баловство. — Сказал он. — но это воля господина и я прослежу, чтобы она была исполнена. И вы оба должны это запомнить.

Он дал знак, и его унесли.

Расим и Конрад подождали немного и отправились следом.

— Значит это храм для обучения. — задумчиво сказал Расим и забрюзжал. — Почему мне не могли сказать сразу? Как они думают учить женщин и мужчин вместе? Или надеются, что малые дети будут такими же сообразительными как подростки, а что останется старикам или кто уже оброс бородой или детьми? Что за подход к работе?

Расим возмущался вплоть до самой стройки. За это время он выдал не меньше десяти идей, как можно было бы улучшить, но что поздно исправлять. И как только они пришли, весь контроль скинул на Конрада, а сам ушел в кабинет.

Через неделю он показал Конраду набросок нового здания. Со множеством комнат, коридорами, спальными местами, столовой, а так же с комнатой для увеселений.

— Если всё получится, как хочет наш Каган, то я подсуну ему этот чертеж.

Конрад улыбнулся. Потому что в этом чертеже присутствовала жизнь, хулиганство, желание творить. Возможно, Расим был не таким задеревеневшим, как казалось ему самому.

«Ему просто нужна цель.» — подумал Конрад. — «Как и мне.»

От последних слов он тут же помрачнел.

Время шло, а встречи с заговорщиками не давали результатов. Были какие-то обсуждения насчет рабства, разделения общества на полезных и нет, но Конрад в этом не участвовал. И так было слишком много людей со своим мнением. Ему не терпелось поскорее закончить с храмом, затем разобраться с избранным и отправиться к следующей цели. Через степи, леса, деревни и города, которые менялись, и которые всё сложнее было узнавать со временем.

Он вспоминал о сёлах, что превращались в столицы, о городах, от которых спустя десятилетия не оставалось и следа. И даже брусчатка исчезала под слоем земли. А еще о людях, что встречали его, кто давал ему кров, пищу, новые идеи и размышления. Ремесленники, торговцы, крестьяне, воины, все они сплетались в узор на карте тех земель, где Конрад побывал. Сколько их еще будет? С кем ему удастся подружиться?

— Чужак! Нам одного Сайдуна хватает. Перестань спать.

Конрад оторвался от мыслей и посмотрел на Халу. Она как будто постарела за это время. Мешки под глазами от недосыпа, мимические страдальческие морщины, кожа перестала выглядеть такой же бархатной, как при их прошлых встречах. Правда, сейчас она гораздо больше подходила внешностью для группы заговорщиков. Еще бы вместо шелков добавить шерсти и ремней с ножами.

— Мы как раз говорим о плане. Посмотри.

Она указала на чертежи дворца, что лежали один на другом. Аккуратные линии, цифры, даже заметки у края страниц как это делал Зальдур. Несколько месяцев работы стоили того.

Хала провела пальцем от входа до тронного зала.

— Есть несколько переходов в спальню Кагана. Из тронного зала, из дома советников, или из черного входа.

— Мы можем пройти по нему и просто удушить его. — предложил кто-то. — Затем с отрядом пойти по дворцу, вычищая сопротивление.

— Не можете. — сказала Нарайя. — Черный ход завален.

Тот же человек не сдавался.

— Мы можем разобрать его и пойти. Это будет еще более неожиданно.

Нарайя вдохнула и сложила пальцы.

— Мне уже доложили, что выход из этого лаза забетонирован.

— Разобьем.

— Сколько это по времени?

Все задумались, но их размышления прервала Хала.

— Сколько бы не было. Любое промедление — это для Кагана шанс сбежать. Тем более, если мы не поддержим эту группу и не отрежем путь побега. А ему есть куда убежать. Посмотрите. Тут куча всяких туннелей и проходов, как только он выйдет из своего коридора. Нам придется его ловить как крысу.

— Ды он все равно запаникует, как только начнется пожар.

Хала оскалилась, отчего её шрам стал поистине зловещим.

— Именно. Для этого нам и нужен пожар. Конрад, смотри. — Она взяла другой лист и положила поверх чертежа. — к каганской спальне можно подойти с разных путей.

— Ты говорила.

Она посмотрела на него исподлобья и продолжила.

— Надо отсечь как минимум часть из них. Первое — здание стражи. Это соберет всех олухов, которые там есть. Спасать своё барахло или командира или еще что. Дальше. Нам нужно поджечь дом советников.

— Я против. — сказала старуха. — там много важных документов. Договора, расписки, информация по разным людям. Тем более там несколько произведений искусства.

Хала выпрямилась и уперла руки в бока.

— Предлагай.

Старуха всмотрелась в чертежи, и что-то заворчала. Затем добавила громче.

— Я не разбираюсь в этих ваших треугольниках, квадратах.

— Тогда не мешай планировать. — гаркнула Хала.

Наступила тишина. Старуха съежилась, и капюшон съехал с её головы, открывая седые волосы, застегнутые заколкой с семью драгоценными камнями разного цвета.

Хала моргнула, посмотрел по сторонам, смягчилась.

— Прошу прощения, госпожа. Я три дня размышляла над этими бумагами. И понимаю ваши переживания. Нарайа, твои писцы смогут скопировать документы из министерских хранилищ.

Нарайа подняла одну бровь.

— Всех. Документов?

Хала покачала головой.

— Действительно. — затем обратилась к старухе. — Как бы то ни было, все сохранить мы не можем. Произведения искусства можете попробовать выменять, уговорить советников отдать их вам на реставрацию и предложите взамен копии или хоть что-то. Это у вас получится?

Старуха вновь натянула капюшон и кивнула.

— Наверное.

— По документам. Хм. Проклятье. Почему мы не можем это сжечь и просто заново всё написать?

— Там договоренности о землях. — ответила старуха. — знать, даже если они поддержат вас, не захотят отдавать свои земли кому бы то ни было. И постараются отхватить их от соседей.

Один из мужчин откашлялся.

— Я могу запросить подтвержденные копии. Скажу, что хочу написать книгу об истории изменения юридического права по землевладению. Но для этого нужны обширные материалы. К тому же, для этого понадобятся книги по бракоразводным процессам, чтобы наблюдать, как взаимоотношения влияют на...

— То есть берешь это на себя? — остановила его Хала.

Мужчина выпятил грудь, явно уязвленный, что не дали показать свой опыт в вопросе, но кивнул.

Хала продолжала.

— Всех документов?

— Будет подозрительно. — заметила Нарайа.

Хала скрипнула зубами и прорычала.

— Солнце! — сказала тому мужчине. — Забирай, что сможешь, пусть сохранится в копиях. Остальное... будем надеяться, что хранилище хорошо защищено от огня. А вы, —

Хала обратилась к старухе, — Подготовьте для него список с разделами...

— Картотеками.

Хала прикрыла лицо ладонью.

— Проклятье, да вы лучше меня знаете название. Плевать. Подготовьте список. — Она протянула руку к Йораму, тот намочил платок и передал ей. Хала вытерла лицо. — Возвращаясь к пожару. Конрад. Просто слушай, ладно? Я сейчас расскажу, мы все разойдемся, поспим нормально, затем встретимся веселые, радостные, готовые перегрызть глотку Кагану и обсудим. Ладно?

Последнее слово она впечатала словно генерал, недовольный офицерами.

— Придется поджечь еще несколько зданий. Вот здесь — гвардейские казармы. Пусть выбегают оттуда в чем мать родила. Это ослабит сопротивление. Сожги еще гребаный сад. Последнее что я хочу, чтобы мы бегали там за кем то.

— Там же. — попыталась встрять старух.

— Просто деревья. Если нужны — привезем еще. У нас будет казна! Вся сокровищница. Просто забудьте об этих мелочах. Нам нужно свергнуть Кагана и выжить сами! Хватит уже пытаться сохранить всякий сентиментальный мусор. Этот сад — просто сад. На его пепле мы вырастим новый. — Хала охрипла, но продолжала говорить и чеканить слова. — Так. Я что-нибудь забыла?

— Прачечную. — ответила Нарайа.

Хала посмотрела на чертежи, перебрала их и с недоумением посмотрела на женщину.

— С ней то что?

— Через неё водят девчонок к Кагану. — ответил Сайдун.

Нарайа кивком поблагодарила его.

Хала выдохнула.

— И прачечную.

Конрад рассмотрел отмеченные точки, посмотрел в глаза Хале, но смолчал. Она поняла всё без слов.

— Давай уже, говори. Тебе же есть что сказать? Что тебе не нравится?

— Мне придется сделать круг по всему дворцу. Сколько на это уйдет времени? Пока я добегу от первой точки до последней, вы успеете трижды убить Кагана.

Все посмотрели на чертежи, прикинули расстояние, Хала упала на стул в бессилии.

— В пустыню всё. Я больше не могу. Дальнейшее обсудим в следующий раз.

— Многие забудут. — сказала Нарайа.

— Остальные напомнят. — закрыв глаза рукой ответила Хала. — Прости, дорогая, если я продолжу... Даже думать не хочу.

Заговорщики выходили маленькими группами. А Конрад ждал своей очереди. Ему некуда было спешить, тем более он старался занять место подальше от Халы. Особенно в такие моменты.

— Чужак, — сказала она едва слышно, когда остальные гости вышли. — Остайся. — перевела взгляд на Йорама, затем на второго мужа — Унгала. — вы свободны. Отдыхайте.

— Мы подождем.

Хала опустила руки на стол.

— Ваше время придет. Отдыхайте.

Мужчины сжали челюсти и вышли, бросив на Конрада подозрительный взгляд.

— Ты им до сих пор не нравишься. Никогда бы не подумала, что они будут ревновать меня к такому скучному человеку.

— Или думают, что я убью тебя.

— О, это было бы великое одолжение. — Она выдохнула и откинулась на стуле. — с каждой неделей я всё больше надеюсь, что нас раскусят и меня прямо здесь зарежут. Немного боли, но зато скольких мучений я избегу. Важные документы, прачечная, произведения искусства. Что за мелочность?

Хала покачала головой, безмолвные ругательства соскользнули с её губ, и она вдохнула, расправила плечи, приободрилась.

— Ладно, остались, все, кто нам нужен.

Она замолчала, и снова взялась за чертежи. Но её руки тряслись, несколько раз роняли уже поднятые листы. В бессилии она отбросила бумаги и опустила голову на руки.

— Ты сейчас скажешь, что мне лучше пойти отдыхать, поспать? Или хотя бы лечь на подушках?

Он молчал. Ему приходилось видеть загнанных людей, подобных Хале, которые работали, работали и не воспринимали никаких советов, кроме тех, которые рождал их воспаленный от недосыпа и утомления разум.

— Да, это было бы верным решением, — продолжала Хала, как если бы Конрад подтвердил её догадку, — Но надо разрабатывать план. Не спеша. Но чтобы все знали что делать.

— Я не буду поджигать дом советников.

Хала подняла ошалевшее лицо. В нем читались и страдание, и ненависть. Но Конрад объяснил.

— Пока я буду бегать, меня заметят и схватят. Лучше, если я подожгу казармы и несколько близлежащих зданий. Большой пожар привлечет больше людей и его сложнее будет потушить. Тем более, если это не спровоцирует панику с самого начала, то гвардейцы и другие не подумают, что это нападение. А два очага возгорания — уже сигнал для них. Я хочу выполнить свою часть уговора, а после этого наши пути разойдутся.

С каждым его словом Хала успокаивалась и внимательнее смотрела на собеседника. Она улыбнулась одними губами.

— А я то думала, ты станешь еще одним моим мужем, чтобы те двое не расслаблялись. Хотя нет. Любовником, который готов ради меня подставить шею.

Конрад нахмурился.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Подставить шею? Залезть в логово скорпионов, уйти в пустыню в одиночку, бросить вызов шторму? Выбери что лучше.

— Я про любовника. — Ответил Конрад, и посмотрел в дверной проем, куда ушли мужа Халы. Там он встретился со злобным взглядом Йорама.

Но Хала этого не виделаю

— Любовник, друг, сообщник. Называй как хочешь. Но вопрос остается тем же. Как тебе пробраться во дворец? У меня была идея, чтобы втянуть тебя вместе с какой-нибудь группой людей. Акробаты, повара, торговцы, носильщики. Но тут случилась одна неловкость. Ты слишком тесно стал общаться с придворными.

Конрад сразу понял о ком речь, и не стал юлить.

— С Ламушем я разговаривал только два раза.

— У этого ублюдка достаточная память, чтобы тебя запомнить и с одного. И он проверять будет, чуть ли не каждого на входе.

Конрад приподнял бровь, еще раз глянул за спину Халы, но больше никто не выглядывал.

— В прошлый раз он стоял среди толпы вместе со своими девушками.

Хала сложила пальцы домиком.

— Потому что всё уже было готово. По нему не скажешь, но ради племянника он готов практически на всё.

— Даже стоять как рядовой стражник?

— Когда у тебя под боком две красавицы, то в чем проблема?

Конрад задумался. В голову тут же пришла самая явная мысль.

— Я могу уговорить архитектора, чтобы он взял меня на празднование, если его пригласят.

— Хорошая мысль. — сказала Хала. — Но есть одна особенность. Тебя досмотрят, а все, что не понравится, выкинут или отдадут на осмотр Ламушу. Так ты не сможешь спрятать бутылки с маслом.

— Но их спрятать можете вы. Где-то на территории дворца. Бочки, ящики, в куче старого белья.

Хала склонила голову на бок. Её взгляд бесцельно блуждал по планам дворца, будто она могла через бумагу поместить бутылки в нужное место.

— Рискованно. Их могут найти. Более того, их точно найдут.

— Перед праздником всегда идут приготовления. Разве не будет того же и здесь? Бесчисленное количество народа, бутылок с вином, корзин с фруктами. Подкупить слугу, дать обещание, да что угодно, чтобы оставить там всего несколько бутылочек? Если мы это не можем, тогда зачем вообще пытаться? Неужели кому-то будет дело до какого-то ящика или бочки?

Хала подняла на него невеселый взгляд.

— В том то и суть. Коридоры дворца и окрестности постоянно проверяют, убирают всё лишнее. Каган даже не может оставить коробку с нюхательной пылью, как её тут же унесут, вычистят. Потому что у него есть недоброжелатели. Тебе придется всё взять с собой.

— Хорошо. Крюк-кошка и через стену.

Хала покачала головой.

— Уже предлагали. Патрули.

— Канализация?

— Решетки.

— В брюхе деревянной лошадки?

— Приготовься, что тебя проткнут. Но идея нравится. От неё отдает чем-то классическим. Можно было бы запихать тебя в игрушечную, но придется делать это по частям. Думаю, ты не будешь в восторге.

— Попросить кого-то другого пронести?

— Я же сказала, досмотрят. Хотя подожди. Обратиться к тому, у кого присутствие этих бутылок не вызовет подозрений? Допустим, есть человек, который может заранее договориться о включении всего нужного в список и по прибытии туда, ты просто подойдешь к нему, заберешь свое оружие и начнешь осуществлять план. Так звучит убедительнее.

Конрад медленно выдохнул. Оставался вопрос: где найти такого человека? Судя по всему, ни один из заговорщиков не подходит на эту роль. Иначе Хала уже договорилась бы с ним или предложила кандидатуру. Да и кто может спокойно пронести во дворец что угодно? Стражник? Слуга? Один из советников Кагана? Слишком рискованно.

Он прокрутил в голове фразу Халы с самого начала. И нашел подсказку «Список». Посмотрел ей в глаза. Специально ли она сказала это? Пыталась ли подвести к какой-то догадке или это была случайность?

Но Хала выглядела задумчивой, как будто и сама не знала, кто может им сейчас помочь.

В памяти Конрада всплыли первые дни в столице. Рыночная площадь, толпа, финики.

— Помню одного торгаша. — Начал он. — У него огромная палатка, которую стражники охраняют. Думаю, если на него надавить или дать взятку.

Хала сощурилась, постучала ногтями по столу, поджала губы.

— Понимаю о ком ты, но есть сложности. Если надавишь, то как только отвернешься, он уже будет рассказывать все покровителям. Взятку не возьмет. У него денег столько, что ему выгоднее оставлять, как есть. Это стражники сидят на его подачках.

— Поэтому и отпугивают покупателей у других торговцев.

— Именно. На него многие жалуются, но его защищает стена из золота и серебра.

Конрад задумался. Прикинул самодовольное лицо этого человека, как он указывает всем что делать, как хохочет, угощает случайного покупателя. Вспомнил и его стражников, что стоят под зноем и отгоняют воришек или тех, кто просто смотрит.

— А чем он больше всего дорожит?

Хала удивилась вопросу и привычно отмахнулась.

— Жизнью, богатством. — Но тут она задумалась. — хотя... Хочешь проследить?

Конрад кивнул.

— Но у меня нет верных мужей и людей в подчинении.

Хала откинулась на стуле, склонила голову на бок и начала выводить ногтем на столе узоры.

— И я должна делать всё за тебя?

— Я подал идею.

— Идеи ничего не стоят.

— Пока не попадут к тем, кто может их реализовать.

Хала улыбнулась.

— Так уж и быть. Мне ведь и самой стало любопытно, зачем этому борову столько денег, если он не тратит их на девиц. — Она посмотрела куда-то в пустоту и проговорила по слогам. — А он не тратит. Вот уж любопытственно.

Конрад почувствовал, что он еще пожалеет об этом, но сейчас хвататься надо за любой шанс.

— Надеюсь на тебя. — Сказал Конрад. — с таким союзником как он...

— Инструментом. — поправила Хала, наклонилась вперед и заглянула ему в глаза.

Проклятье. Чем больше он смотрел на неё, тем больше понимал, что шрам это всего лишь полоска изуродованной кожи. Перед ним уставшая, измотанная, но очень красивая женщина. Очень желанная женщина. Кабы не её мужья, власть... Ха! Странно, если бы этого у неё не было. Странно было бы не желать её, или хотеть, чтобы она лишилась всего.

Конрад с трудом отвел взгляд.

— Главное его не сломать.

— Это будет уже второй шаг. — сказала Хала и улыбнулась так, что Конраду стало страшно.

Тогда он вытащил чертеж из середины стопки.

— Насчёт моих планов. Мне нужно попасть в южную башню. Там и живет человек, которого я должен убить.

Он лгал. Да, его цель была в одной из башен дворца, но если открыть настоящую цель, то Хала найдет как этим воспользоваться.

Она приподняла брови и откинулась назад, разочарованно выдохнув.

— Звездочет? Чем тебе этот шарлатан насолил.

— Насчитал на одну звезду больше.

Хала изучала лицо Конрада, а он её.

Она прервала молчание.

— Ладно, если хочешь закончить мучения старика, то пусть будет так. — Хала сцепила пальцы и потянулась вверх. Тонкая, стройная. — Для тебя же не будет открытием, если я скажу, что слежу за тобой?

— Еще и за каждым, кто приходит сюда. Да и они, возможно, следят друг за другом.

Хала улыбнулась.

— Да, доверие в нашем деле — самая дорогая вещь, а потому, как и золото, надо постоянно проверять. А потому я последние дни задаюсь вопросом, как вышло, что ты встретился с Ламушем?

Конрад встал с места, отошел к стене и привалился к ней спиной. Так было легче не смотреть на неё.

— Ты ведь следишь за мной.

— У меня уже нет сил думать. — Сдалась Хала. — Ты скажи, да хоть соври, я поверю.

— Разве?

Она тихо засмеялась.

— Конечно нет. Но ты сам упомянул архитектора. Его ведь Расимом зовут? К тому же тобой недовольны рабочие. Поэтому старайся не ходить после захода солнца в одиночку.

— Тогда попрошу твоих мужей меня сопроводить до трактира.

Хала засмеялась громче.

— Обязательно дам их тебе, когда захочу сломать твою шею. Им не нравятся чужаки, не нравятся те, кто мне угрожает, а еще не нравятся люди, покалечившие их товарищей. Ты объединил всё. И это даже забавно. — Она стала серьезней. — но у нас с тобой одна и та же цель, Конрад.

— Нет. — Ответил он. — У меня звездочет, у тебя Каган.

Веселье Халы улетучилось, а Конрад продолжал.

— Мы всего лишь помогаем достичь наших целей друг другу. Я не надеюсь, что у Нарайи или у кого-то еще точно такие же интересы, как у тебя или у меня. Более того, я уверен, что ваши цели отличаются от моей, иначе я бы это уже узнал.

Хала слушала, не шевелясь. А он смотрел на неё, и все больше появлялось ощущение, что она как изломанный гранит, обладает кучей граней с самой разной текстурой.

— Я, бывает, забываю об этом. — Проговорила Хала задумчиво, глядя куда-то в сторону. — Да, я забываю. — Посмотрела на Конрада, теперь в ней не было усталости. — Спасибо, что напомнил. Надеюсь, ты и дальше будешь со мной честным.

Конрад спиной оттолкнулся от стены.

— К чему это? Ты ведь следишь за мной.

Хала грустно улыбнулась, а он отправился на выход.

Размышляя о конфликтах, которые нарастают среди заговорщиков, о различных взглядах на те или иные вещи, Конрад шел по улицам, пытаясь осознать в какой из точек, из моментов ему будет наиболее безопасно. Конечно, безопаснее всего не вмешиваться, да и вообще забыть про свою миссию, но тогда придется жить с осознанием, что реки крови, которые прольются из-за избранных, будут также и на его совести. Он не остановил их, хотя знал. Ах, если бы он мог просто отдавать приказы, говорить кому и что делать, чтобы не видеть, не слышать, не чувствовать. Это было бы в разы легче. И все эти переживания касались бы кого-нибудь другого, а он со временем бы позабыл и лишь отмечал появившиеся и пропавшие звезды.

В очередной раз дорога привела его к стройке храма. То ли слишком маленькой оказалась столица, то ли его постоянно сюда тянуло, как к месту забвения тоски, то ли он просто замечал его в отличие от других мест. Как бы то ни было, в ночи можно пройтись по лесам, проверить качество швов между кирпичами.

«Ночь — лучшее время для работы.» — Как когда-то говорил один его знакомый писарь.

Он остановился, чтобы рассмотреть, как изменился храм после его возвращения. Тщеславие играло внутри него, но он и не сопротивлялся. Страшно было подумать, что бы случилось, останься Расим в запое. Стены стали ниже, но из них исчезли перекося, грязные кирпичи, кривые швы, осколки в углах вместо нормальных кирпичей. Если продолжать в таком духе, то все получится и без участия его или архитектора, лишь бы контролировали рабочих. Хотя для этого можно было нанять совсем другого человека.

Но тут он нахмурился. Что-то здесь было не так. За время, которое он простоял, охранник так ни разу и не появился. Конечно, есть вероятность, что он заснул, но до этого никогда такого не случалось. Ни огней, ни каких других свидетельств того, что хоть кто-то бодрствует.

«Позвать стражников?» — подумал Конрад, но решил, что это подождет.

Если что-то случилось, и он может это поправить — он сделает, а нет, так позовет стражну. Никаких проблем.

Он вошел на стройку, аккуратно шагая между осколков камней, брошенных инструментов, лавок. В том коридоре, который вел к кабинету Расима, слабо мерцал свет. Это было настолько слабое свечение, что если бы оно в какой-то момент не прерывалось, Конрад бы и не заметил его.

Когда он подошел поближе, то услышал удар, скрип стула по полу, и сдавленный крик.

Конрад сглотнул, помедлил. Он мог бы сейчас просто уйти и наплевать, чтобы там ни происходило. Если он поучаствует, то это поставит его миссию под угрозу. В случае чего совет, что спал в трактире, был в другом месте...

Но долго ли ему придется ходить с чувством вины? Год, два, десять лет, сорок, сто, всю жизнь? Одной виной больше, одной виной меньше. Для других оправдание хоть какое-то есть. Наверное. Но для этого...

Он закрыл глаза, сжал зубы и пошел вперед.

В кабинете Расима были четверо кроме него самого. Один держал лампу, другой обхватил шею архитектора и прижимал его к стулу, третий нагревал на свече длинную иглу.

Четвертый просто стоял возле самого входа.

Расима привязали к стулу, в рот засунули кляп, пальцы его правой руки были вывернуты в разные стороны.

Конрад замер на мгновение. Его еще не заметили.

Троих он узнал — те самые, кто напал на него еще в переулке. Как их зовут? Плевать, не до этого. А четвертым был мальчишка. Тот самый, которому приходилось перекладывать за собой чуть ли не каждый кирпич.

Конрад ворвался в комнату, с ходу врезал парню локтем в челюсть. Раздался щелчок, который привлек внимание троицы. Их взгляды сопровождали обмякшее тело, а затем они уже смотрели на незваного гостя.

Мгновение и кинжал вошел одному в щеку, лезвие коснулось зубов, преодолело препятствие, затем Конрад рванул, разрывая рот человеку, держащему Расима.

Осколки зубов, вперемешку с каплями крови, посыпались на пол.

Вторым движением Конрад схватил спинку стула и опрокинул его. Архитектор что-то закричал, пытался удержаться, наклонился вперед, что и спасло его от удара затылком об пол.

Двое других вытащили оружие, только когда их друг уже валялся на полу и хватался за лицо.

К иронии судьбы, это оказался не тот, которому разрезал морду в прошлую встречу.

Конрад мог попытаться образумить их, предупредить, что он за одно с Халой, что если они навредят ему, то её планы придется корректировать. Он мог много что сказать, но успел бы? Послушали бы они его?

— Повезло. — Прохрипел тип, у которого на лице был шрам.

Увы, Конрад не согласился бы с этим.

Он отшагнул от этих двоих назад к кричащему, размахнулся ногой и ударил по затылку. Крики умолкли, но в этот самый миг те двое помчались на Конрада.

Вместо того, чтобы отступить, занять устойчивую позицию, он в последний миг бросился навстречу первому. Увернулся от ножа, вонзил свой кинжал в предплечье мерзавцу и рванул оружие по направлению к кисти.

Хрустнули кости, лопнули сухожилия, раздался крик, усиленный эхом.

Но в этот же миг, Конрада ощутил, как лезвие обожгло его ребра. Второй негодяй попал в него. С краю — лишь разрезал мышцы.

Боль еще не успела появиться, когда Конрад, опустил левый локоть на предплечье нападающего, прижал к себе и с разворота ударил по глазам.

Нож, словно карандаш в циркуле, очертил полосу на Конраде вплоть до середины груди, заскрежетал по ребрам, но так и не проник глубже.

— Глаза, мои глаза! — раздался вопль.

Конрад прихватил его за голову и ударил коленом в лицо.

Из четверых чужаков в сознании остался только один. Он как раз поднимал нож целой рукой.

Конрад не стал дожидаться, пока противник встанет, а потому схватил со стола пресс для бумаг и ударил тому в основание шеи, затем схватил за лицо и приложил об пол. Раздался хруст то ли плитки, то ли черепа, но вместе с этим наступила тишина.

Конрад вдохнул запах крови и разлитых чернил. Осмотрел происходящее, подошел к каждому из троицы и перерезал сухожилия на ногах. Затем приблизился к юноше.

Сделать то же самое и с ним? Проклятье. Парню от силы пятнадцать или шестнадцать лет. Просто дурак, который обиделся и решил отомстить.

Но тут он застонал, разлепил глаза, попытался встать, как ему на грудь опустилась нога.

— Лежать. — Прохрипел Конрад. — или даже кирпич станет для тебя неподъемным.

Юноша открыл рот, посмотрел на окровавленный кинжал Конрада и побледнел.

— Они меня...

Нога передвинулась с груди на шею. Объяснять значение жеста не пришлось, и парень умолк.

— Лежать. — Повторил Конрад.

Затем, не спуская взгляда с парня, подошел к Расиму и вытащил кляп.

Архитектор застонал.

— Мои пальцы, они.

Конрад перебил его.

— Ноги целы?

Но Расим будто и не слышал его.

— Пальцы. Они сломали...

Конрад отвесил слабую пощечину и переспросил.

— Ноги целы?

Архитектор сжал зубы и кивнул.

Конрад продолжил.

— Я сейчас развяжу тебе ноги и руки, и ты принесешь мне веревки. Как можно больше. Я свяжу их. Не бойся. Снаружи никого. Давай.

Конрад освободил Расима, и тот пошел к выходу. Вернулся он через минуту с мотком веревки в правой руке. Через несколько минут истекающие кровью бандиты были привязаны к трем ножкам стола. А юноша так и лежал на полу, боясь пошевелиться.

— Покажи пальцы. — Скомандовал Конрад архитектору.

Тот показал.

Это выглядело страшно, но поправимо. Да, пальцы были вывернуты в разные стороны, но больше никаких повреждений.

«Хотя бы молотком не работали.»

— Потерпи, сейчас будет больно.

— Что?

Не дожидаясь его реакции, Конрад один за другим вставил пальцы на место. Раздалось четыре щелчка. Расим вырывался, но безрезультатно. А когда всё кончилось, выхватил руку, упал в кровь и закричал.

— Что ты делаешь? Больно же. Солнце тебе туда, где оно никогда не светило! Конрад, за что...

— Чуть позже утихнет, придется потерпеть. — Ответил он сухо и подошел к юноше.

Сел рядом и упер нож в пол.

— Давай поговорим.

Парень закивал.

Конрад взял с пола один из чертежей и вытер нож, затем спросил.

— Как твоё имя?

— М-майзек.

— Эти люди искали меня?

— Т-того, с кем ты раб-ботаешь. — Сглотнул Майзек и добавил. — господин.

Как будто это слово что-то значило или могло хоть кого-то уберечь.

— И ты привел их к беззащитному архитектору. Ему сломали пальцы и чуть не выкололи глаз. Верно?

— Д-да.

Конрад положил чертёж на пол. Одной рукой разгладил его, а другой убрал кинжал в ножны.

— И что они хотели от него?

Но Майзек все же не сводил взгляда с рукояти оружия.

— С-спрашивали, где ты живешь.

Конрад хмыкнул.

— И он ответил.

Майзек закивал.

— Он повторял им, но они не верили.

— А ты слышал, где я живу?

Майзек сначала попытался помотать головой, будто не знал, но тут же спохватился.

— Да, господин. Я слышал, но не скажу никому. Пожалуйста, не надо...

Конрад криво улыбнулся, одной рукой развязал кошель и достал серебряную монету.

— Ты понимаешь, что архитектор больше не сможет работать? А ты оказался свидетелем. Я бы мог тебя отпустить, но помнишь, как ты смотрел на меня на стройке, как плохо работал и злился, когда я тебя поправлял?

Брови парня поползли вверх и он заплакал.

— Но я исправился. Я... я... мне больше не делали замечаний. Потом. Когда все перестали работать, я ушел в другое место. Я зарабатывал честно. Трудом.

Конрад обернулся на Расима, который баюкал руку и опирался на стену.

— Это правда? Что парнишка говорит?

— Чтоб я знал. Проклятье, как больно. Но когда мы всех разгоняли, его там не было. Может, правда. Ублюдки.

Расим пнул одного из бандитов по ребрам. Тот никак не отреагировал

— Послушай сюда, парень, хм. Майзек — начал Конрад после паузы. — у тебя есть шанс заработать одну серебряную и одну золотую монету, а еще сделать так, чтобы я забыл про тебя.

Расим тут же закричал.

— Ты что? Отпустить его хочешь? Этого душегуба? Да будь его воля, он мне череп проломил, он бы тебя в канаву скинул. У него ни души, ни тени!

Конрад слушал его, а когда тот замолк, чтобы перевести дыхание, обратился к Майзеку.

— Что ж, у нас расходятся мнения, парень. Один из нас хочет, чтобы ты понес наказание. Тем более, одна ножка стола еще свободна. — Конрад взял оставшуюся веревку и протянул её парню. — Или ты сейчас побежишь в чайхону, её место ты уже знаешь, и скажешь трактирщику, чтобы его госпожа. Он поймет, кого я имею ввиду, срочно примчалась сюда. С мужьями или без — мне всё равно. Но у неё времени полтора часа. После чего, ты вернешься сюда. За платой. Мне объяснять помедленнее?

— Н-нет, господин, я все понял. Чайхона. Чтобы госпожа пришла. У неё полтора часа. А затем вернуться.

— Отлично. — продолжил Конрад. — ты молодой, поэтому предупрежу, что о твоём

побеге я узнаю за полчаса. После чего пойду искать тебя, твоих близких, друзей если есть. И каждому я перережу сухожилия и оттащу на середину пустыни. Хочешь знать, как я это сделаю?

Майзек так побледнел, что казалось, он вот-вот потеряет сознание от ужаса.

— Н-нет, господин. Я не сбегу. Клянусь всеми тенями.

Конрад встал.

— И пусть трактирщик скажет своей госпоже, что это просьба Конрада.

— А если она спит? — спросил Майзек, вставая.

— Тогда у неё станет на трех людей меньше. И это только за эту ночь. — Конрад помолчал. — Бегом!

Парень сорвался с места, исчез в проходе и его шаги удалялись, пока совсем не стихли.

Расим смотрел на Конрада со смесью непонимания, гнева, страха. Он и сам был бы рад забиться в угол и сбежать, но, судя по его виду, боялся даже выйти в одиночку на улицу.

— Что ты удумал?

— Обезопасить себя и нас. Послушай, Расим. Тебе будет лучше уехать. Нас видели с тобой. Одна дама почему-то решила, что её людям можно больше, чем остальным, при этом не предупредила меня. И вот ты пострадал. Поэтому... — Конрад задумался. — Возьми е помощники этого мальчишку и сделай то, что до сих пор откладывал.

— Этот мерзавец привел их сюда. Он недомерок, бандит, душегуб...

— И готов обделаться со страха. У тебя есть хоть кто-то на примете, готовый тебя сопровождать?

— Нет. Я не собирался уезжать, пока что....

Конрад покачал головой и жестом заставил Расима замолчать.

— Зальдур тоже не собирался уезжать. Ему просто не повезло. Как и тебе.

Архитектор вытаращил глаза, нервно улыбнулся.

— В смысле, как и мне?

Конрад надул щеки, посмотрел на трех бандитов, что еще не пришли в себя. Взял товарища за локоть и вывел в коридор. Тот сначала сопротивлялся, но вскоре вышел.

— Я и есть Конрад.

Расим нахмурился, затем его брови поднялись, а челюсть отвисла.

— НЕ может...

— Поэтому послушай совета. Можешь остаться здесь и ждать, когда придет кто-то другой и прирежет тебя. Или отправься в другие земли, как ты и хотел, чтобы научиться новому. Еще возьми этого мальчишку. Он свидетель, да. Его в покое тоже не оставят. Но вроде как, он не дурак. К тому же напуган. А тебе нужен именно такой помощник, обязанный тебе жизнью. Считай, ты его спас. Смиловивился, когда я ему солгал и ждал, чтобы убить. Ты понял?

— Он меня бросит на первой же остановке.

Конрад пожал плечами.

— Вот и получится, что ты путешествуешь один. Максимум, он тебя обворует. Но ты архитектор, Расим, всё твое золото — в черепной коробке и пальцах. А, ну и да, обратись к настоящему лекарю утром же. Я перевяжу, и вроде бы нет ничего страшного, но пару недель тебе нужны будут чужие руки. Еще и парня обучишь.

— Мне это не нравится.

Конрад вздохнул, выглянул в темноту ночи, затем пошел обратно в комнату.

— Тогда придумай, что тебе понравится.

Бандит с разрезанным лицом уже начал приходить в себя. Он дернулся. Раздался скрип стола о пол.

Конрад сел напротив него.

Тот открыл глаза, попытался что-то сказать, но из-за разрезанных мышц челюстей, он просто что-то промычал. Но вот выражение его глаз говорило больше, чем он мог выразить какими бы то ни было словами.

Конрад смотрел на него без всяких эмоций. Спокойно, как если бы он был начерченной линией.

В голове промелькнула мысль взять его за нижнюю челюсть, притянуть себе, но Конрад тут же отменил её. Да, он попытался сохранить им жизнь. Сделал для этого всё, что мог, пусть они и не обрадуются этому. Но издеваться — лишнее. Хотя сухожилия были просто необходимостью, напоминанием, предупреждением о последствиях для других.

Майзек прибежал запыханным. Он остановился на границе света от лампы, уперся в колени ладонями и пытался отдышаться.

— Хоз-зьяин чай... чайхоны, он... в общем он сказал, что передаст. — Майзек сглотнул. — но не обещает, что госпожа придет.

Конрад кивнул, схватил его за шкурку, и швырнул в угол. Тот перекатился, и его глаза наполнились ужасом еще большим, чем раньше, особенно в миг, когда Конрад достал кинжал.

— Вы же обещали. Пожалуйста, я сделаю...

— Я и сам все могу сделать. — сказал Конрад и готов был скривиться от фальши в голосе. — но ты можешь рассказать кому-то по пьяне или протреться стражникам. Тебя найдут и выведуют все о сегодняшней ночи. Тут простой выбор: ты или я.

Конрад медленно приближался и всё ждал, когда же Расим его остановит.

«Да что же ты медлишь, осел?»

— А, может, не надо? — неуверенно сказал архитектор.

«Слава Богам.» — с облегчением подумал Конрад.

— В смысле? Он двадцать минут назад смотрел, как тебе ломают пальцы.

Расим покривился.

— Да, но... мне уже тут нечего делать. — он говорил по слогам, явно не веря в то, что произносит. — А помощник пригодится.

Конрад покосился на Майзека.

— Этот бездарь?

— Уж сумки он таскать сможет. — уже легче ответил Расим. — большего от него и не потребуется.

Конрад убрал кинжал.

— Что ж, если считаешь, что он тебе пригодится, то... — он перевел взгляд на Майзека. — А ты что думаешь? Готов спасти свою тень?

Майзек закивал.

— Да, но у меня родители, сестра...

— Чем поездка отличается от смерти? — спросил Конрад и тут же ответил. — Тем, что когда ты уезжаешь, есть надежда на возвращение. Расим, ты будешь ему платить?

— За то, что спас его? Еще чего. — замолчал на мгновение, задумался. — хотя если он будет мне помогать, то даже возьму его в подмастерья.

У Майзека отвисла челюсть.

— В подмастерья архитектора? — пролепетал он, не веря, но его взгляд тут же упал на Конрада. — Хорошо, хорошо, я согласен уехать.

Конрад хмыкнул.

— Тогда проваливай. И возвращайся к обеду со всеми вещами. Родным можешь сказать, что тебя взяли в ученики. Этого им хватит.

Достал из кошелька золотую монету. Подумал, добавил еще одну и бросил парню.

— За работу, и чтобы семья не голодала без тебя. А теперь прочь.

Повторять не пришлось. Майзек бросился на утек с места. Сначала на четвереньках, затем заплетаясь в собственных ногах, пока не исчез в коридоре, как и в прошлый раз.

Не успел парень уйти, как очнулся и другой бандит. Это стало ясно по его движениям. Глаза он, увы, раскрыть уже не мог.

Он пытался что-то говорить, но мешал кляп.

Конрад смерил его взглядом и тоже пошел к выходу.

— Посторожи их. Посмотри, чтобы никто не освободился. Если что, не жалей.

Расим кивнул, поставил на стол сумку для чертежей, а рядом с ней положил нож одного из мерзавцев.

Снаружи ночь казалась спокойной. Она всегда такой кажется, когда не раздаются лишних звуков или нет зарева от пожара. Хотя именно в такие моменты где-то кого-то душат, кто-то плачет в подушку, а кто-то молится о смерти, как об избавлении.

Конрад занял место в тени лесов недалеко от окна храма. В случае чего ему хотя бы удастся сбежать.

Через час пришли мужья Халы, но её не было.

— Где ваша жена? — спросил Конрад.

Мужчины остановились, взгляделись в тень, опустили факелы.

— Наша любовь устала и спит. Мы имеем право решать её проблемы. Особенно, когда их создают такие, как ты.

Конрад положил руку на кинжал.

— Стало быть, это она приказала напасть на моего друга, чтобы отомстить мне?

Унгал нахмурился.

— Ты о чем? Моя жена...

— Нет, это сделал я. — сказал Йорам

Конрад следил за обоими.

Унгал нахмурился, развернулся к Йораму и посмотрел на него, как будто не узнавал.

— Хала знает об этом?

— Это отребье покалечило наших людей, ведет себя будто дома, а наша жемчужина позволяет ему. Он смеет хамить ей. Хотя он безродное отродье, который не достоин...

— Чего? — спросил Унгал. — О ветра, что ты наделал. — Затем повернулся и спросил. — Где наши люди? Они мертвы?

Конрад покачал головой, вспомнил, что его не видно, вышел из тени и указал на проход.

— Они все сидят там. В комнате.

Мужья Халы порвались идти внутрь, но Конрад остановил их.

— Подождите. Сначала давайте обсудим, что произошло по вашей вине. Расим! Выйди!

Прошло несколько минут прежде, чем Архитектор появился. Он увидел двух здоровяков, бросил испуганный взгляд в поисках Конрада. Нашел его и чуть успокоился.

— Вы оба знаете его. — продолжил Конрад. — Должны знать. Вы напали на незащитного человека, сломали ему пальцы и чуть не выжгли глаз.

Унгал ссутулился и громко выдохнул.

— Мы не...

— Тогда он. — указал Конрад на Йорама. — он приказал, дал разрешение. Плевать. Отправил убийц, чтобы они поиздевались и убили моего друга.

— Это плата за то, что сделал с нашими людьми. — огрызнулся Йорам.

Конрад сплюнул.

— Тогда твои люди получили свою плату за то, что послушались тебя и не спросили разрешение у Халы. Когда вы уйдете с ними, я спрошу у неё, нужны ли ей эти люди до сих пор?

Мужчины напрягли шеи.

— Ты их искалечил?

Конрад облизнул пересохшие губы и проследил за Расимом, который подошел к боковой двери храма.

— А чтобы вы сделали с людьми, которые подставили под угрозу вашу жену? Ответите, когда я в следующий раз приду к вам. Или нет. Вы расскажете всё Хале, и она отправит посланника на эту стройку. И только так я буду общаться с ней, пока мы не найдем место, которое удовлетворит нас двоих. Потому что теперь я не верю ни вам, ни в то, что она может контролировать вас.

Унгал, достал оружие и пошел на Конрада.

Тут крикнул Расиму.

— Уходи и позови стражу.

Архитектор шагнул раз, другой, развернулся и уже побежал, как Йорам гаркнул.

— Стой. Чужак, останови его.

Конрад проверил, что мужья Халы стоят на месте.

— Расим, подожди.

Йорам молчал, и судя по лицу, явно было, что он думает, чтобы сказать.

— Послушай. Ты ведь с Халой заодно. Это было нужно, чтобы остаться в расчете. Никто никому не должен.

— Вы напали на меня в первый раз. Напали сейчас. Ты забросил меня в дом против моей воли, да еще и пытался напасть.

— Это не было нападением. Ни в первый раз, ни во второй. Хала лишь хотела поговорить.

Конрад склонил голову на бок.

— Так мы с ней и разговариваем. В чем это проблема для тебя? Или хотелки твоих людей важнее безопасности твоей жены? Тебе так хочется, чтобы в случае чего кто-то натолкнулся на труп безобидного человека, начал искать убийц и натолкнулся бы на твоих людей. Как думаешь, если к ним сейчас зайду я, как быстро они мне расскажут, кто их послал? А если у меня будет под боком лекарь и инструменты, чтобы поддерживать их живыми месяцами?

Унгал выглядел потерянным. Он и сначала понял, что Йорам совершил ошибку, но логическая связь выстраивалась так, что в конце концов всё пришло бы к ним. А затем, естественно, спрашивали бы с Халы, почему её мужья посылают убийц?

Но Йорам выглядел более решительным. Он указал туда, где исчез Расим.

— Ты так спокойно говоришь при постороннем. Хочешь, чтобы мы его убили? Кто поклянется, что он промолчит?

Конрад громко выдохнул, опустил плечи, спустился с лесов и встал так, чтобы мужья Халы видели его.

— Если вы попытаетесь напасть, то заговорит не только он. Криков хватит, чтобы разбудить всех пустынных скорпионов.

— Мы не уйдем без гарантий. — настаивал Йорам.

— Я ваша гарантия. Моё слово. Доверие вашей жены ко мне. И жизни ваших людей, что я сохранил. То, что я послал за ней, а не рассказал другим, как она поступает с союзниками.

Йорам шагнул вперед.

— Это не она приказала. Это я. Ты слышал это. Не лги!

Конрад сплюнул.

— Да, слышал. Но кто твой свидетель? Унгал? Тоже муж Халы. Вы с ним заодно. А я приведу в пример Расима. Найду, как пустить слух.

— Мы его удушим в зародыше.

— Вместе с Ламушем? Что он скажет, когда услышит, что его архитектору сломали пальцы люди Халы? Он расскажет об этом Кагану? Станет ли следить за ней чуточку больше? Забирайте своих людей, пока не взошло солнце. И если моему другу в будущем будет угрожать опасность, или нападет кто-то, знайте. Я сначала подумаю на вас. И приду с этим к Хале. Если она не послушает, то за ночь во всех подворотнях станут рассказывать о ваших делах. — Он облизнул подсохшие губы. — а теперь, как я и сказал. Забирайте своих людей и проваливайте. Расскажите Хале всё, что здесь произошло, и скажите, что я бы хотел с ней поговорить. Без вас.

Унгал заскрипел зубами и бессильно зарычал. Тогда Йорам сжал кулаки и сказал.

— Идём, если наша любимая прикажет, он никуда от нас не уйдет.

— Как скажешь. — сказал Унгал.

Конрад отступил к боковой двери и проводил взглядом мужчин до входа в коридор. Затем повернулся к Расиму.

— Отправляйся домой. Завтра придешь с накоплениями, встретишься с Майзекком и уедете с первым караваном. — Он склонил голову. — Проклятье, Расим, если бы я мог загладить вину...

Архитектор стоял потерянный и недовольный.

— Ты меня втянул и подверг опасности. Я никогда этого не забуду.

— Я тоже. Береги себя.

— От таких как ты. — сказал Расим и ушел.

«От таких как я — в первую очередь». — подумал Конрад и стал ждать.

Крик отчаяния и злобы донесся из кабинета архитектора. Сразу после этого выбежал Унгал с оголенной саблей.

— Где ты? Выходи, я распотрошу тебя!

Но Конрад уже спрятался и наблюдал, как Йорам выводит.

Унгал носился по стройке, переворачивал балки, смотрел в бочках, но вскоре Йорам остановил его.

— Хватит. Я один не унесу всех.

Унгал еще поозирался, зарычал в бессилии, убрал саблю и сказал, сквозь зубы.

— Как пустыня не станет оазисом, так и я не забуду этого!

Конрад не стал отвечать. Он дождался, когда они уйдут, лег на доски и посмотрел на крыши домов.

Теперь ему придется снова искать место для сна.

«Это уже входит в достаточно неприятную привычку.» — Подумал он и закрыл глаза.

На утро он встретил охранника и на вопрос, почему его не было ночью, тот залепетал что-то, про желудок, паршивую еду. После череды вопросов Конрад понял, что мужчина врет и предложил ему либо уйти самому, либо остаться, но тогда о последствиях его поступка пойдет слух на рыночной площади. Охранник думал не больше четырех ударов сердца.

Конрад даже мысленно поблагодарил его, что не пришлось долго доказывать вину.

Хуже всего было то, что выпало связующее звено с Ламушем.

Расим еще раз появился на пять минут, забрал Майзека и ушел с ним куда-то в город.

«Должно быть забрать вещи.» — подумал Конрад и добавил. — «Что ж, еще раз извини и прощай.»

После чего занялся рутинной работой. Но в обед прибыл паланкин с кучей стражников и Халой.

Она, как и во дворце, скрывала лицо вуалью, и была одета в легкие, непрозрачные шелка песочного цвета. Рабочие на некоторое время даже забыли о кирпичях, сохнущем на солнце растворе и помощниках, что замерли с балками и досками в руках.

Конрад сразу же спустился по лесам и встретил её, поклонился.

— Да будут ваши шаги укрыты от вечнопалящего солнца, госпожа.

Она коротко кивнула.

— У вас есть дело ко мне, Конрад?

Он обвел взглядом присутствующих, задержался на её глазах, в которых пылал едва сдерживаемый гнев. Но для тех, кто находился вокруг, Хала выглядела знатной дамой, которая решила пообщаться с помощником архитектора.

— Прошу пройти со мной в кабинет. Надеюсь, вы подарите мне разговор без посторонних?

Она прошла мимо него, разглядывая здание изнутри.

— Моих мужей со мной нет, поэтому можете не волноваться.

Конрад поспешил сопроводить её до туннеля, всем своим видом показывая уважение и раболепие. Заметил несколько презрительных взглядов от тех, кто все-таки смог оторвать взгляд от Халы.

Едва они оказались в кабинете, как она сбросила маску сопкойствия.

— Тебе хочется обзавестись не только друзьями, но и врагами? Конрад, трое моих людей годны теперь только чтобы просить подаяния. Ты им...

— Перерезал сухожилия. — закончил за неё Конрад. — потому что из-за этих мерзавцев, могли выйти не только на тебя, но и на меня. К тому же, они решили втянуть в свою месть невинного человека.

Хала без приглашения уселась на стул.

— Проклятье. Если бы ты просто их убил, да спрятал где-нибудь. Ну, не знаю, заложил бы в стене, высушил на солнце, оставил на крыше. Так, чтобы мои мужья об этом не узнали. У меня к тебе не было бы вопросов. Но эти трое могут говорить...

— Двое. — поправил Конрад.

Хала посмотрела на него, как на бешеную лисицу.

— Если хочешь посмеяться, я подожду.

Конрад промолчал, а она продолжила.

— Мои мужья в ярости. Я тоже, но... Проклятье. Я не знаю на кого больше злиться — на тебя, на мужа или на себя, что не углядела? Надо это как-то решать. Думаю, стоит это вынести на обсуждение. Потому что любой конфликт может привести к тому, что шпионы Кагана узнают о нас. Им только дай зацепку, дай понюхать тряпочку и весь песок перероют. Олухи упрямые.

Конрад посмотрел на пол, на едва заметные следы крови, которые остались в полу между досками. Увы, все вытереть он не смог. Иногда приходится мириться с небольшими неудобствами.

— Пусть подождут, и мы с ними всё уладим.

— Они не могут. Солнце! Они никогда не умели ждать. Им не хватает терпения. Раньше с этим легче было. Все мои враги — дворяне. С ними надо считаться, и это в их головах укладывается, но ты... — Она открыла лицо и потерла переносицу. — Зачем ты просил меня приехать? Убил бы этих бездарей и дело с концом. Теперь мне думать, куда их пристроить, да еще и надо показать, что ты в моей власти.

Конрад занял противоположную от неё сторону стола.

— А разве не так?

Но Хала покачала головой.

— Не в том дело. Хочешь нажать врага — сделай так, чтобы все видели, как ты можешь помыкать другом.

Конрад пожал плечами, достал нож и принялся точить перо.

— Мы оба знаем, что ты нужна мне больше, чем я тебе. Связи, влияние, люди, деньги. Всё это у тебя. У меня же... — Он замер. — Нож, несколько монет и место, откуда меня вскоре выгонят.

Хала развернулась на стуле и стала переключать чертежи, больше уделяя внимания записям в углах, чем плану здания.

— Ты знаешь историю про Тамира Мудрого?

— Тот, который обязал каждого обзавестись животным?

Хала кивнула.

— «Выбирай человеку место в соответствии с тем, как он обращается с животным, за которое его не накажут». Так он говорил.

Конрад опробовал пальцем перо, поморщился от укола и убрал кинжал.

— Хм. Дай подумаю. Ни у кого нет сомнения, что я на твоей стороне.

— Ты веришь, что вокруг меня собрались такие идиоты?

Он покачал головой.

— Перефразирую. Многие полагают, что я на твоей стороне. — Конрад дождался реакции Халы и продолжил. — Если твои люди убьют меня, то понадобится серьёзное объяснение этому. Или другие подумают, что однажды ты придешь и за ними. Верно?

Хала вскинула брови.

— Слишком упростил, но пусть так. Это не учитывая, что твоя жизнь, — она сделала паузу, — пока что важнее, чем недовольство или удовлетворение жажды справедливости моих горячо любимых подопечных. Я знаю, как всё выглядит, я знаю, что произошло. Суть в том, что для них это ты мерзавец, который начал. Но вот Йорам... Что на него нашло? Решил проявить инициативу? — Она нахмурилась. — Заревновал? Хуже всего, что в этом деле испачкался Унгал.

— И теперь кто-то из нас должен быть наказан. Я или Йорам. В одном случае кто-то

подумает, что чужак тебе дороже верных людей. А в другом то, что мы обсудили ранее. Это еще исключая того, что Йорам может стать увереннее и тогда...

Хала сдвинула брови.

— Он решится на большее.

Они замолчали. Хала невидящим взглядом смотрела на чертеж с туалетом. А Конрад гадал, кем она выйдет из его кабинета: другом, врагом или тем, кем была до сегодняшней ночи — инструментом, который владеет им, как опиум курильщиком.

— Пообещай им мечь. — нарушил тишину Конрада.

Она с недоумением посмотрела на него, мотнула головой.

— Хочешь, что бы они превратили тебя в кебаб?

— Чтобы они думали, что в будущем получают такое право. — Он посмотрел ей в глаза, заметил мешки, скрытые слоем пудры. — Ты когда последний раз спала?

Хала отмахнулась

— Не начинай о больном. Я во сне вижу гвардейцев Кагана, что приходят за мной и убивают моих мужей.

— Если так продолжишь, то они точно придут. Потому что ты сейчас спрашиваешь у человека совета, как поступить с ним, а как с теми, кто хочет его убить.

Хала задумалась, отодвинула от себя чертёж и коснулась ткани, что скрывала её лицо.

— И то верно.

Конрад обошел стол и сел напротив неё на корточки. Опустил он колени на пол и это была бы поза слуги перед госпожой.

— Разрешите им меня убить, как только закончите с Каганом.

Хала с недоверием посмотрела на него.

— И ты будешь готов, чтобы убить их первым.

Конрад улыбнулся и покачал головой.

— Нет, я буду знать, что мне надо избегать вас. Я просто исчезну. Пусть они отправляют людей за мной, пусть охотятся. Мне удастся уйти, надеюсь.

— Хах. Надейся. Я горжусь ими, когда надо сделать что-то простое и понятное.

Конрад ногтем подцепил остатки крови в полу и растер их в пальцах.

— Так и гордись. Пусть они ждут этого момента, как главной возможности. А остальное — уже мои проблемы. Или тебе подкинуть еще разных вещей, о которых стоит думать?

Хала нервно улыбнулась.

— Обойдусь. Кстати, а что с тем архитектором?

— Он вряд ли вернется сюда. А если и вернется, то власть уже согреется в твоих руках, и все его обиды больше не будут иметь хоть какого-то смысла.

Встреча с Халой сказалась на нем сильнее, чем он ожидал. В этот раз она была просто женщиной, которой пришлось отвечать за чужие ошибки. Это подкупало. Но не было ли это игрой? Продуманным планом, когда она показала уязвимость, чтобы получить доверие и потом, спустя время, воспользоваться этим? Конрад к своему стыду осознавал, что был бы не против оказаться полезным для неё. Очередным любовником, как предлагала в шутку она? Нет. Скорее как друг, которому снова придется уйти, оставляя за собой незадаанные вопросы, пропущенные разговоры. Это становилось его привычкой, второй натурой. Молчать и открываться только для того, чтобы испортить отношения.

— Паршивая судьба. — сказал он в сердцах и окинул взглядом стройку.

Работа шла полным ходом. Если так пойдет и дальше, то вскоре можно ставить мебель, запускать учеников, да следить, чтобы они ничего не утащили и не продали. У учителей будет много работы. Столько, что каменщики посочувствуют им. Даже рабы на галерах улыбнутся собственной судьбе, ведь им не придется учить взрослых или детей. Беспокоиться о проблемах тех, кто пришелся по душе, или терпеть ненавистных дураков, которые позже оказываются самыми верными учениками. Как же это сложно — учить людей.

— Как подумаю, сколько сюда еще вложить придется, сразу хочется бросить это дело. — послышался голос Ламуша. — Я видел Расима возле караванщиков вместе с каким-то мальчишкой. Он решил бросить проект?

— Пойти по стопам Зальдура.

— У нас может быть только один Зальдур.

— Но много прекрасных архитекторов. Если он привезет новые веяния, то город сможет преобразиться, узнать о себе новое.

Ламуш опирался на трость, но ходьба все равно давалась ему нелегко. Он обливался потом, скрипел зубами от натуги, но шел. Солнце пустыни! Он шел. А за ним на расстоянии двух шагов его верные спутницы.

Конрад чуть не открыл рот. Когда он давал совет, то знал, что Ламуш ему не последует. Почти ни один пациент не следует предписанному лечению. Особенно такому простому.

— Мы со старым справиться то не можем, а уже каждый хочет что-то новое. Сначала храм будущего, затем архитектор уезжает за знаниями чужаков. Наш Каганат такими темпами падет. О нас станут говорить, как о стране заемщиков, которая потеряла все свое. Не нравится мне это.

Конрад подошел к нему и поклонился. Но Ламуш отмахнулся и указал на пожилого каменщика, что показывал мужчине помоложе как надо правильно класть кирпичи.

— Вот посмотри на него. Мы будем как этот старик. Подсказывать другим, кто сам не способен думать. Но что мы за это получим? Благодарность? Я этих благодарностей себе могу наговорить хоть тысячу, но что с неё толку? Зря Каган это задумал.

— Сам он ничего не получает. — согласился Конрад. — Не получит и храм — слишком поздно этот старик пришел. Но будущие храмы, к которым прикоснется его ученик, станут лучше. Как становятся лучше своих учителей примерные ученики. Или вы не верите вашему господину?

Конрад следил за реакцией Ламуша. Есть ли в нем признаки фальшивой лояльности, намёка на то, что он может предать Кагана.

— Верю. Но мне это не нравится. Как будто и не он это затеял. Может, молодая жена, может радость от ребенка. На пятом он поймет, что все дети почти одинаковы. В них одно отличие — твои это или нет. А остальное стирается. Глупый, умный, красивый, уродливый. С детьми всегда так. Никогда не знаешь, во что они вырастут.

— Как и новые идеи.

Ламуш посмотрел на него с недовольством.

— Они еще и спать не дают.

— В этом их прелесть.

— Не когда тебе почти сорок.

Конрад моргнул. Почти сорок? Из-за жира и одежд он выглядел, как минимум, вполовину старше. И он считает себя стариком? Этот юнец, который только-только понял в какую сторону жить?

Конрад помолчал. Дал Ламушу насладиться своим весомым аргументом. Тем более, что ему и не обязательно было его развлекать. Но сдружиться с ним, получить возможность добраться еще раз до Кагана, до...

Это уже походило на навязчивую мысль. Раздражало. Даже хуже, чем когда хотелось действовать и все естество толкало то на одну рисковую затею, то на другую. Нет, сейчас всё еще хуже. Он слишком сильно хочет, жаждет. Это может быть видно со стороны, прочитано, а значит, если прочитают желание, то рано или поздно докопаются до мотивов. Верных или нет, не важно. Это будет лишнее внимание, лишние помехи и много много новых проблем. Особенно, если люди Ламуша или Кагана выйдут на Халу.

— К тебе заезжала одна дама. — начал медленно гость.

Конрад пожал плечами.

— Красивая дворянка. Стройная, уставшая. Хотела узнать о проектировании нового поместья. Вы с ней знакомы?

Ламуш повернулся к Конраду и приподнял бровь.

— А ты её не узнал?

— Кажется, где-то видел. Возможно на торговой площади или рядом с дворцом, когда проходил.

— Во дворце. Каган хотел, чтобы ты её осмотрел.

Конрад нахмурился, будто вспоминал, моргнул несколько раз, состроил выражение прояснения и ахнул.

— А, так это была она. То-то мне казалось, что ей обо мне откуда-то известно.

— И где она хочет поместье? — Ламуш вернулся к зацепке.

— Не знаю. Она пришла, мы разменялись любезностями, и в кабинете обсудили её пожелания. Ничего определенного. Казалось, что ей просто вздумалось получить новое имение. Я посоветовал взять в аренду на год у кого-нибудь. Или на месяц, чтобы точнее понять свои желания. Кажется, её это удовлетворило. Она взяла с меня слово, что в случае чего я приму её и помогу с чертежами.

Ламуш слушал и прикидывал что-то в уме. Он огляделся, нашел свободную лавочку и указал на неё.

— Пожалуй, сяду.

Он шел медленно. Преодолевая каждый шаг, как будто это горный перевал. Несколько рабочих посмотрели на него, на что Конрад дал им знак возвращаться к работе.

Помощницы в какой-то миг попытались помочь хозяину, но он отмахнулся от них. А

затем рухнул на лавочку и заговорил.

— Ничего определенного, значит.

— Ничего. — ответил Конрад.

— А как часто она обещала заходить?

— По необходимости. Где мне её искать? Не по подворотням же шататься. — проговорил Конрад, глядя за реакцией Ламуша. Но тот никак не выказал осведомленности о встречах. — Поэтому я попросил её слать ко мне гонцов либо самостоятельно приходить, потому что мне нести все инструменты тяжело.

— Так значит, ты решил начертить её новое поместье? Ты, а не архитектор?

Конрад кивнул, сел рядом и достал скомканную копию чертежей. На них еще были следы крови, свечного воска и масла из лампы. Еще размазанный след от карандаша.

— Я могу набросать изначальный вид её дома. Требования к нему. Может, вы не поверите, но я бываю дотошным. А затем я уже найду архитектора, который будет готов осуществить наш общий замысел. Он, конечно, порежет всё...

— Верю, перестань. Хватит подробностей. С ней были её мужья?

Конрад снова поморщился, разыгрывая воспоминание.

— Это те, которые в тронном зале, загородили её собой? Не помню. Она одна, несколько слуг и всё. Этих мужей не было.

— Мужей не было. — повторил Ламуш, страдая одышкой. — Однако, однако. Точно? Может быть, ты не заметил?

— Точно не было. Тех двоих я бы приметил. А уж как они тогда смотрели. Не, господин, их не было.

Ламуш посмотрел вверх — на небо, затянутое облаками, и вздохнул.

— Будь осторожней с этой дамой. Хантала — подлая и злопамятная женщина. Я бы даже советовал не брать у неё работу, но это будет нечестно с моей стороны.

— Вы уже это посоветовали.

Ламуш кивнул.

— Кстати, да. Что ж, от этого она не станет, ни добрее, ни мягче. Просто помни мои слова и постарайся перекинуть этот заказ на кого-нибудь другого. Если у тебя получится с этим храмом, то у тебя появится шанс построить еще несколько таких.

Сердце у Конрада упало. Ему снова доверили интересное и важное дело. Это было приятно, но вместе с тем и ранило, потому что придется предать этого человека.

— Для меня будет честь заменить архитектора до его прибытия.

Ламуш в ответ кивнул, посмотрел в сторону выхода, тяжело вздохнул. Сжал зубы и обратился к спутницам, которые подставили ему руки.

— Нет, милые. Я сам.

Встал и пошел на трясущихся ногах.

Не смотря на беззащитный вид этого мужчины, Конрад начинал его бояться. Сколько в нем решимости? Если всё повернется плохо, то главным врагом станет не столько Каган, сколько его немощный дядя.

***

Прийти в этот же день к Хале казалось глупостью. Слишком много всего произошло и Конраду отчаянно хотелось отдохнуть. Нет, тело не требовало покоя, но вот разум... Нужно замедлиться, осознать всю полученную информацию, чтобы сделать правильные выводы. Но его сопровождало ощущение, что всё слишком изменилось. Причём настолько резко, что

надо было действовать сию же минуту, пусть необдуманно, пусть неверно, но именно сейчас. Потом будет уже слишком поздно.

Конрад проверил, что за ним не следят, свернул в переулок, выждал. Снова выглянул. Никого. От самого храма ни одного подозрительного человека, ни одного подозрительного движения. Это и пугало его больше всего, хотя напряжение оставалось на уровне чутья без каких либо доказательств.

Наконец, он выдохнул, и подошел к логову заговорщиков. Постучал.

Ему повезло. В этот день была встреча. Дверь в убежище ему открыл Унгал. Он смотрел на Конрада несколько долгих секунд. Его намерения выдали только сжатые кулаки, и едва слышимый скрип зубов. Но всё же впустил и запер дверь.

— Я скажу о тебе. — бросил он и ушел.

Ждал Конрад недолго. Минут две или три, но вскоре его пригласили в зал для совещаний.

В первый миг он подумал, что случился пожар, но в нос ударил душистый запах цветов. Кто-то здесь курил кальян. Да так, что в самом помещении невозможно было разглядеть лиц. Конраду пришлось закрыть нос и рот, чтобы не закашлять.

— Незванный гость — хуже саранчи. — послышался голос Халы. — садись.

Конрад повиновался. Сидя он смог увидеть присутствующих. Кроме него с Халой была еще Нарайя. Она не касалась трубки, что лежала возле неё, и как обычно смотрела на других с непроницаемым лицом.

— Мы с Нарайей как раз говорили о тебе. — заговорила Хала.

«Не самое полное объяснение.»

Конрад посмотрел на хозяйку убежища. Она выглядела совсем иначе, чем днем. Глаза почти стеклянные, движения расхлябанные, и сама она создавала впечатление не властной женщины, а богатой шлюхи, которой удалось заполучить слушателей. Но был ли это обман, чтобы посмотреть как отреагирует Нарайя, или Хала действительно позволила себе обкуриться?

— Знаешь, мне порой приходят чудные мысли по вечерам. Например, что у тебя появилось слишком много новых друзей. — продолжила Хала. — Это не беспокоило бы меня. Но, когда собираешься убить Кагана, становишься очень ревнивой.

— Об этом я и хотел поговорить.

Хала подняла трубку, приказывая молчать.

— Как получилось, что твои друзья принадлежат к противоположным крайностям?

— Тому, кто был посередине, на днях сломали пальцы. Но я намерен соблюдать наши договоренности о достижении целей. — Он посмотрел на Нарайю. Та выглядела словно медовая статуя, которую окуривали от пчел.

— Так значит, я всё еще могу верить тебе?

— Тебе решать, но я пришел предупредить.

Хала повторила жест замолчать, но Конрад продолжил.

— Мне не нравится, что Ламуш сегодня пришел и расспрашивал о тебе. Ему доложили о нашей встрече. Поэтому я перестану посещать наши собрания, чтобы не привести сюда шпионов. Если понадобится поговорить со мной, то присылай посыльных, приезжай сама, либо избавь меня от необходимости прятаться и тайно ходить сюда.

Хала уронила голову себе на плечо и хихикнула.

— Твоя забота меня умиляет.

— Пусть так, но также убери своих шпионов. Я сам тебе всё буду рассказывать. Если Ламуш проведаёт, что не только он следит за мной, то это будет очень странно. А уж если эти шпионы начнут толкаться друг о друга. То жди беды.

— А если вдруг мои люди перестанут за тобой следить? Не сочтёт ли Ламуш это подозрительным?

— Если до этого не заметил твою слежку, то ничего не произойдет. А если его ищейки оказались лучше твоих, то вижу два варианта, что он может подумать. Первый. Я перестал тебя интересовать. Второй. Ты мне доверяешь.

Хала затянулась и выпустила дым, закрыла глаза, вдохнула ноздрями отравленный воздух.

— Я стала тебе доверять? — в её голосе смешались игривость и сарказм.

— Да. — ответил Конрад. — что ты стала мне доверять. И именно поэтому приехала ко мне без мужей.

— И? — спросила Хала.

Сквозь дым Конрад увидел, что у неё покраснели глаза, а в движениях к развязности добавилась нервозность.

— Ты никуда без них не ходишь. — Заметила Нарайа.

Хала вскинула брови и посмотрела на неё.

— Что ж, тогда в следующий раз. — Хала протягивала каждое слово. — я приеду к тебе в гости. обяза-а-ательно возьму обоих. Они так скучают по тебе. Ты-ы-ы бы-ы-ы зна-ал.

— И Ламуш поймет, что я тебе рассказал об этом. Делай, как считаешь нужным. Но для начала пришли несколько раз слуг с запросами чертежей для нового имения.

Хала даже отложила мундштук.

— Какого имения?

Будучи обкуреной и уставшей она ему нравилась гораздо меньше. Всё приходилось объяснять словно деревенской девке.

От сравнения Конраду стало стыдно и неловко, но он тут же собрался и рассказал о своей лжи.

Хала подумала полминуты и улыбнулась. Широко, бестолково. Так, как было ей не свойственно, что вообще не было на неё похожим.

— Оу, может, даже составишь план кого и когда мне присылать? Расскажешь, кого брать с собой. Мне так интересно, чего же от меня ждут всякие оборванцы вроде тебя.

«Однако.»

— Сама справишься. На этом всё. Хочу еще зайти в трактир, если не встречу снова твоих людей.

Хала вздохнула и состроила грустную мину.

— Вокруг меня всегда люди с неразделенными чувствами. Что скажешь об этом Нарайа?

Та смотрела на Конрада, как будто не было ни дыма, ни едкого запаха.

— Есть план. У торгаша есть семья.

Конрад секунду пытался понять к чему это она, а затем сообразил и сел на место.

— Угрозы не сработают же. — напомнил он.

Нарайа покачала головой.

— Убить тоже не вариант — громко. Но он их любит, верно?

Она кивнула.

— Верно.

— Украсть жену и ребенка. — догадался Конрад, чувствуя, что рот наполняется мерзким привкусом очередного совершенного злодейства.

Нарайя легко улыбнулась и достала чертежи со множеством меток.

Конрад опешил.

— Мы только вчера об этом проговорили. — Бросил взгляд на Халу. — Ты заранее планировала это?

Та улыбнулась.

— Рассказала нашей любительнице тайн все, как только ты ушел. Как видишь, она подготовила для нас кое-что полезное.

Нарайя привлекла внимание Конрада щелчком.

— Здесь жена, здесь дочь. Делать ночью. Тихо. Сразу же сообщить торгашу. До паники.

— А план?

— Девочка твоя. Мы украдем жену, оставим записку. Всё. Здесь описание.

Нарайя протянула сверток, и Конрад развернул его.

На куске тонкой кожи были отмечены те же места, что и на чертеже на столе. Только отсутствовали различные записи. Видимо Нарайя разделила всю информацию, оставив только ту, которая нужна была исполнителям. Пометки времени, расположения луны, перерывы в караулах. Всё было расписано кучей сносков, пунктов и подпунктов. Настолько подробно, что если даже если просто следовать им, самой сложной задачей стало бы заставить девчонку молчать. Это, конечно, при условии, что всё верно.

«И что это не ловушка.» — Конрад поймал себя на мысли, что больше не может доверять людям, сидящим здесь. Хотя еще днем мог поклясться, что готов дойти с ними до самого конца их авантюры.

— И никаких убийств? — с сомнением спросил Конрад.

Нарайя покачала указательным пальцем, будто говорила «ни в коем разе.»

— Если так хочется, могу подкинуть тебе пару имен. — сказала Хала, охрипшая от дыма. — у меня всегда есть пара имен. Некоторых ты знаешь.

— Своих хватает. — Конрад помолчал. — С чего вы взяли, что так легко удастся? У него охраны нет?

— Е-есть. — протянула Хала.

— Враги?

— То-оже.

— И он их не боится?

Она затаилась дымом и выдохнула.

— Не-ет. Его ни разу не пытались крупно ограбить, убить, даже никто не пробовал отравить. На удивление везучий человек. На удивление.

— И потому он не особо внимания уделяет своей защите? — предположил Конрад.

— И-мен-но. Под ним стража, а с ними хотят ссориться. Она приложила мундштук к губам. — Никто. А уж попытаться украсть его родных... Позор на голову, кто только подумает об этом. А нам, что позор, что петля или меч палача, всё одно. — Она охнула. — хотя нет. Кажется, слишком много дыма.

— Верно. — заявила Нарайя. — Слишком много.

Конрад рассматривал план, заметки. Все подробно, будто описывали не патрули стражников, не поведение слуг и домашних, а механизм. Никаких «возможно», «есть

вариант». Нет, люди Нарайи, или она сама, не растрачивали слова на сомнительные формулировки.

— Когда приступаем?

— Как только обучим им замену. — сказала Хала.

И Конрад не услышал в этом ничего хорошего.

Прошла неделя.

Девочка с обветренным лицом и грязными ногами стояла перед Халой, в то время, как её мать сидела на стуле и смотрела в тарелку.

— Я не понимаю, госпожа. — Взмолилась женщина. — у меня сводит пальцы.

Она снова попыталась взять нож и вилку, но ничего не вышло. Столовые приборы сначала дрожали в руках, затем падали на деревянную тарелку. Пальцы женщины походили на кручья, которые каким-то чудом разгибаются. Множество мелких язв, царапин, обгрызенные ногти, еще и совсем не приспособленные руки. Как будто она никогда не держала в руках ни ножа, ни вилки, на иглы.

— Пробуй еще. Девочка, спину прямо. Ты хоть из черни, но богата.

— Госпожа. — Пропищала та. — если я выпрямлюсь...

Но Хала не стала дожидаться.

— А если не выпрямишься, я пойду искать другую, пока ты будешь захлебываться помоями в канаве. Разведи плечи.

Она надавила ей на позвоночник. Раздался щелчок, девочка ойкнула и сморщилась от боли.

Заговорщица сдвинула брови, взяла со стола бокал крепкого вина, пригубила.

— Конрад, ты, случаем, не костоправ? Этой девчонке надо вправить кости.

— Не надо, госпожа. — запаниковала женщина. — моя дочь...

— Замолчи. Это будет ей только на пользу.

Конрад наблюдал за ходом обучения. От этих несчастных нужно только продержаться неделю или две. Ровно столько, чтобы караван с ними уже было поздно возвращать. Хала могла бы собрать свой, посадить туда девчонок, их бы проводил Торгаш, но сколько бы вопросов появилось, когда Каганский лизоблюд вдруг доверяет самых дорогих людей одной из главных сук двора. Сомнения не нужны, поэтому кому-то придется очень постараться.

— Продолжайте заниматься. Если через две недели вы не станете готовы предстать при дворе, то я с вас семь шкур спущу. По каждому восходу солнца.

Женщина и дочь съезжились, даже не смотря на старания держать осанку прямо.

Хала подошла к Конраду в упор.

— Неплохая замена. Как считаешь? Проблемы с кожей, но все исправляется косметикой и одеждой. Жду не дождусь увидеть рожу торгаша, который самолично будет сажать их на караван и обнимать на прощание.

— Когда их раскроют, то оставят в пустыне?

Хала пожала плечами.

— Или возьмут в жены. Или изнасилуют и подвешат в оазисе над ручьем. Какая разница, Конрад? Ты хотел кем-то жертвовать, чтобы добиться цели — вот тебе жертвы. Идеальные. Такие, как нам нужны. О них даже не вспомним, но сами они отлично нам помогут.

— Всё-таки подумай о них перед сном. Какая-то им благодарность полагается.

— Перед чем-чем? — Хала невесело улыбнулась. — Мой напоминает ооочень долгий зевок или моргание. Мне даже кажется, что я становлюсь невыносимой. Ты так не думаешь?

Конрад так и думал. Более того, он был уверен, что она становится все более кровожадной и жестокой. А что хуже всего — менее предсказуемой. Её настроение могло за

один разговор смениться множеством раз. Порой она могла смотреть в голую стену и чему-то улыбаться.

— Спроси у Унгала. А мне пока что еще нужно твоё расположение.

— Складывается ощущение...

— Что я нашел другого помощника? — Конрад покачал головой. — Кроме тебя и твоих людей мне никто не поможет. Кажется, я уже говорил об этом.

Хала смотрела на своих пленниц, которые из всех сил старались делать то, что им говорят. Они дрожали, на их глазах появились слезы, но хуже всего, что они даже не понимали, насколько горька их судьба.

— Даже Каган?

— Он тем более.

Хала помолчала и, кажется, улыбнулась.

— Не подумай, что я тебя подозреваю в чем-то.

— Просто ты подозреваешь всех. — добавил Конрад.

Она улыбнулась.

— Приятно, когда тебя понимают.

— Но не когда вокруг тебя никто никому не доверяет.

— А нам надо с этим что-то делать?

— Пока не достигнем ближайшей цели, нет.

Она хлопнула в ладоши.

— Прекрасно. Тогда никаких лишних забот и дел. Ты снова сутулишься, девочка. Держи спину так, будто ты владеешь этим миром, в смысле, его деньгами. — Хала снова пошла к подставным к» уклам».

А Конрад смотрел на всех троих и не знал, кому больше сочувствовать.

Конрад привык к различным гостям на стройке. Одни возмущались большой высотой здания, другие приходили спрашивать, что здесь будет, третьи просто пытались что-то украсть даже днем. А были еще и те, кто заходил по делам: Хала, Ламуш, возможные заказчики, которые больше воровали время у себя и у Конрада, чем пытались что-то обсудить.

Но одним вечером Конраду даже показалось, что он бредит. Или, что его раскусили и теперь убьют.

На улице раздался грохот копыт и колес. Не успел он выйти, как увидел толпу гвардейцев, что шли на него. Лишь огромным усилием он удержался и не выхватил нож, не побежал.

Капитан гвардейцев осмотрел Конрада с ног до головы.

— Ты здесь архитектор?

— Я замещаю его.

— Говори рабочим уходить. Каган собирается посмотреть на свою задумку.

Конрад посмотрел на небо. Солнце едва перевалило за полдень. Как и всегда со слугами высоких лиц, с ними было спорить гораздо сложнее, чем с их хозяевами.

Потому Конрад выполнил приказ

Рабочие уходили, но останавливались у противоположной стороны улицы, откуда виден вход и сам храм.

Гвардейцы оттеснили всех людей и не давали ни пройти, ни проехать. Некоторые

возницы возмущались, увидев толпу, но затем понимали кто это, и спешили уехать.

Через полчаса прибыл Каган, но не один. Рядом шел Ламуш, а позади молодая женщина со взглядом полного восхищения и удивления.

«Сестра, любовница?» — подумал Конрад, понимая, что учитывая возраст избранного, ему следовало быть с матерью. Но ощущение подсказывало, что ребенок далеко.

— О, мой неудавшийся лекарь и более способный архитектор. — Сказал Каган. — я пришел показать храм своей молодой жене.

«Значит, жена. Может, у него их несколько?»

Каган продолжал говорить больше для себя, чем для тех, кто собрался.

— Она с самого его основания не давала мне покоя, и если бы не мои дела, заставила бы поселиться в одном из местных сараев. Как я рад, что ей приходилось заниматься сыном.

Конрад поклонился всем и покосился на жену Кагана. Почему она оставила избранного, не взяла с собой?

— Это вы всё построили? — спросила женщина, даже не глядя на Конрада. Её больше увлекал свод, высокие окна, на которых узорная сетка отбрасывала на пол тени в виде цветов. Там, где в будущем будут столы и ученики, все еще валялся строительный мусор, но взгляд девушки ни на секунду не опускался, будто она знала, что это разрушит всю магию архитектуры.

— Я всего лишь завершил дело моего друга. А он начал благодаря господину Ламушу и нашему величественному Кагану.

Девушка на этих словах улыбнулась еще шире. Настолько невинно, будто сама еще была совсем ребенком.

— Вот здесь следует повесить мой портрет. — сказал Каган. — среди воинов и правителей.

Лицо Ламуша выражало тоску, смешанную со скукой.

— Вы планируете учить чернь править и воевать или... боюсь этого слово, думать.

Каган смутился на мгновение.

— Ну а кем они должны восхищаться? Они будут ежедневно смотреть на того, кто дал им этот шанс!

Девушка все также рассматривая стены, вышла вперед.

— Мой муж, а можем ли мы попросить художников, чтобы они нарисовали образы различных мастеров?

— Портреты плотников и башмачников? — с недоверием отозвался Каган.

— Не совсем. То, как они работают. Люди будут смотреть и... Прости мою дерзость, мой муж. Но если они будут восхищаться тобой, то сами захотят занять место Кагана. Но оно уже твое. Пусть они восхищаются теми, кто им ближе. А ты всегда останешься их правителем. Каждый раз, когда они будут видеть тебя, будут радоваться. И этот день для них станет праздником. Как и для меня, мой господин.

Каган переглянулся с Ламушем.

— Обычные профессии. Для простолюдинов. — Ламуш попробовал это на вкус. — Гильдии будут возмущены. Мы отберем у них часть заработка. Множество одиночек внесут смуту в их дела.

— Что на это скажешь, дорогая? — спросил Каган.

Девушка поджала губы и заозиралась, будто искала поддержки.

— Я не знаю, о, мудрейшие. Но... Гильдии берут в подмастерья уже способных

работников или детей своих мастеров. Здесь они смогут готовиться к попаданию в цех. — Её лицо прояснилось. — а лучшие, кроме всего, смогут получить нашу поддержку. Мы оплатим первые два года обучения в гильдии.

Каган самодовольно улыбнулся и посмотрел на своего дядю. Но Ламуш был всё так же серьезен.

— Это повысит конкуренцию между мастерами.

— Да, наверное. Но ведь эти простолюдины, которые отучатся в храме. Они же смогут зарабатывать. Смогут и покупать. Ведь так? — она с надеждой посмотрела на мужа.

Тот кивнул, а девушка продолжила.

— А излишек мы сможем с караванами отправлять в другие страны. Как подарки другим правителям. Уверена, они не знают какие у нас хорошие мастера. У них таких, наверное, никогда не было и не будет.

Каган приобнял её и погладил по голове.

— Всё именно так, моя дорогая.

Но Ламуш не унимался.

— Гильдиям все равно это не понравится. Они будут не довольны.

— По началу. — сказал Каган. — ты тоже выглядел недовольным, когда начал оставлять своих девиц позади. Сейчас выглядишь лучше.

Конрад теперь смотрел на Ламуша во все глаза. Тот будто помолодел, да и опирался на трость больше для вида, чем в виду необходимости. А его проводницы стояли за оградой из гвардейцев.

— Не стоит путать мой каприз с жадной выгодой у гильдий. — Ламуш погладил бороду. — к тому же, одиночки никогда не смогут выжить при той конкуренции. А даже если и получится... Что ж, но я бы не хотел сообщать эти новости старым мастерам.

— О, они узнают об этом от меня. — отмахнулся Каган. — у них не останется выбора и наши улицы очистятся. Станет больше ремесленников и новые караваны поедут между городами, чтобы торговать и приносить нам серебро.

Тут девушка замерла, посмотрела на Кагана.

— А если мастер сделает нам подарок...

Мужчина усмехнулся.

— Моих даров хватит на всех царей мира.

Девушка замотала головой.

— Нет, именно подарок. Действительно. Чтобы он... Чтобы он выглядел, как само олицетворение его мастерства.

Ламуш снова переглянулся с Каганом.

— И как вы видите это госпожа?

Она потупилась.

— Я не знаю. Я правда не знаю, но каждый из мастеров, наверное понимает что есть вершина его искусства. Такое, что нужно вынашивать несколько месяцев, а потом создавать и создавать, чтобы другие мастера с трепетом смотрели на изделие.

— Кто будет решать, что это действительно мастерская работа?

— Сам мастер? — с надеждой в голосе сказала девушка.

Мужчины засмеялись.

— Дорогая, я видел детей, которые обмазывали навозом повозки и говорили, что это рисунки. Если мастера начнут сами решать, что же для них великая работа, то мы получим

кучу кривых горшков, шербатых клинков и доспехов, которые будут опасны для самого владельца.

— Но мы можем заказывать, выбирать какого-то мастера и давать ему задачу.

— Сделай вещь, которая станет венцом всей жизни? — поинтересовался Ламуш. — Вы не знаете этих людей. Все, что они считали венцом, спустя неделю после изготовления для них становится обыденностью. Ваша идея интересна, но ремесленники и так постоянно борются за звание лучшего. Им и заказы не нужны, если только вы не захотите что-то определенное.

— Но я ведь не знаю, что они могут сделать. — попыталась оправдаться она. — может, у них...

Каган поцеловал её в щеку.

— Ты ещё слишком юна, моя дорогая. Пройдет время, и ты всё увидишь, а там мы сможем придумать, как развлечься на соперничестве гильдий и мастеров. А пока что надо думать о том, что перед нами — храм будущего. Жрецам будет нелегко здесь. Чернь сильно воняет, и все эти прекрасные стены пропитаются запахом трущоб и нищеты. Мне это не нравится.

— Мы можем вырыть колодец недалеко от храма. — Подсказал Конрад. — Там они смогут смыть с себя грязь или постирать вещи.

— Мужчины и женщины в одном месте? — спросил Ламуш. — Дети и взрослые тоже? Это приведет к Хаосу, все смешаются и получение знаний превратится в оргию у колодца.

Девушка покраснела от смущения, а её муж повеселел.

— Тогда выкопаем еще несколько. Или будем пускать по очереди. Когда-нибудь, я приучу тебя искать решения, а не проблемы, дядя.

— И тогда у нас будет куча этих самых решений, которые не решают ничего. — ответил он, прошелся до дальней от входа стены, повернулся и посмотрел на присутствующих. — Знаете, я мог бы даже провести один или два урока по истории. — Он нахмурил лоб. — Вряд ли простолюдины поймут всю её ценность, но они должны знать какими трудными были годы нашего каганата, как они должны ценить, что видят вокруг себя..

Каган шепнул жене.

— Как бы вскоре он не проникся нашей идеей.

Она лишь улыбнулась и опустила взгляд.

«Нашей.» — отметил Конрад, хотя всё говорило несколько о другом.

— Тем не менее, многие вещи надо контролировать. — продолжил Ламуш, возвращаясь к Кагану. — Надо проверять уроки, знать, что говорит чернь, о чем думает, о чем ей разрешают думать. Также проверить, кто будет занимать места жрецов. Нам не нужны люди, которые могут сомневаться в настоящем порядке вещей. Он и дальше должен оставаться незыблемым и вечным.

Каган еще сильнее улыбнулся и покосился на супругу.

— Ты полностью прав, дядя.

Конрад вступил в разговор.

— Здесь не только зал для учения. Дальше комнаты, которые будут переоборудованы под кабинеты жрецов, библиотеки. Также есть выход на башню, откуда можно посмотреть на город сверху.

— Запретить! — резко вставил Ламуш. — Простолюдины не должны забираться на эту башню. Нельзя, чтобы они смотрели на остальных сверху вниз. А если по улице будет

проходить дворянин со свитой? Им, что придется задирать голову наверх, чтобы увидеть этого наглеца? Нет, нет, нет.

— Оставим её только для особых гостей. — подсказала девушка. — для моего мужа, для вас, для архитектора или дворян.

Ламуш покосился на Конрада.

— Чужакам туда тоже нельзя.

— Важным гостям можно. — ответил Каган. — в моем дворце у них есть места в башнях.

— В вашем дворце. — надавил Ламуш. — Чужаки должны понимать, что именно близость к вам им позволяет смотреть на город сверху, только ваше разрешение. Но за стенами это надо запретить.

— А как же горы и скалы? — продолжил Каган.

Но его дядя не смутился.

— Это все природа и дикость. Она не должна быть в почете и насаждаться в городах. Дикость хороша там, где её создало бытие. Но в городе никто не воздвигнет скалу. Природа слаба в городах. Поэтому дадим ей право бунтовать за стенами. Пока мы к ней не придем, чтобы подчинить.

Конрад вспомнил наводнение, что однажды стерло большой город. Мороз, налетевший на вечно зеленую страну, отчего большинство жителей замерзли насмерть. Ураган, что уносил дома, скот и людей в небеса. Землетрясения, из-за которых появлялись трещины, куда проваливались целые районы. Что ж, природа сама позволяет человеку бунтовать против неё, пока ей не захочется иного.

— Вам нравится, то что вы видите? — спросил Конрад.

— Да. — ответил Каган.

— Наверное. — сказала его жена.

— Нет. — завершил Ламуш, посмотрел на поднятую бровь господина и добавил. — Я должен быть честным. Мне не нравится само это здание. Я бы учил чернь... в смысле разрешил учить чернь, опять же, только по вашему приказу, лишь на улицах — там, где им и следует быть. А тратить столько сил ради свиней, что не способны оценить... Мой господин, я сделаю всё, что попросите, вы сами знаете, но удовольствия от этого я имею право не получать.

— Тогда от тебя требуется просто не приходить сюда и не смотреть на простолюдинов. — заметил Каган и развел руками. — Думаю, это тебе по силам.

— Сожалею, но мне придется. Подобные вещи я не могу доверить никому, по крайней мере, на первое время. Я должен знать, чему учат этих людей. Должен видеть их. Не хватало нам грамотных бандитов и душегубов.

Каган покачал головой.

— Как скажешь, дядя, только не жалуйся мне.

— Но я с радостью выслушаю вас. — вставила девушка. — Сама я не могу, но вы же будете мне рассказывать всё?

Ламуш поклонился.

— Как пожелаете. Однако, мне пора. Я рад, что здание почти завершено, и мне не нужно думать, о пьяном архитекторе. Ваше величие.

Он еще раз поклонился и пошел к выходу.

Конрад, не смотря на страх перед этим человеком, восхищался, как быстро он

становится на ноги.

— Я даже скучаю по временам, когда он не мог ходить без своих спутниц. Они делали его не таким ворчливым. — сказал Каган, когда Ламуш ушел.

— Они такие красивые всегда. — добавила девушка. — и у них сильные руки. А ведь он не самый легкий человек. Может, они...

Каган мельком глянул на Конрада и прервал жену.

— Привыкли. Как я привык к его недовольству. Итак, лекарь, ты доделал за архитектора его работу. Тебе нужна награда?

— Господин Ламуш сказал, что ни я, ни архитектор её не получают.

— И ты готов смириться с тем, что за твою работу не заплатят. Удивительные люди живут в ваших землях. Тогда примешь ли дар от моей супруги? Ей здание понравилось, и она хотела бы поблагодарить за старания. Тем более, я слышал, что случилось с архитектором.

У Конрада сердце замерло, но Каган продолжал.

— Иногда мы позволяем себе слабости, но запустить работу, которую дал дядя правителя — это заслуживает наказания. Заслуживало бы, не брось архитектор пагубное пристрастие.

На душе с чужеходца отлегло.

«Проклятье. Если я так буду реагировать на каждое двусмысленное выражение, сойду с ума.»

— Если хотите, можете прийти на чай. — сказала девушка, посмотрела на мужа, как он отреагирует, и продолжила. — мне очень интересно, каковы дальние земли, и как проходит процесс обучения в подобных храмах у вас, если они есть.

«Удача?» — подумал Конрад и поклонился.

— Увы, нищие у нас заботятся о себе. Лишь те, кому хватает денег, позволяют себе посещение подобного храма.

— Варвары. — бросил Каган, посмотрел на жену и улыбнулся. — да, потому что мы первыми это придумали. Бесплатное обучение и поддержка лучших из черни.

— Простолюдинов. — Поправила девушка. — все же, буду ждать вас на обеденный чай. Только прошу вас, предупредите заранее, чтобы не пришлось сидеть в окружении гвардейцев. Они хорошие люди, но посторонних не любят.

Каган, поправил халат, покрутил перстень на указательном пальце.

— Что ж, дорогая, раз мы определились с наградой для Лекаря, оставим его заканчивать. Когда всё будет готово, жду вас в тронном зале. Только проследите, чтобы здесь не было всей этой пыли, досок, грязи. Хочу лично контролировать развешивание портретов.

Они ушли. Конрад остался с бешено колотящимся сердцем. Ему никогда не приходилось так долго работать над убийством. И это приглашение на чай могло дать все инструменты, чтобы реализовать задуманное. Он даже оставил бы в живых эту девушку, потому что такие правители нужны. Она заботится о простолюдинах и может посоперничать с избранными в свершениях, но вряд ли прольет столько же крови.

«Тогда не придется ни воровать детей, ни устраивать резню в стенах дворца.»

Да, это был самый лучший выход. Даже если у него заберут нож, он сможет избавиться от младенца. Ему нужен только шанс и понимание, как сбежать и остаться живым.

Конрад подошел к дверям храма, закрыл их и пошел в башне. Следовало еще раз посмотреть на город, на дворец, на окрестности, которые однажды утонут в крови. Если он

потерпит неудачу.

Дом торговца занимал значительный кусок района. Он выглядел как наряженный бык, который ворвался в курятники и там уснул. Среди домов дельцов поменьше, он казался чужеродным, будто его насильно сюда затолкали.

«Сколько людей потеряли жилище, когда он решил тут развернуться?» — подумал Конрад, обходя невысокие стены по периметру. Охранники, стражники. Казалось, что они двигаются хаотично, размеренно, но задержавшись на несколько часов, он понял, что Нарайя все верно подметила. Оставалось только дожидаться ночи и сигнала от заговорщиков. Это дело должно пройти без проблем.

Он спрятался в переулке, укутался в рванину и лег в углу, откуда можно было видеть шпили дома торговца.

«Безвкусица.» — подумал Конрад, погружаясь в дремоту. Но почти сразу проснулся от того, что его пинал какой-то бездомный.

— Это моё место.

— Это угол. — ответил Конрад.

— Я всегда здесь сплю. Проваливай.

Конрад нехотя поднялся. До нужного положения луны, когда всё начнется, было еще часа два и где-то ему надо было переждать. Ссориться с бездомными — привлекать лишнее внимание.

— Прости. Приспичило. — сказал Конрад, зевнул и перешел в другое место.

Сигналом были три удара колокола, которые оповещали о нахождении луны в зените.

Он выбрался из переулка и пошел к нужному участку стены. Стараясь лишней раз не попадаться никому на глаза.

Дождлся, когда пройдет охранник, который осматривал территорию за стеной, затем Конрад подождал три минуты, подтянулся и забрался. Теперь оставалось попасть в комнату девочки — а она на втором этаже, забрать её, связать и тем же путем уйти.

Густые сады, которые вырастил торговец, играли только на пользу Конраду. Здесь можно было прятаться вечно среди бесчисленных кустов.

Он прошел мимо сторожки, где несколько охранников жаловались на скуку и на малое жалование.

Судя по чертежам, окна детской спальни выходили прямо на спальню жены торговца. Когда Конрад оказался на месте, там прятался еще человек. Не знай он, что тут кто-то должен быть, вряд ли бы увидел. Собственно он и увидел только одного, потому что второй сидел совсем рядом — метрах в двух от первого.

Ему дали знак — забираться в окно. Один подставил спину, и Конрад, встав на него, забрался на парапет, подошел к открытому окну, которое загоразживала занавеска. Внутри пол был устлан игрушками. Куклы, солдатика, животные, даже игрушечный лук. Там же куча всевозможных фруктов, которые уже потемнели, некоторые из них были надкусаны.

«Просто закидывает девочку чем попало. Как ей в этом хаосе выбрать?»

Он отогнал мысли, которые врывались в сознание и рисовали картины переживаний её отца, как самой девочке будет страшно, что их может ждать.

Конрад мягко ступал между этими звуковыми капканами. Задень один — он толкнет другой, а там девочка проснется и поднимется шум.

Кровать, запахнутая тканью от moskitов, стояла у боковой стены — чтобы сквозняк от окна и двери проходил мимо.

Конрад подошел к ней, отодвинул ткань, заглянул в лицо девочки и замер.

Там лежала кукла. Большая кукла, выполненная искусно, но это была не девочка.

Его подставили? Или уже знали, что он придет? А если девочке снились кошмары, и она ушла к родителям? Кого она любит больше маму или папу? К кому пойдет за помощью?

Конрад стоял и перебирал в голове возможные варианты. Стоит ли выходить в коридор? Опасно. Охранники ходят внутри дома, а увидев чужака ни о какой скрытности и речи не будет.

Или все-таки вернуться без девочки? Это нарушит, по крайней мере, половину плана. Что тогда будет делать торговец? Будет ли он в отчаянии или примет как вызов? Проклятье. Надо было глубже узнать этого человека, понять, как он реагирует, хотя бы договориться на беседу с ним. А сейчас...

Он услышал шуршание. Несколько игрушек стукнуло, и небольшой деревянный конус из десятка колец выкатился из-под кровати.

Конрад замер, опустился на колени и поднял подол одеяла. Там, в обнимку с рыбой из ткани спала девочка. Он осмотрел пол рядом с ней — ни пылинки. Видимо, она часто здесь спала.

Сердце колотилось так, что удивительно было, почему еще сюда не сбежалась вся стража, почему никто его не заметил, не прервал, не заставил убегать, чтобы появилось хоть какое-то оправдание оставить дитя в безопасности.

Но его не заметили, да и всё это было частью плана, чтобы добраться до избранного.

Конрад бесшумно выдохнул, протянул руку и на мгновение задумался. Как ему вытащить то её? За тело, за ногу, за голову?

«Она хотя бы легла на что-нибудь». — подумал он, понимая, что девочка лежит на ковре, который прижат кроватью. Неверное движение — она испугается и зашумит. А время не ждет. Если его подельники уже вытащили женщину, то он может их задержать.

«Что за дурацкая девчонка?»

Конрад осмотрел кровать, ковер, на котором та стояла. Он мог отодвинуть её, но удастся ли это сделать бесшумно?

«Зависит от того насколько она тяжелая.»

Он подошел к изножью, приподнял кровать и отодвинул её. Край одеяла лежал на голове девочки, и из-под него доносилось бормотание.

Конрад замер, прислушался. Тишина. Подошел к ребенку и мягко поднял на руки.

«Ей следует засунуть кляп.» — подумал он.

Но даже тогда её попытки кричать могут привлечь внимание. Или рискнуть и вынести её как получится? Закрыть ей рот он всегда успеет, поэтому можно было пойти на некоторый риск.

Он покачивал девочку, когда подошел к окну. Увидел, как стражник прогуливался по мосткам у стены. Всё было спокойно. Пока что.

А в том закутке, где его подельники прятались, он заметил те же самые две фигуры, но с бесформенным мешком. Должно быть, уже удалось вытащить женщину.

Конрад выбрался наружу, прошелся по карнизу обратно, чтобы его скрыла тень.

Девочка что-то говорила во сне, улыбалась, и Конрад убаюкивал её мычанием, которым родители успокаивают младенцев. Пока что, это срабатывало.

— Ты там всё? — спросил поделщик.

— Прими девочку. Она спит. — Прошептал Конрад, подавая ему ребенка.

— Где кляп? Солнце тебе в легкие. — Ругнулся мужчина, но просьбу исполнил.

Конрад спрыгнул на землю и забрал двое, а эти двое взяли мешок и понесли к стене. Казалось, что они нервничают. Даже больше, чем следовало на таком деле. Это из-за него или что-то пошло не так?

Тем не менее, тем же способом — из рук в руки, девочку удалось переправить и через стену. Несколько раз она почти просыпалась, но Конрад прижимал её к себе и гладил волосы, напевая мотив северных колыбельных.

Но все же, за две сотни метров от дома она проснулась. Открыла глаза, оглянулась, посмотрела на Конрада, испугалась. И первое, что произнесла:

— А где мама?

Он резко закрыл ей рот и прошептал.

— Мама рядом. Не бойся и не шуми. А то будет больно. Будь умной девочкой.

Упираясь губами в перчатку Конрада, девочка смотрела на него, и на глазах у неё наливались слезы.

— Если захнычет, схвати за горло. — Посоветовал один из похитителей.

Конрад не ответил. Уже сама эта фраза напугала ребенка. Хотя и не понятно было, знала ли она о своей судьбе или нет.

Они добрались до какого-то склада, где спустились в погреб. Первой внесли женщину. Даже в мешке она не сопротивлялась, как будто...

— Что вы с ней сделали? — спросил Конрад.

Похитители огрызнулись.

— Тебе какое дело? Все сделано чисто. Твоя часть работы выполнена. Мы сами все доложим госпоже. А ты не подставься под солнце.

Конрад нехотя отдал девочку, которая смотрела на мешок и проплакала:

— Мама?

— Будет кричать — заткни. — Посоветовал один похититель другому. — В подвале будет проще. А ты, малая, не бойся. Все будет с тобой, как в песенке. Какой? А ты сама выбери.

Конрад смотрел в глаза девочки, пока её не унесли.

На сердце становилось всё тяжелее. На какие еще злодеяния ему придется пойти, чтобы выполнить свою миссию?

«Маленькая жертва ради большого блага.»

О Боги, как же ему надоело это повторять. Цель оправдывает средства, смерти, потери. Еще один шаг и он откажется от этого, и пусть его нутро разрывает от появления каждого нового избранного, пусть ощущение направления не дает покоя, но это уже переходит допустимые границы.

Он пошел прочь и стал шептать, стараясь то ли успокоить, то ли убедить себя.

— Это важно. Никто кроме меня это не сделает. Ни у кого, кроме меня, это не получится. Я обязан, я должен, я...

Ему хотелось выть.

***

Через несколько дней он зашел к Хале. Собрал кучу чертежей и прямо днем пошел к её имению. На удивление, к ней стояла куча просителей. Кто с пустыми руками, а кто с

подарками. Охранники не впускали никого и давали односложные ответы. Единственное, что спасало просителей — множество навесов, что уберегали их от зноя. Мелочь, с помощью которой Хала держала поклонников и желающих её благоволения у своих ворот как можно дольше.

— Госпожа сегодня не принимает.

Конрад заискивающе улыбнулся, как это делал архитектор перед важными людьми.

— Я к госпоже. У меня новый проект её дома.

— Она сказала, что сегодня никого не принимает.

— Пожалуйста, мне надо её увидеть. Передайте ей, как только она узнает, то обязательно впустит.

— Иди своим путем. Если мы её побеспокоим, то две недели придется спать на животе.

Конрад закусил губу.

— А могу ли я обсудить или пообщаться с каким-нибудь из её мужей?

— Тоже заняты.

— Я насчет их подданных, которым перерезали сухожилия. — Прошептал Конрад.

Мгновение и вооруженные люди обратили на него всё внимание.

Поэтому он посмотрел им в глаза и спросил.

— Так вы позовете Унгала или Йорама?

Охранники отошли назад, не спуская взгляда с Конрада. Позвонили в колокольчик. Вскоре появился посыльный, который тут же убежал, а вернулся через пять мину вместе с Йорамом

При виде Конрада он помрачнел, сжал кулаки, но сдержался.

— Впустите его. — Прогромыхал Йорам.

Конрад снова нацепил заискивающую улыбочку и поклонился каждому охраннику.

Теперь они смотрели на него с нескрываемой подозрительностью.

Как только они отделились, Йорам заговорил.

— Однажды, я сломаю тебе пальцы, ноги, и все ребра.

Конрад вздохнул.

— Ты видел, что я делаю за пальцы моего друга. Себя я ценю больше.

Они еще секунду посмотрели друг на друга. И в это мгновение Конрад успел соскучиться по беззаботной жизни человека, которого никто не знает. По возможности отвести взгляд, извиниться и уйти, спрятаться, показать себя слабаком или ничтожеством, которое никто не тронет, которое никого не заинтересует. Но Йорам показал себя, показал свою готовность навредить Конраду.

— Жду не дождусь, когда госпожа закончит с тобой.

— Не ты один. — Твердо ответил он. — и чем скорее ты меня приведешь к Хале, там быстрее покину твой дом. Уверен мы оба этого хотим.

— Когда ты был молчаливым, ты мне нравился больше.

Конрад пожал плечами.

— Сам скучаю по тем временам.

Еще несколько секунд взгляда глаза в глаза. И Йорам повел его дальше.

Хала сидела за столом и писала письма. Рядом с ней горела свеча, а запах сургуча, казалось, пропитал собой каждую частичку этой комнаты.

— Что непонятного в «не беспокоить»? — спросила она, едва открылась дверь.

— Это Чужак, дорогая.

— Он разве не должен сейчас работать?

Конрад ответил.

— Раз здесь, то не должен.

Наконец, Хала отвлеклась.

— Зачем пришел? У тебя работа кончилась?

— Я на несколько минут. Узнать, как там заложники.

— В подвале. Дорогой, оставь нас.

Йорам медлил.

— Оставить нас — значит закрыть дверь с противоположной от меня стороны, дорогой.

Если есть возражения, я послушаю. — Она подняла палец, измазанный в чернилах. — но одну минуту.

Муж скрипнул зубами, поморщился и закрыл дверь.

— Ты всегда приносишь разлад в жизнь тех, с кем познакомишься?

— Чаще, чем хотелось бы.

Хала отложила перо, пергамент, расправила плечи, потянулась, встала из-за стола.

— Девочка в подвале. Если волнуешься о ребенке, то ей ничего не грозит. Она даже скоро повидается с отцом. — Хала взяла одно из писем, мельком глянула. — а если точнее, послезавтра.

— А её мать?

Она втянула воздух сквозь сжатые зубы.

— Вот о ней точно можно не беспокоиться.

— Те двое её убили.

— Тебе тоже есть кого убить.

— Но мы планировали просто похитить. И, надеюсь, вернуть?

— И у профессионалов случаются промахи. А что говорить о дебютантах.

Конрад посмотрел в сторону, на Халу.

— Торгаш же не простит смерти жены.

— Вспомни, что ты говорил об архитекторе и обо мне. Ему придется смириться. Тем более, я подыщу ему новую. Объясню проблему. Хотели немного придушить, но не рассчитали силы, время. Человек очень хрупок в самое неподходящее время.

— И вы оставили девочку вместе с трупом матери в подвале?

Хала прошла по комнате.

— Признаю, некоторые люди отказываются думать головой. Как только я узнала, что женщина мертва, я сразу убрала её. Боюсь, девочке это не особо помогло, учитывая её плач.

— Она видела тебя?

— Помилуй. Конечно, нет. Кого она и могла запомнить, так только тебя. Так что, ты обзавелся еще одной причиной сразу после переворот сбежать отсюда вместе со всеми грехами, которые мы на тебя повесим. Тебе же всё равно?

Конрад отвел взгляд.

— Да делай что хочешь. Но мне кажется, что...

— Мы переступаем какие-то границы? — Она поймала взгляд Конрада и усмехнулась. — Ладно тебе. Мы это начали. Ты недавно искалечил трех человеком и глазом не повел. Даже не пытался договориться с ними. Сразу начал с ножа. Так дела не делаются.

— Это уже обсудили.

— Знаю, но хотя бы не лицемерь. Или мне станет казаться, что ты начал

симпотизировать Кагану. Один раз зашел к нему в гости, затем он приехал к тебе посмотреть на здание. Что дальше? Пойдешь с ним пить чай?

Конрад посмотрел ей в глаза и кивнул.

Лицо Халы вытянулось.

— За какие...

— С его женой. Она пригласила.

Хала тут же расслабилась и выдохнула.

— Ах, эта девочка. Единственная, кого мне будет жалко. Созданная, чтобы рожать и восхищаться мужем. И, кажется, у неё это получается. Дурочка. Она такая добродушная, что мне даже хочется посмотреть на неё лет через десять или двадцать. При условии, если бы она осталась жива, увы. У-вы.

Хала пересчитала письма, пробежалась глазами по одному, отбросила в сторону.

— Конрад, ты ведь тоже убийца. — Продолжила женщина, уже тише. — Я была в ярости, когда узнала, что жена торговца умерла. И не только потому, что это уменьшило бы весомость шантажа, но эта женщина не сделала мне ничего плохого, я не желала ей зла. Ей просто не повезло. Такое случается. Я и так делаю всё, что могу, чтобы избежать лишних жертв. — Она указала ему на кресло. — помнишь, как предложили поднять бунт? Вспомни, кто был против. Я не хочу крови, но... ты же не маленький мальчик. Это только первые ростки. Дальше мне придется убирать несогласных, вешать и преследовать тех, кто будет противостоять. Возможно, мне придется даже казнить бывших заговорщиков, друзей, может быть, мужей. Тем более, что они порой позволяют себе отвратительные вещи. И мне придется нести это всё на своих плечах. На хрупких женских плечах. Никто у меня не заберет этот груз. Никто не предложит разделить. И я буду помнить, что каждый мой приказ — это всё равно, что убийство моими собственными руками. Но что сделаешь ты? Просто уйдешь.

— Меня будут преследовать.

— Кто? Я мужьям скажу, что и они и их люди нужны будут здесь — возле меня. И это правда. Ты выполнишь свою функцию и уйдешь, а мне придется наводить здесь порядок, доказывать всем, что я достойна.

— Продавать людей в рабство.

Хала, всплеснула руками.

— Ты будешь припоминать каждое мое слово с обсуждений? Чем их жизнь, бесполезная и ничтожная, сейчас отличается от рабства? Один из моих предков был рабов, но со временем выкупил свободу и стал судьей. А кем они будут, если не придать им форму? Я делаю это ради... — Она закрыла глаза и улыбнулась. — нет, не ради них. Ради себя и выгоды, но я верю, что это пойдет на пользу всем, хоть они и станут проклинать меня за своё потерянное прозябание жизни. — Она выдержала паузу. — Я ведь тебя не убедила?

Конрад вздохнул.

— Увы. Но я согласен с тобой. Видимо, это только начало. Каждый раз надеюсь, что всё обойдется одной смертью.

Хала сдвинула брови.

— Каждый раз?

Он заглянул ей в глаза.

— Да, Хала. Каждый раз. Спасибо, что вселила надежду. Торгаш присоединится к нам?

Она снова превратилась в хищную и расчетливую женщину.

— Только в качестве почетного гостя. Знаешь, у которых завязаны глаза.

Именно таким почетным гостем и чувствовал себя Конрад на чаепитии с женой Кагана — Катун. Просторный сад с небольшими ухоженными кустиками, беседка, которая закрывает от солнца и позволяет ветру безнаказанного вторгаться в неё и пускать волны по поверхности горячего чая.

Служанки словно гвардейцы окружили Конрада и девушку, высокий статус которой выдавало только общее к ней отношение.

— Я даже не знаю кому больше не ловко. — смущаясь сказала она. — вам или моим служанкам, что вы на них постоянно смотрите.

Конрад поймал себя на мысли, что так и есть. Девушки отводили взгляд и опускали головы. Хотя ему казалось, что они рассматривали его. А особенно — веревку с монетами. Наверное, рассматривали бы и нож, если бы его не забрали стражники.

— Не каждый день достаиваюсь чести пить чай с Катун.

Девушка хихикнула.

— Не поймите превратно. Когда я слышу «Катун», то в первую очередь думаю о матери моего мужа, а затем вспоминаю, что какой-то неожиданной случайностью это относится и ко мне. Когда ходила беременной, то все просьбы «Катун» мальчик в чреве отказывался слушать. Впрочем, это была моя единственная забота.

Конрад отпил чая, в который добавили тмин и розмарин. Ощущение, что ему приготовили мясной бульон, но без мяса.

— Так вы...

— Простолюдинка. — Пожала плечами девушками.

— Катун. — назвала её титул старшая из служанок — женщина в темно синем платье, которое оставляло открытым только лицо.

— И всё же. — продолжала Катун. — мне кажется, что это всё шутка нашего Кагана. — Она отпила чаю, приподняла брови и покачала головой. — довольно затянувшаяся шутка, признаю. Будто однажды утром проснусь, а вокруг меня не будет ни подушек, ни одеял, а только старый матрас, да куча одежды для стирки.

Конрад чуть не поперхнулся.

— Вы бывшая прачка?

— Помните, с кем разговариваете! — снова встряла в разговор служанка.

Катун же отнеслась к этому с улыбкой.

— Скажем, я просто младшая дочь.

— И как вы познакомились с Каганом?

Девушка покраснела от смущения, а служанка от гнева.

— Ваши вопросы некорректны, если продолжите ставить госпожу в неловкое положение...

— То я постараюсь с этим как-то справиться. — Нашлась девушка. — это и вправду очень неловкая история. Я даже не знаю, чего тут больше, удачи или не удачи.

Конрад усмехнулся.

— Я так же постоянно думаю обо всем.

— Вот-вот, — оживилась она. — я тоже. Когда что-то происходит. Я думаю, а удача ли это или неудача? А если удача, то как мне этим воспользоваться? И... — Она посмотрела на

служанок. — буду вам крайне благодарна, если вы закроете уши.

Служанки повиновались.

Конрад приподнял бровь, отпил чаю, и на удивление, следующий глоток понравился больше.

— Они же всё равно услышат.

— Да, но так я сниму с них груз ответственности. Открытые уши только у меня и у вас. А если поползнут слухи, то значит это либо вы рассказали, либо я снова заболталась.

— Тогда мне не сносить головы.

— Не волнуйтесь, я за вас вступлюсь. — Захихикала Катун и взяла какую-то сладость, посыпанную сахарной пудрой. — Вы знаете о темпераменте моего мужа?

Конрад подумал, как бы корректнее сказать о том, что он узнал от Халы.

— Он довольно веселый и любит подшутить над собственным дядей?

— О нет. Он очень любит женщин. — Спокойной продолжала она. — мне кажется, что именно поэтому он и взял простолюдинку в жены — я обязана ему всем, от меня не будет скандалов, да и мне легче будет принять, что мой господин смотрит на тех, кто лучше меня. Или хотя бы не хуже.

Конрад наклонился вперед заинтересованный.

— То есть, вы знаете, что ваш... Каган, пользуется благосклонностью других женщин и вы не против? Но что будет, если у него найдутся бастарды, которые станут соперничать за трон?

Катун опустила взгляд в чашку и взяла её обеими руками.

— Это не моё дело. Я всего лишь маленькая женщина. А насчет бастардов... Да даже если он наплодит пол армии их, то ничего нового не получится. У солдата же частенько как — мать шлюха, отец не известно где, вот и идут делать чужую мать шлюхой и убивать чужого отца.

Конрад обомлел от таких выражений. Ему пришлось зажмуриться и встряхнуть головой.

— Что? Простите, вы сейчас...

— А какое отношение к войне может быть у простой девушки? — пожала плечами Катун с озорством хулиганки. — Победы нашей армии не уменьшат количество нищих на улицах. Нет, там станет больше беспризорников, чьи отцы умерли, а матери не смогли заработать. Напомню, Конрад, я из простолюдинов. Я собственными глазами видела таких людей. Я убегала от них, подавала им милостыню, некоторых мы приглашали на ночлег. Слушали их, расспрашивали. Отец мой очень любил поговорить с другими. Вот так я и узнала много разных разбитых судеб. У кого-то солдаты убили отца, и он пришел в столицу. У кого-то мать от горя зашла и пошла по борделям. Герои нужны, но кто будет кормить голодных? Слава — плохая еда, её хватает для души, да и то на короткий срок.

Конрад слушал и кивал. Всё так, как он видел в каждой столице, которая кичилась своим величием. Блеск славы отбрасывал такую тень на отверженных, что их никто не видел и отказывался о них вспоминать. Они все, как будто жили в отдельном королевстве — королевстве ничего.

— Рад, что вами не овладела мания величия страны.

Катун улыбнулась.

— Почему же? Овладела, еще как. Больше, чем вы можете представить. Но я хочу не позолоты, как на этих чашках. — Она допила чай и разбила кружку о пол.

Осколки разлетелись и служанки тут же бросились поднимать их.

— Подождите. — остановила их Катун и продолжила. — Конрад, когда Каганат разбивается как кружка, становится ясно, что золото было только сверху. А внутри просто глина или фарфор. — Она повернулась к служанкам. — Продолжайте. Спасибо вам. — затем снова к Конраду. — я же хочу, чтобы моя страна была как котел из чистого золота — блестяла, её нельзя было бы разбить так просто, а еще в ней всегда была бы еда для всех желающих.

— По речам вы не похожи на простолюдинку.

Катун покраснела и отвела взгляд.

— Вы бы знали, как бывает скучно беременной и напуганной девушке во дворце. Меня спас старый друг товарища... в общем, библиотекарь помог мне.

— Но вы попросили у Кагана построить храм до того, как забеременели?

— Да. Я бы хотела учиться, но моя семья собрала деньги, чтобы отправить на обучение старшую сестру. Увы, её постигла беда любой ответственной и покладистой девушки, которая осталась без присмотра — вино, ночные встречи и полное равнодушие к учебе. У среднего брата получилось лучше. Ему удалось попасть к портным, и он готовился помочь накопить денег и для меня, но... — Она засмеялась. — Я сидела с покрасневшими от стирки руками, проклинала любвеобилие Кагана и поливала словесным дерьмом его шлюх. Да была так увлечена всем этим, что не заметила гостя в прачечной. И мне было все равно кто это: конюх, служка, поваренок...

— А это оказался Каган?

Девушка посмотрела на служанок и громко сказала.

— Сильнее прижмите уши, — Затем обратилась к Конраду. — в усмерть пьяный Каган. Я даже не смотрела на него, так была зла, а мы разговаривали, и в какой-то миг он засмеялся так, что облокотился на полку со стиранным бельем и опрокинул её на пол. Кажется, это был момент, когда рассуждала о матерях и отцах наших солдат.

Конрад улыбнулся, но Катун продолжала.

— И я вскочила, что огреть тряпкой этого, как я думала, идиота и уже замахнулась... или огрела, не суть важно. Но я поняла, что стою напротив Кагана, который барахтается в мокром белье.

Конраду показалось, что рядом скрипнули зубы. Он посмотрел на старшую служанку, и той едва хватало самообладания. У неё вздулась вена на лбу, лицо покраснело, а щеки тряслись, будто она скачет на лошади.

— Не самый величественный образ правителя.

— Какой был. — Катун взяла новую чашку и наполнила чаем. — но что-то пошло не так. Я думала, что меня подвешат за ноги или просто повесят, но... я вот тут, пью чай, бью чашки и... — она добавила тише. — бешу одну злобную стерву, которая постоянно требует от меня величественности. А вы с какой целью у нас задержались? Муж говорил, что вы предлагали свои услуги в качестве лекаря, но не прошли испытание.

— Зато раздел дядю Кагана.

Катун тихо засмеялась.

— Да, мой муж в красках описывал это и мы вместе от души повеселились. Тем не менее, вы еще здесь.

— Я подружился с архитектором, у него появились проблемы, а потому ему пришлось уехать в другие страны, и вот моя цель — закончить храм. Надеюсь, с этим я справляюсь.

— Вас кто-то учил нашему языку? У вас совсем нет акцента, в отличие от других

чужаков.

— У меня было несколько учителей, с которым я долго путешествовал.

Катун уперлась локтем в стол и положила голову на ладонь, затем покосилась на служанок и выпрямилась.

— Вам повезло. Это они вам подарили ваши монеты? Я вижу одну из наших старых. Такие редко у кого найдешь.

Конрад потянулся прикрыть монеты, но тут же убрал руку.

— Нет, это мне подарили.

— Друзья?

— Нет, скорее те, с кем меня свела судьба.

— Ой, а хотите, и я вам подарю монетку?

Конрад сглотнул. Сердце замерло, ударилось, снова замерло. Он почувствовал, как его лицо кривится в гримасе.

— Я что-то не так сказала? — забеспокоилась Катун.

— Нет, все хорошо, но, может быть, как-нибудь в другой раз. Не сейчас.

— Тогда хотя бы расскажите об этих людях, где они жили, как вы с ними встретились?

Конрад почувствовал, то ножки стула вдруг стали мягкими, и ему во что бы то ни стало надо стать на ноги.

— Предлагаю, этот рассказ отложить до момента подарка. Думаю, это будет лучшее время.

— Тогда вы явно напрашиваетесь еще на одно чаепитие. А значит, в ближайшее время еще не уедете? Что ж, я согласна, но я приглашала вас рассказать о землях, где вы бывали. Это сегодня можно?

Конрад расслабился. Избежать лжи и правдивого рассказа удалось. Тем более, что он никогда не знал, как отвечать на вопрос о монетах. Это причиняло боль, и уже только поэтому ему не хотелось об этом говорить.

— О каком месте вы бы хотел услышать?

Конрад принялся рассказывать обо всем, что он видел, как делал это в доме одного фермера. Он даже попробовал ложечкой нацарапать карту на столе, но Катун попросила этого не делать. Она восхищалась ручьями. Что плывут мимо ступенчатых скал, как будто маленькие люди выдолбили лестницы, чтобы спускаться к ним к воде, удивлялась желтым и зеленым озерам, что расположились у гейзеров, что бьют практически в самое небо. О таких невероятных животных, которых смог бы придумать разве что больной разум, о гиганских пауках, бабочках, что могут унести крысу и выпить всю её кровь. Об огромных реках, которые практически невозможно переплыть из-за бешеного течения и острых порогов. И как ему — Конраду пришлось делать крюк в целый месяц, чтобы перебраться. Еще о людях. Одни почитали кости предков, другие еще не рожденных детей. Были и те, кто скреплял души зверей и животных, но требовали от человека всего, что у него есть. О странных знахарях, которые говорили, что видят сущности, и что эмоции есть не что иное, как духи, которые соприкасаются с человеком. Об одинокой женщине, что сидит у костра, где каждому позволено отдохнуть, но нельзя принимать чужую еду.

Катун слушала, раскрыв рот, и забыла про осанку, про локти на столе, и про служанок, которые до сих пор зажимали уши. Лишь через полчаса она вспомнила о них, когда у одной из них руки упали плетью.

Конрад пародировал различные говоры, акценты, шутил, что некоторые уважительные

слова, у других народов смертельное оскорбление.

Он и сам не заметил, как наступил вечер, чай давно кончился, а служанки уже начали перетаптываться с ноги на ногу. И даже старшая из них подавала признаки усталости.

— Кажется, я увлекся. — сказал Конрад, когда понял, что увидел зажженные лампы и свечи во дворце. — И. Оу, а как же ваш сын?

Катун вмиг погрузилась.

— С ним всё хорошо, поверьте. У него есть кормилица, а принести его, я бы при всем желании не могла. Предсказатели нагадали, что до пяти лет ему грозит опасность, после чего он станет величайшим правителем. Увы, видимо, я плохая мать, но не могу сидеть в заточении в башне. — Она вздохнула и посмотрела на дворец. — Мне нравится всё это, я люблю сына, но... я же не могу жертвовать собой ради него. Ох, простите, вам не стоит слушать жалобы простой Катун. Прошу вас, проводите меня, а по пути расскажете еще чего-нибудь.

Конрад встал и поклонился.

— Почту это приглашение за удачу.

— Хотя вряд ли вы что-то сможете из неё извлечь. — улыбнулась она, и служанки помогли ей подняться.

Они снова прошли по саду, и Конрад рассматривал то, что не было отмечено на чертежах. Подмечал некоторые элементы, новые постройки, и рассказывал о похожих, но лишь затем, чтобы лучше запомнить самому.

Оказалось, что чертежи точны, но со временем некоторые здания изменились. Какие-то снесли, другие выросли, закрывая те или иные проходы. Когда дошел до башни, у которой он почувствовал, что избранный здесь, выше него, на самом верху под крышей. Но у него не было ни оружия, ни возможности.

Шесть стражников встретили их, несколько служанок сразу же ушли, и Конрад заметил, как они разминали плечи, и что двигались они чуть иначе, чем другие девушки.

— Благодарю вас за истории, Конрад. Мир, оказывается, гораздо шире и разнообразнее, чем я могла представить.

— Поверьте, к этому в какой-то момент привыкаешь.

— Надеюсь, со мной так не случится. Если вы захотите еще попить чаю, передайте сообщение через Ламуша. И я вам дам ответ. До следующей встречи.

Стражники сопроводили Катун внутрь, а еще четверо заслонили проход собой.

Одна из служанок коснулась локтя Конрада и ладонью указала на путь к воротам. Он последовал её указанию, но поднял глаза и остановился. Вся стену покрывал резной узор. Животные, люди, растения, которые объединялись в различные сюжеты.

— А там вырезано... — начал Конрад, но не знал, как закончить. — Сказания?

— История нашего Каганата. Великие правители, их деяния и судьбоносные решения. Я могу пересказать их вам, по пути к выходу, если вам будет интересно.

— Да, конечно. Но это ведь лепнина? Сколько же труда было вложено. И как опасно все это клеить.

Служанка еще раз коснулась локтя, но настойчивее.

— Прошу вас. Нам пора. Нет, это было задумано архитектором. Это наши восемь башен — все по сторонам света. Для каждой башни вытесывали свои блоки с определенными сюжетами. Это Башня предков. Там еще башни науки, искусства, тени, славы, две родительские башни и башня правителя. Мы считаем этот труд величайшим из трудов

архитекторов и каменщиков.

— Не помню, чтобы Зальдур настолько решил удорожить постройку.

— Всё верно. Как описано в его дневниках, изначально он хотел построить дворец, но затем решил, что хочет произведение искусства, чего бы это ему не стоило. В итоге, после его смерти, у него не было ни единой монеты — всё он потратил на художников и на дополнительную плату камнетесам. Но оставил после себя башни.

Конрада все больше и больше удивляли люди, которые жили внутри дворцовых стен.

— Вы архитектор? — неуверенно спросил Конрад.

Девушка улыбнулась и покачала головой.

— Когда госпожа сидела в библиотеке, то она сидела не одна. Все мы были с ней. И чтобы нам не было скучно, и по её приказу, мы читали самые разные книги. А потом рассказывали самое интересное из них. И так каждый день.

Конрад не сдержал ухмылки. Катун таким образом не только сэкономила себе время, но и делила какие-то знания вместе со своими служанками. Вряд ли это можно было бы назвать настоящим образованием, но уже это значимый вклад. Особенно, если это длится достаточно долго.

— Вы удивлены?

— Да. — Не стал скрывать Конрад. — но это приятное удивление. Благодарю вас за то, что рассказали. Дальше я сам пойду, не возражаете?

Служанка поклонилась.

— Как пожелаете. Пусть солнце и тень борются меж собой, чтобы провожать ваш след.

Конрад пошел дальше, но замер, обернулся, посмотрел в след девушке.

«Солнце и тень? Странно. Очень странно.» — подумал Конрад и вышел из внутреннего двора.

Когда за Конрадом остались внешние ворота дворца, а потом еще триста метров, он повстречал Унгала. Тот в компании еще четверых мужчин стояли с оголенным оружием.

— У вас так много людей? — спросил Конрад, но за кинжалом не потянулся. Против четверых, готовых к бою, у него было мало шансов. Тем более, чтобы оставить их в живых. А убийство мужа, вряд ли бы Хала простила.

— Моя супруга ждет тебя. Мы проводим.

— Место то же?

Унгал кивнул. А Конрад спросил

— Хала не знает, что ты взял людей, чтобы меня сопроводить, я прав?

Он усмехнулся, но снова кивнул.

Сопровождавшие Унгала выглядели еще менее дружелюбно, чем любой человек Халы, которого Конрад встречал. Двое из них не сводили взгляда с его ножен.

— Но ты решил припугнуть меня, проявить инициативу, как это сделал Йорам, и, возможно, получить больше внимания и уважения жены?

Унгал шагнул к нему.

— Она сказала тебя привести и ты пойдешь. — отрезал он.

Конрад вздохнул и прислонился к стене.

— Я хоть раз ей отказывал? — посмотрел на остальных мужчин, и продолжил. — Могу я с тобой поговорить? Мои руки на виду.

— Так говори.

— Мне не нравятся твои люди. Им хочется спровоцировать меня.

— Ха. Да ни разу. — Ответил кто-то из «свиты», но Унгал осадил его взглядом.

Даже во мраке он слишком явно размышлял. Даже не пытался это скрывать. Бедолага. Так хочет покрасоваться перед женщиной, что допускает такую же ошибку, как и Йорам — совсем не думает.

Наконец Унгал подошел к Конраду почти в упор, чуть не задев грудью его нос.

— Ты ведь знаешь, где я был, раз ждал меня. — Заговорил Конрад шепотом.

— Угу.

— Помнишь, когда вы пришли за своими товарищами, то я говорил, что Йорам не думал? Так вот. Ты тоже не потрудился это сделать. Какая вероятность, что за мной кто-нибудь решит проследить? И какова вероятность, если меня заметят с пятью вооруженными людьми по бокам, то не станут задавать себе и другим вопросы?

Конрад почти слышал, как Унгал шевелит мозгами, обдумывая логику. Очень рьяный, сильный, но как же грустно, что за него всё решала жена, а он лишь выступал кучей мышц.

— Уверен, что за тобой следят? — в его голосе послышалось беспокойство.

Конрад поджал губы, посмотрел по сторонам.

— Не знаю. Но давай просто выйдем из подворотни, пройдем до ворот твоего имения. И уже оттуда пойдем на встречу. Хорошо?

Унгал ругнулся и отвел взгляд.

— Свиное дерьмо. — Развернулся. — всем разойтись. Я сам доведу.

Как только его свита исчезла, они с Конрадом вышли на улицу. Невозможно было оставаться неприметным рядом с этим бугаем. И если есть шпион, то для него не станет эта

встреча удивлением. Тем более, что Хала последнее время, всё-таки заезжала на стройку.

Конраду приходилось порой переходить на бег, чтобы поспевать за здоровяком. Тот шел с таким выражением лица, будто собирался кому-то переломать все кости. Не сложно было догадаться чьим костям, в случае чего, следовало побережться.

— Замедлись, пожалуйста. — сказал Конрад.

— Удушить бы тебя. — пробормотал Унгал, но сбавил ход.

Конрад вытер пот с лица и поровнялся с ним.

— Не я создаю тебе проблемы.

— Рот замажь. Слышать тебя не хочу.

— А ты сделай над собой усилие.

Не успел Конрад опомниться, как мужик поднял его за шиворот одной рукой, а другой врезал в скулу.

Конрад отлетел в сторону, зазвенели монеты, кожа треснула и по щеке потекла кровь. В голове загудело. Он попытался схватить нож, и даже вытащил его, но не в силах был встать. Он хватался за стену и фокусировал зрение, но вокруг все плыло.

«Какой же он быстрый.»

Конрад приготовился к череде ударов, которые превратят его череп и ребра в костную муку, но нет. Унгал стоял и сжимал, разжимал кулаки, пока вокруг него собиралась толпа. Он громко дышал, не сводя взгляда с Конрада.

«Ты хоть что-нибудь видишь кроме того, что у тебя перед носом, идиот?» — подумал Конрад пробуя удержаться на ногах. Оглянувшись, поймал несколько испуганных взглядов. — «Того не стоит.»

Он приложил все силы, чтобы выпрямиться и всю смелость, чтобы убрать оружие. Этот жест смутил Унгала, и только сейчас он заметил кучу людей, которые обступили их и смотрели, перешептывались.

— Это ведь муж Ханалы?

— Похоже он. А кто этот чужак.

— Видел его возле храма.

Испуг пробежал по лицу Унгала, желваки заиграли, и он отступил на шаг, на второй, развернулся и лицом к лицу столкнулся со стражниками.

Те быстро оценили ситуацию и вытащили оружие.

«Идиот. Только не сопротивляйся.»

— Этот песчаный червь меня оскорбил. — начал он, тыча пальцем в шатающегося Конрада. — я его предупредил, но он...

— Да кто в здравом уме тебя оскорблять будет? — Послышался голос из толпы. — Ты ж шо бешенный бык.

— Я видел это чужака. К нему сам Каган заходил на стройку. Честн слово. Стал быть не дурак.

Не смотря на темноту, вокруг горело столько свечей и факелов, что на лице Унгала блестели капли пота, а глаза бегали, словно ища способ выбраться из окружения. Хотя стражники сами были бы рады не драться с ним. Слишком непредсказуемый итог боя, да еще и ссориться с женой этой туши — худшие последствия, даже если отделаешься сломанной челюстью.

Унгал повернулся к Конраду, и в его глазах были ужас и мольба, вместе со злобой.

— Признайся, ты оскорбил меня. Я прав. Я сделал как надо.

— Быть того не может. — Ответил Конрад, вытирая кровь. — если сказать, что у мужчины самая умная и красивая жена, то что это за оскорбление?

Лицо Унгала вытянулось. Он не обращая внимания ринулся на Конрада, но тот уже был готов. Ушел в сторону, нырнул под руку, почувствовал, как кончики пальцев здоровяка хватают за воротник, но соскальзывают. Отбежал на несколько метров.

— Да помогите же кто-нибудь! — крикнул он и нырнул в толпу.

Люди расступились перед ним, а позади уже орала стражники.

— Стой, куда пошел?

Но у них появилась проблема похуже — Унгал, который, не обращая внимания на зевак, рванул за Конрадом. Послышались крики, кто-то пытался остановить здоровяка, но единственное, что требовалось от них — замедлить его.

Конрад не стал идти ни в логово заговорщиков, ни в имение Халы.

— Стоило у Кагана попросить больше охраны для храма. — Пробормотал он, чувствуя, как рана на скуле пульсирует.

Капли скатывались до подбородка и оттуда капали на грудь. Он вытер щеку перчаткой. Но через секунду снова почувствовал, как кровь щекочет кожу.

Когда он добрался до стройки, то забрался в кабинет, закрыл дверь на ключ и упал на стул.

Хала была полностью права насчет своих мужей. Два полных идиота со слишком большим желанием оказаться ей полезным. Будь они хоть чуточку более ленивыми, вялыми, умными, да хоть что-нибудь кроме силы и энергии, то можно было бы с ними работать. Проклятье, да он и сам хорош. Знал же, что этому олуху ударить кого, как колено почесать, нет.

Конрад отвернулся и посмотрел на себя в зеркало. В нем не было привычной потерянности, как бывало после долгих переходов. Слишком много людей, слишком много общения с ними. Он буквально заражается их пороками. Желанием показаться лучше и умнее, чем он есть.

Конрад уронил голову на руки, почувствовал себя опустошенным и ничтожным.

— Как же я хочу отсюда уйти. — Пробормотал он, посмотрел на матрас в углу комнаты и улыбнулся. По крайней мере, у него есть где уснуть.

***

Проснулся от топота, криков, какого-то шуршания и стука. Где-то снаружи скрипнула древесина, как будто передвигали тяжелый стол, прозвучало несколько команд, и снова раздался скрип.

Конрад зевнул, утер лицо, стряхнул подсохшую кровь с затянувшейся раны, и еще минуту смотрел в потолок. Вчерашняя мысль снова ворвалась в сознание «Как же хочется уйти отсюда.» Но дело не сделано, а значит... Надо вставать и заниматься делами. Тем более, что кто-то уже хозяйничает в храме.

Он попытался выйти, но дверь во что-то уперлась. Конрад заметил рабочего.

— Подождите, мы сейчас.

Рабочий прошел вперед, держа край шкафа. Через щель в двери Конрад наблюдал, как мимо идут люди. Он снова попытался выйти, но раздался чей-то вскрик.

— Еще немного. Оно тяжелое.

Двое других рабочих тащили на носилках стопки книг.

Перед третьей попыткой Конрад спросил.

— Теперь-то я могу выйти?

Никто не ответил. Лишь перекрикивания рабочих смешивались в гул. И только он вышел, как увидел, что на него несут еще один шкаф. Он прижался к стене, пропустил их и вышел в главный зал, где стоял Ламуш в компании своих прелестниц.

Он раздавал указания, говорил помощницам что необходимо записывать, что вычеркнуть, что добавить. И делал это с таким усердием, как маленький ребенок, получивший новую игрушку.

— О, лекарь, и ты тут. Отлично. Я решил переоборудовать башню на нужды храма.

— Поставить решетки и охрану? — Конрад почувствовал, что во рту пересохло. Поискал глазами хоть что-то, что можно попить, как в следующий миг одна из помощниц протянула ему бурдюк.

— Вино. — коротко сказала она.

Конрад поблагодарил, протянул руку и замер, заметив шрамы на кисти девушки. В следующий миг рукав скрыл их, оставив для любования напудренные пальцы с коротко остриженными ногтями.

Он попил, почувствовал вкус слив и винограда. Легкий и едва сладковатый.

— Я сейчас разбавляю, чтобы быть в рабочем состоянии. — Не глядя на него сказал Ламуш. — отлично утоляет жажду... напиться. Нет, нет. Портреты ученых на другую стену. Когда солнце будет восходить — лучи должны падать на их лица.

Конрад всмотрелся в портреты. Люди на них казались слишком молодыми, слишком красивыми, чтобы быть хотя бы одним из тех мудрецов, кого он знал.

— Мальяф, Нихайла, Зальдур и Гускалия. Слева направо.

Лицо Конрада вытянулось. Темноволосый красавец с орлиным носом и карими глазами не особо был похож на архитектора, который ссутулился от работы за чертежами, чьи глаза поблекли, да и всегда один находился выше другого. А орлиный нос у него мог бы быть, только если кто-то его очень старательно бы сломал. Несколько раз.

— Сомневаюсь, что эти портреты отражают реальность.

Ламуш отмахнулся, глядя, как заносят статую старика с лампой в руке.

— Какая разница? Все они мертвы, а люди хотят быть похожими на красавцев. Правду говорю, сладкие?

Девушки улыбнулись и кивнули.

— Хотя согласен. В них нет чего-то глубокого. Запишите, что надо добавить морщин, немного возраста, чтобы сложилось впечатление напряженного умственного труда. Пусть считают, что все приходит через долгие размышления. Срок у них два дня. Не больше.

Конрад наблюдал за этим мужчиной, который ворчал, отдавал приказания рабочим. В общем, делал всё то же самое, что и архитектор, но чувствовалось это гораздо иначе. Сейчас это была душевность, волнение за будущий результат. Волнение предвкушения, желание сделать настолько хорошо, насколько это вообще возможно. Чтобы тот, кто увидел труды твоих рук, обомлел.

— Вы изменились. — заметил Конрад, улыбаясь.

Ламуш поднял палец, отдал несколько приказаний и обратился к нему.

— Когда не думаешь, как бы не свалиться, освобождается много сил для размышлений, идей. — Он улыбнулся, покосился на дам, и снова посуровел. — и других приятных вещей.

— И вы даже начали бегать?

— Бегать. — Ламуш повернулся к Конраду и смерил его с ног до головы. — Не

зазнавайся. Я лишь вернулся к копыю и мечу. Еще немного стрельбы из лука. — Он усмехнулся. — Тело отлично помнит каково это — поражать мишень в самый центр. Но да, изменения есть. И всё благодаря моему господину, благодаря его дурацкой идее обучать простолюдинов. В этом даже проклевывается какой-то смысл. Возможно, я тоже найду для себя во всем этом выгоду.

«Ты уже её нашел.» — мысленно ответил Конрад.

— Я думала, что здесь вырос огромный муравейник. Но потом вспомнила, что здесь должен стоять храм.

Конрад и Ламуш повернулись к выходу. Там стояла Хала вместе с Йорамом и несколькими слугами.

Девушки убрали журналы и перехватили перья так, чтобы они ложились вдоль указательного пальца, и встали за своим господином.

Конрад поклонился.

— Господин Ламуш облагораживает труды архитектора, госпожа. Я уверен, через два дня никто не узнает это здание.

— Уже. — ответила она и взмахнула рукой.

Конрад подметил, что в этом жесте уже не было той легкости и спонтанности, какая была раньше. Да и слой пудры скрывал многие детали её мимики, в том числе и мешки под глазами. И тут Конрад остолбенел, даже отошел. Хала не скрывала лица. Она как будто нанесла пудру на все, кроме шрама. Некоторые рабочие облизывались, глядя на её фигуру, но как только видели лицо, спешили вернуться к делу, как и те, кто ловил взгляд Йорама.

— Приятно видеть ваг лик. — Со всем уважением сказал Ламуш и склонил голову. — Мне иногда казалось, что вы — это лишь ехидство с человеческими глазами.

— Увы, увы. Но мне приходится пользоваться этой уродливой челюстью. Какая есть, — Она улыбнулась и посмотрела на Конрада. — Некоторым даже этого не светит.

Ламуш улыбнулся и сложил пальцы на животе.

— Могу им посочувствовать — они многое теряют. Еда может приносить такое же удовольствие, как и другие плотские наслаждения. Но без челюсти ей сложно радоваться.

— В таком случае буду пользоваться моментом и улыбаться, пока такая возможность есть. — ответила Хала, скалясь.

В этот миг ему удалось рассмотреть пожелтевшие от табака зубы.

— Вы, я смотрю, тоже отказываетесь от некоторых своих привычек. Наконец-то решили воспользоваться всей обувью, что скопилась за десять лет? — продолжала Хала.

— Увы, как оказалось, мои прекрасные спутницы не всегда могут меня сопровождать. Точнее, я понял, что иногда приятно побыть самостоятельным.

Хала посмотрела на стены, на мебель, которую расставляли рабочие.

— Некоторые мужчины слишком самостоятельны.

Ламуш пожал плечами.

— Просто им следует иной раз попросить помощи. Мне редко отказывают. Наверное, поэтому я как-то и разучился некоторым простым вещам.

Хала приподняла бровь. Посыпалась пудра, но она даже не заметила этого.

— Этике?

— Беспокорству из-за слов подлецов и лжецов. Еще стал менее злопамятным, оттого нахожу в некоторых людях интересные черты. Более того, я готов называть их друзьями.

— Неужели это о Конраде?

Ламуш с недоумением посмотрел на него.

— Нет. Конечно, нет. Из-за него затянулась постройка храма, а потом он занял место того, кого мне хотелось наказать за пьянство. Этот человек редчайший подлец и дружбы с таким иметь точно не хочу. Но как исполнитель он мне нравится.

Хала улыбнулась так широко, что у неё треснула губа. Капелька крови нырнула в ямки шрама. Женщина подставила руку, и слуга положил в неё платок.

— Очень на это надеюсь. Знаете ли, нас с Конрадом тоже объединяет одна очень интересная задумка. Уверена, вы будете в восторге от неё.

Ламуш хмыкнул, но с сомнением.

— Надо же? И какая?

— О, я хочу сменить жилище, и он благородно согласился мне в этом помочь. Мои люди были свидетелями его талантов.

— Закончить строительство за другого — не велика работа.

— Но вот начать что-то — тут нужна смелость и некоторая доля безумств. Как, например, раздевать дядю Кагана.

Ламуш засмеялся и развел руками.

— Что могу сказать? Все-таки и меня хотя бы раз раздел мужчина. Некоторым повезло гораздо, гораздо больше в этом.

Конрад почувствовал, как загустел воздух. Йорам шагнул вперед, и в этот же миг руки спутниц дворянина легли хозяину на плечи. Девушки будто превратились в две пружины. Подолы платьев собрались сзади, оголяя стройные ноги с развитыми мышцами и синяками на голених.

Хала тоже положила руку на плечо мужа. Хоть ей и пришлось потянуться к нему.

Она сказала:

— Ах, интересно было бы послушать об этом, но приличия не позволяют дамам интересоваться подобным. Я ведь правду говорю, мои сладкие? — Последние слова она обратила к спутницам Ламуша.

Те одним движением вернули подолы на место, превратившись в обычных помощниц, но со смертельной решимостью во взгляде. Они кивнули, держа всё внимание на Йораме.

— Вы полностью правы, госпожа. — Ответили они.

Ламуш потер ладони, цепляясь перстнями друг за друга.

— Но мужчины всегда были слабы к обсуждению подробностей. Мы с Конрадом как раз обговаривали некоторые детали будущего этого здания. Но вашему мужу не с кем обсудить какую-бы то ни было тему. Ведь доверенный разговор возможен только между одинаковыми полами. Кажется, у вас их было два? Что стало со вторым? Заблудился без вас в городе? Я могу попросить стражников, чтобы они поискали его..

Улыбка Халы увяла. Она еще крепче сжала плечо Йорама, чтобы он остался на месте.

— Спрошу об этом кого-нибудь из них. Но пока что моему мужу и вправду не с кем обсудить мои дела и мой новый образ. Надеюсь, вы уже наговорились с Конрадом, а то мне не терпится ему рассказать, что же я придумала для него.

Ламуш вопросительно посмотрел на Конрада.

Тому хотелось бы остаться здесь — на виду у рабочих, но ситуация требовала... Чего? Ему нужна была Хала, какую бы опасность не несли её мужья, это был риск, но риск оправданный. Тем более, не могут же они оба быть такими быстрыми.

Конрад вспомнил, как Йорам схватил его и бросил в дом.

«Или могут?»

Он кивнул Ламушу и обратился к Хале.

— С радостью обсужу будущий проект. Пройдемте в мой кабинет?

Хала покривилась.

— Там не хватает мебели на мой вкус. Лучше в моем имении.

«Не удивлен.»

Конрад тяжело вздохнул и поклонился Ламушу.

— Господин, вынужден оставить вас. Работа требует удалиться.

Но тот хмыкнул.

— Как пожелаешь, но на твоём месте я бы имел дело с более приятными женщинами.

Если что, по этому вопросу можете обратиться ко мне.

Конрад ответил ему улыбкой и последовал за Халой.

До самого въезда в ворота они молчали. Конрад не хотел поднимать тему нападения Унгала, да и расспрашивать тоже опасался. Хала явно давно не спала, и её поведение стало слишком агрессивным, резким, непредсказуемым. И это могло обернуться проблемами для всех.

— Тебя зашьют в быка. — Как ни в чём ни бывало сказала она. — а потом запекут.

Конрад положил руку на сиденье рядом с ножнами, коснулся большим пальцем рукояти.

— Мне казалось, что я вам нужен.

Хала нахмурилась.

— Ну да, ты что, совсем не слушал меня?

Конрад замер. Мог ли он что-то пропустить, погрузиться в свои мысли? Но такого давно не случилось.

— Если про «защиты в быка», то я прекрасно всё выслушал.

Хала вздохнула и закатила глаза.

— До этого.

— Ты молчала.

Она потерла висок.

— Разве? Мне казалось... Ай, плевать. Я крайне разочарована, что ты вчера не пришел на разговор с торгошником. Мне пришлось самой все придумывать и решать.

— Унгал пришел за мной с оружием и подкараулил в переулке.

— Но ушли вы с ним вдвоем. — Возмутилась Хала. — после чего случилась драка, из которой ты сбежал, а моего мужа схватили стражники. Ты решил сначала оставить меня без людей, потом без мужа, чтобы что? Самому возглавить восстание, захватить...

— Нет. — Резко ответил Конрад. Громче и жестче, чем он хотел. — Мне нет до твоих проклятых амбиций дел. Как и до твоих мужей и людей, пока они не пытаются угрожать мне. И я думал, что ты это поняла. Унгал чуть не снес мне голову просто потому что он кретин, который подждал меня недалеко от дворца сразу после того, как я был в гостях у Катун. Если ты приказала ему так встречать меня, как будто он собирается ограбить или убить, тогда я пойду к нему и извинюсь. А нет, так значит, он сам заслужил. Научи своих людей думать! — последние слова он чуть не прокричал.

Занавеска паланкина отдернулась и там стоял Йорам.

— Что я говорил? — продолжил Конрад, не обращая на него внимания. — Я исчезну, а они тебе продолжают доставлять проблемы и превращать друзей во врагов. Если ты их

держишь только для этого, то... — он развел руками. — Мне плевать. Только больше не позволяй им приближаться ко мне. Я ведь это уже говорил! — Конрад перевел взгляд на Йорам. — А то сделаем то, что оба очень давно хотели, ведь так, Йорам?

Здоровяк перевел взгляд на Халу. Та сжала челюсти и скривилась от злобы. Не было в ней больше грации, интриги, опасного флирта. Нет, всю её натуру будто протерли сквозь дно горной речки, оставив голую и неприкрытую суть, искаженную усталостью и нетерпением.

— Но если ты вернешься, я прикажу с тебя сдирать кожу. Лоскут за лоскутом, и буду кормить тебя этим вместо еды. Лоскут на завтрак, на обед, на ужин. — шипела она.

Конрад мрачно усмехнулся.

— Согласен. Но сначала закончим дело.

Проклятье. Он стал отражением всех этих людей. Усмешки, угрозы. Он становился противен сам себе, уходя то в ненужное беспокойство, то в готовность лить кровь из-за идиотского чувства гордыни.

Хала оскалилась и откинулась.

— Закончим. Еще как. Идём, нас ждут твои любимые чертежи. Хотя мне они порядком надоели.

Они прошли по коридорам и вошли в богато украшенную комнату, в которой, тем не менее, пахло затхлостью. На бордовых подушках следы от вина, в которые затерлась пыль, образовав корку грязи. На столе валялись апельсиновая кожура вся в жирных пятнах.

— Ты не пришел...

— Я помню. — Отрезал Конрад.

Хала указала Йораму подойти ближе и поставила между собой и Конрадом.

— Разговор был трудный.

— Как и удар Унгала. Может, к делу?

Хала скрипнула зубами, качнула головой и взяла чертеж.

— Ты окажешься здесь. В зале стражников. Здесь же и устроишь пожар — это и будет знаком. Лучшее время — спустя пару минут после начала салюта.

— Он будет?

— Торгаш сам поставлял товар Кагану. Так что будет. Да такой, будто десятки солнц взойдут. За хлопками не будет слышно пожара и криков. По крайней мере, не сразу. Поджигаеть — мы замечаем и устраиваем штурм. А там ты делай, что тебе хочется. Режь, кого вздумается.

Конрад скрестил руки.

— К этому мы давно пришли. Как я попаду к стражникам?

— Я тебе говорила. Тебя зашьют быка и запекут.

— Хорошая шутка.

— Не шутка. — ответила Хала и достала из под чертежей корявый рисунок с быком и огнем под ним. — Тебя вместе с сосудами с маслом завернут в мокрое одеяло. Только заранее достань нож, если что-то пойдет не по плану. Затем вложат в брюхо самого большого быка, которого торгаш сможет найти, а там мы обжарим внешний слой так, чтобы он казался хорошо пропеченным.

— И торгаш преподнесет быка как подарок стражникам?

Хала кивнула.

— Точнее командиру. Он примет подарок и вероятнее всего выгонит на улицу стражу. Останется только с близкими. Сомневаюсь, что к этому моменту они будут трезвыми, но

тебе придется сразу убить тех, кто будет рядом. Только не выбирайся раньше времени. От тебя требуется терпение.

— А если быка попытаются разрубить?

— Там нет ни таких топоров, ни таких людей. Максимум, вскроют брюхо, отрежут кусок. Может быть, даже не совсем сырой. Ты, главное, жди. Устрой им неожиданность.

Конрад размышлял. Идея примерно как с сотней деревянных лошадок, но тут есть продажный человек, торгаш, который его подкармливает и поддерживает. Худшее, что произойдет — его найдут. Но как? Вряд ли кто станет вскрывать шитое брюхо раньше времени. Тем более, если сказать, что там есть кое-что интересное.

Конечно, Конрад не увидит, куда его принесут. По плану Халы в казармы, но планы имеют свойство рушиться. Значит, придется осторожнее подойти к разведке.

— Я могу опоздать с пожаром.

Хала вскинула брови и убрала рисунок.

— Отчего же?

— Если капитан такой жадный, то может отнести меня не в казармы, где все увидят. В таком случае мне придется понять, где я нахожусь, добраться до казарм и только потом поджечь. Да еще, чтобы стражники не заметили меня. Это может занять достаточное время. Так что не торопитесь и ждите.

— Знаешь, кто обычно медлит?

— Предатели. Да, которые сначала позволяют себя засунуть в быка, где стану беззащитными перед ятаганам и злостью их владельцев? Что Йораму мешает зарезать меня, а затем занять мое место?

— Размер. — пробасил он.

Конрад смерил его. И правда, размер такой, что придется достать слона. А это слишком подозрительно. Тем более, кто в своем уме станет запекать целого слона?

— А другие мои люди хоть и верны, но так уж вышло, что те, кто готов был совершить такое, уже не могут бегать.

— Не зря я сделал это с ними.

Йорам сжал спинку стула так, что она захрустела.

— Что с остальными бунтовщиками? — спросил Конрад. — Какие у них задачи?

— О, соответствующие. Тем более, что за это время нас стало меньше. Сомнения, жадность, трусость. Даже среди заговорщиков такое случается. Поэтому, Конрад, они знают о твоих делах столько же, сколько и ты об их.

— В отличие от тебя и твоих мужей.

— Именно.

Конрад кивнул.

— Мне подходит.

— Отлично. Тогда не забудь заранее сходить к Сайдуну за бутылками с маслом. А то с близостью важных событий, даже я начинаю во многом сомневаться.

— Во мне?

— И это тоже. — Она указала на выход. — а теперь иди и занимайся своими делами.

Конрад обошел стол с противоположной от Йорама стороны, развернулся спиной к проходу и вышел, не спуская взгляда с этих двух человек.

Ему всё меньше нравилось то, во что он влез и те, кто там его встретил.

Глава 6 часть 1

Через два дня перед храмом собралось уйма народу. К тому времени в нём ожидали охранники, будущие учителя, некоторые дворяне. Все ожидали Кагана, который откроет первое бесплатное учебное заведение для простолюдинов.

Разномастная толпа заняла площадь перед входом. Конрад заметил карманников, что шныряли между рабочими, низким дворянством и людьми, у которых были кошельки. Нищие не стеснялись даже здесь просить милостыню, а некоторые стояли возле переулков, высматривая для себя жертв. Последние делились на два типа: шлюхи и бандиты.

Какой-то организатор бегал от одного присутствующего к другому, поправлял пояс, сдувал пылинки с доспехов, протирал их тряпкой с таким усердием, что стражники начинали раздражаться. Этот чудака даже подбежал к Конраду, поморщился, глядя на почищенный, но потертый жилет, на растоптанные сапоги и волосы, что лежали так, как Конрад их пригладил после сна, то есть торчали во все стороны.

— Пойдите ровно. Я же не собираюсь рубить вам голову. Наклонитесь, да. Сколько пыли и грязи. Вы спите в хлеву? Даже у свиней шерстка чище.

На этом Конрад просто перестал его слушать и лишь сжимал челюсти, когда этот мужичок расчесывал его. Несколько раз гребень хрустнул, и на пол упало три зубца.

— Какие густые волосы. Я схожу за новым и приду.

— Лучше побеспокойтесь о других. Вон стражник вытер соплю о подол халата.

Мужичок аж подскочил.

— Какой? Какой из них? Каган сказал, чтобы все было идеально.

— Я не знаю его, он, кажется, поднялся уже на башню. Поищите его там.

— Поискать, да за такое сбросить его надо. Столько стараний, лучшие портные, а он соплю растирает?!

Его вопли и жалобы разносились по всему храму. И когда он исчез в коридоре, который вел к башне, многие облегченно вздохнули. А кто-то с благодарностью кивнул Конраду.

Все ждали Кагана. Все кроме того солдата, который побежал к входу в башню и продел кочергу между дверными ручками. Всего лишь за пару минут в одном храме появилось два общепризнанных героя.

— Каган. — Сказал солдат, смотрящий в окно, прыгнул и подбежал к своему отряду.

Их командир осмотрел собравшихся, усмехнулся, кивнул в сторону башни.

— Кто пойдет последний, выпустите этого чудака.

И повел солдат встречать повелителя.

Конрад был в конце, рядом с ним переминались с ноги на ногу женщины и мужчины, которые зачем-то прихватили с собой книги. Во всем их виде читалось волнение и беспокойство. Кто-то молился, кто-то осматривал храм, как будто искал место, где бы спрятаться.

— Выпустите меня! Выпустите! — доносилось из-за двери башни, но этот крик тонул в гуле визжащей от восторга толпы.

Конрад закрыл глаза. Гомон просто разрывал его уши изнутри. Мерный, бессмысленный, громкий. Это была пытка. Хотелось заткнуть уши и сбежать, закричать. Сделать хоть что-то, чтобы убить этот монотон.

Но вскоре они замолчали, и зазвучал голос Кагана.

Он рассказывал о важности каждого человека для страны, что люди это не просто слуги, ремесленники, воины или Каганы — люди — это главная ценность и без них ничего бы не появилось. Многие вещи просто не нужны были бы без людей.

Толпа внимала ему.

Затем он повел пространную историю про сон и видение, в котором ему было велено создать храм для бедняков. Каких никогда не было. Что во сне его рука коснулась пера и сама начертила внешний вид и наброски плана. Конрад пожалел, что архитектор не может слышать эту речь. Ему стало интересно, как он бы объяснил, что ночные бдения, вычисления, десятки вариантов превратились в чем-то рассказе в обычную сомнамбулу. Пусть и приправленную дешевой мистикой.

А затем послышался голос Катун. Она говорила слишком тихо, из-за чего внутри храм никто её не услышал.

Человек у дверей посмотрел на собравшихся.

— Сейчас. Приготовьтесь.

Вдруг кто-то спохватился.

— А как же зануда?

— Так беги и выпусти его!

Мгновение и двери открылись. Из-за яркого солнца толпа сначала показалась просто белесым полотном с крапинками других цветов. Но прошла секунда, глаза привыкли, после чего будущие преподаватели, и Конрад с ними, вышли на крыльцо храма.

Каган с женой стояли по левую руку и улыбались. Ламуша, к удивлению, нигде не было, лишь одна из его помощниц что-то записывала.

— Встречайте тех, без кого ничего бы не получилось! Тех, кто воплотил волю нашего Кагана! Жрец истории, жрец математики, жрец геометрии...

Катун выкрикивала восторженным голосом должности учителей. Они по одному выходили вперед и кланялись. Некоторые ворчали, пока стояли, ворчали, что придется кланяться невеждам, но как только наступал их черед, с готовностью опускали головы.

— И тот, кто пришел, чтобы лечить Каганскую семью, но волею судеб спас и закончил храм. Путешественник и лекарь, архитектор и приятный собеседник — Конрад.

Конрад почувствовал, что ноги становятся ватными, а еще, что у него на лице появляется дурацкая улыбка. Слишком дурацкая, чтобы она принадлежала хоть кому-то из тех, кем она назвала его. Он прошел вперед, неловко поклонился, и выпрямился, забыв про то, что его могли уже видеть, могли его узнать. Слишком уж мало было чужеземцев. Но теперь он был тем, кто спас проект Кагана, пусть это и было слишком громко сказано.

В этот миг он чувствовал самый большой в своей долгой жизни триумф. Люди радовались ему. Он с благодарностью посмотрел на Катун.

Она светилась от счастья, что-то говорила и сжимала руку мужа, отодвинув всех остальных людей на второй план. Ведь это был её храм, какие бы сны не снились Кагану.

***

К Сайдуну он шел с улыбкой. Заряженный словами Катун, реакцией толпы. И даже понимая, что они радовались бы даже свинье, он не мог избавиться от чувства гордости за то, что сделал. Пусть это и было мало на самом деле. Но важно ведь, как это выглядит в глазах людей.

«Как это выглядит в глазах людей.» — повторил он мысленно, замедляя ход.

Остановился, приподнял на ладони веревку с монетами и горько усмехнулся. Радость

упорхнула, оставила его с кучей присохшего дерьма к душе. Может быть, ему и правда стоит остановиться? Прекратить охоту на избранных? Ведь... Ведь он просто знал, что так и должно быть. Ведь только это и было объяснением, почему он живет века, почему ему не надо питаться, спать. Почему он не болеет. Какое еще объяснение может быть? Это всего лишь награда за те спасенные жизни, которые не забирают к себе избранные.

А тем временем, до празднования дня рождения сына Кагана оставалось полторы недели.

Оставшийся путь он плелся, перебирая монеты, словно четки. Глупое действие, которое всё же успокаивало. Да и с каких пор...

— Я слишком много набрал от других людей. — Прошептал Конрад, оказавшись у дверей Сайдуна.

Он постучался. Никто не ответил. Постучался сильнее. Снова ничего. Постучался третий раз, а затем потянул дверь на себя.

В комнату светило заходящее солнце, но что в ней было Конрад не мог описать, даже если бы у него появилась в этом потребность. Слякоти, банки, инструменты всяких форм, реторты, куски лягушек и ящериц, кора деревьев несколько горстей песка, на первый взгляд совсем одинаковых, и посреди всего этого откинувшись на стуле спал Сайдун.

Он запрокинул голову и похрапывал. Из уголка губ стекала слюна прямо на рецепты или чертежи. Из-за отвратительного почерка невозможно разобрать, что он написал, а рисунки могли значить что угодно.

Конрад подергал его за плечо.

— Вставай, мне нужно масло.

Сайдун открыл глаза. С места подпрыгнул, проходя сквозь собственные завалы, как пьяный хомяк через камнепад. Зацепил несколько колб, и они упали, разбились рядом с еще кучей осколков. Наступил на доску, та словно выпущенная из катапульты подлетела и воткнулась в серо-бурую массу, которая когда-то была растением.

— Что тебе надо? Тебя Хала прислала?

— Ну да. — ответил Конрад. — мне нужно масло. Чтобы устроить поджог. Ты ведь помнишь?

Сайдун сглотнул, посмотрел по сторонам, выглянул в окно, попытался увидеть что-то за спиной Конрада.

— Нет, всё, хватит. Я выхожу из этого, я не участвую.

— В смысле? От тебя требуется только масло. Ты же собирался участвовать в бунте.

— Нет. Уже нет. Я еще три месяца назад сказал ей. Она... Она... угрожала! Но я не боюсь. О нет. Мне уже не страшно. Вы ведь трусы. Я слышал, что вы украли девочку. Я знаю это. Мне Нарайя все рассказала. Она знала, что вы готовы на все.

— Это переворот, Сайдун. Здесь не обойтись без крови. Мы же пытаемся спасти простолюдинов, чтобы они не попали на копья.

Алхимик нервно засмеялся.

— Всё то же, что и она говорит. Но нет. Ты её псинка. Я не собираюсь. Я хотел науки, я завидовал, что другие могут служить Кагану и изучать. — Он наклонился вперед. — Но наука нужна в первую очередь мне. Я могу изучать, что я захочу. Слышишь? Вы мне больше не нужны. Проваливай!

До дня рождения избранного оставалось полторы недели.

— Ты получишь всё, что захочешь. Просто скажи мне, где у тебя эти бутылки? Отдай и я

уйду. От тебя больше ничего не потребуется.

— Ага. Как же. Знаю я таких как вы. От меня всегда ничего не требуется. Потом снова не будет требоваться, а потом еще и еще. Знаешь, что Хала заявила дать ей? Яд! Чтобы... аааа, ты же не бывал на собраниях, ты всё с ней кувыркался.

Конрад возмутился.

— Я не...

— Плевать. Лги сколько хочешь. Этой суке на всех плевать. Подставила своих людей, чтобы ты развлекся? Тебе-то хотелось просто поиздеваться над кем-то, кого уже искать не будут.

Конрад шагнул к Сайдуну.

— Она, что, убила собственных людей?

— По твоей же просьбе! Мне Нарайя все рассказала. Только и она не дура — сбежала, пока её не отравили.

— Да что ты несешь? Еще скажи, что Хала травила других заговорщиков.

Сайдун замер и оскалился.

— А то ты не знаешь. Проваливай.

— Нет. Мне нужно масло.

— Так возьми у торгашей.

Конрад пошел на алхимика, переступая различный мусор.

— Ты обещал, а значит сдержишь своё слово. Просто скажи, где эти проклятые бутылки. Я не хочу ждать еще год. Ты меня не...

Сайдун достал из-за пояса скальпель и бросился на Конрада.

Тот выхватил кинжал, увернулся, врезал обратной стороной лезвия по предплечью алхимика и уже хотел схватить его самого, как Сайдун поскользнулся на пустом кувшине и насадился нижней челюстью на кинжал.

Конрад даже не успел убрать руку. Он выдернул оружие, опустился к алхимику. Острие прошло слишком глубоко — в самый мозг, разрезав язык.

Сайдун еще какое-то время барахтался, заливая кровью пол, а затем умер.

— Неудача. — Проговорил Конрад, заметил, что кровь течет по половицам и на всякий случай положил мертвеца головой в небольшой тазик.

Затем выдохнул, запер дверь и сел на стул. Надо было обдумать новую информацию.

Сайдун мертв, Нарайя сбежала, привести кого-нибудь, кто расскажет, что надо смешать и что подойдет для задачи Конрада — не выйдет. Мало времени, чтобы найти подходящего и надежного человека.

«А еще, чье исчезновение, никого не беспокоит.»

Конрад мог бы попытаться найти книги, рецепты, но всё это займёт уйму времени. А еще нужно самому провести эксперименты...

Он оглядел комнату и покачал головой. Нет. Несколько дней уйдет только на то, чтобы разгрести завалы, еще неделя, чтобы понять, что и для чего нужно. К сожалению, в чем в чем, а в алхимии и реагентах Конрад совсем не разбирался.

Он запрокинул голову, посмотрел в потолок, затем на труп.

— Задал же ты мне задачку.

***

После посещения алхимика Конрад отправил записку Хале через владельца чайхоны. Видеться с ней слишком часто становилось невыносимым, а после того, что сказал

несчастный Сайдун, еще и опасно.

Он старался не показываться и готов был видеться с Ламушем или Катун, если они прикажут, но такого не случилось.

От посетителей чайхоны, Конрад узнал, что Ламуш с головой погрузился в работу с храмом. Он лично проверял учебники, оценивал учеников, разговаривал с ними, выгонял и много чего другого. По слухам, за первый день набора через него не прошел ни один человек. Все оказывались или слишком глупыми или старыми или молодыми или ему казалось, что человек обворует не только тех, кто с ним будет учиться. Но еще всю библиотеку и жрецов в придачу.

Конрад ждал в едва сдерживаемом нетерпении, когда его положат в тушу и зашьют. Одна мысль об этом вызывала панику, желание собрать всех кого можно и обсудить, но времени уже не оставалось, планы уже завязали на быке, если что-то менять сейчас, то придется ждать другого удобного случая.

— Пусть будет, что будет. — Говорил себе Конрад, каждый раз, когда ложился спать. То есть, каждые шесть часов.

И он почти проспал приготовления. Но владелец чайхоны принес письмо, в котором говорилось, что Конраду пора прийти в гости к торговцу.

Дорогу он знал.

Его ждала Хала с мужьями и торгаш. Бедолага успел поседеть и превратиться в жалкую подобию себя. Щеки обвисли, глаза впали, кожа, что обтягивали жирную шею, теперь списала как паутина в брошенном здании. А в огромной кухне уже лежал бык, с вычищенными внутренностями.

— Как поживает Сайдун? — вместо приветствия спросила Хала.

— Мёртв. Он хотел нас сдать. — Сухо ответил Конрад.

— Давно пора. — усмехнулась она, будто это ничего не значило. — но он успел тебе передать что договаривались?

— Сам взял. Он был несговорчивым.

Хала приподняла бровь.

— Но ты ведь проверил? Ты ведь не мог не проверить?

Он посмотрел на неё, покачал головой и спросил.

— Где одеяло?

Торгаш втянул голову в плечи и указал в угол, где из глубокого таза торчал угол материи. Конрад подошел и вытащил толстое одеяло, с которого ручьями стекала вода.

— Приступим сейчас?

Хала посмотрела на него, затем на быка.

— Уверен? Тебе долго придется сидеть внутри.

— Посплю.

Она хищно улыбнулась.

— Тогда приятного сна. — и как только Конрад свернулся в одеяле с ножом в руке и с сумкой с бутылочками на животе, она продолжила. — Зашивайте. Этот подарок дворец запомнит надолго.

Конрад сначала волновался, что быка будут жарить на вертеле. Но нет. Его лишь несколько раз перевернули. Даже через толстое одеяло, он почувствовал жар огня. Не обжигающий, но и позволяющий понять, что будь этот бык металлическим, Конраду пришлось бы не сладко.

— Ты нас слышишь? — донесся приглушенный голос Халы.

— Достаточно, чтобы понять, когда быка начнут резать.

— Отлично. Чтобы ни случилось, молчи. Если к концу салюта и еще две минуты не будет пожара, мы начинаем.

Конрад вдохнул полной грудью запах сырого и одновременно с этим обжаренного мяса, и погрузился в собственные мысли. Об исполнении предначертанного, о побеге, о чувстве вины перед Каганом и Катун, о следующей жертве. Уж с ней всё должно пройти гладко. Что может быть хуже, чем отпрыск правителя страны, которого держат в башне?

Незаметно для себя он задремал. И в чувства его привела тряска, едва различимый скрип колес, множество голосов, что объединились в равномерный гул.

Поездка заняла полчаса, пока повозка не остановилась.

— Что это?

— Подарок Капитану за хорошую службу. — Ответил торговец. — работа идет отлично только благодаря ему. Он придет забрать?

— Раньше вы не дарили ему таких подарков.

Торгаш засмеялся почти искренне.

— Раньше и не было поводов. Мои дочь и жена отправились путешествовать. Я теперь могу расслабиться, да к тому же когда еще дарить, как не на празднике рождения будущего Кагана. И хочу, чтобы мои друзья отдохнули тоже.

— Хорошо, я скажу ему. Но, знаете, боюсь, он всего не съест.

— Я на то и надеюсь, мой друг, я на то и надеюсь.

Они засмеялись со стражником.

Через пять минут послышался голос Капитана. Он говорил тихо и едва ли можно было разобрать о чем речь. Лишь одно слово прозвучало громче и отчетливее остальных:

— Увозите. Телега с лошастью тоже мне или вернуть?

— Оставьте себе. Это моя благодарность за верность делу.

Конрад лежал неподвижно, хотя мышцы начали стонать, да и хотелось подвигать руками или ногами. Хоть чем-нибудь. Или вытянуться во весь рост и похрустеть шейей. Но надо было ждать — привычное его дело, но не когда ты свернут калачиком.

Его повезли по внутренней дороге дворца. Колеса теперь стучали о булыжники реже, да и всё казалось гораздо тише. Как будто здесь его окутал пузырь из тишины.

Но стоило ждать. Снова ждать. Пока не раздадутся первые звуки салюта, пока капитан стражи не станет разделывать тушу быка, пока...

Ему показалось, что он услышал звук лезвия, вытаскиваемого из ножен. Или все же это так?

Бедро обожгло сталь. Конрад чуть не дернулся, сжал зубы, свободной рукой зажал рот и проглотил крик. Лезвие тут же вышло из тела быка.

— Ты только посмотри. Он даже пропечь его не смог.

— А мне нравится с кровью. Оно так свежее и сразу понимаешь, что жрёшь мясо, а не сапог.

— И что с ним делать? Разрежем на куски и дожарим?

— Чтобы потерять такую красоту? Ты когда-нибудь быка на вертеле ел? Я вот нет. И отказываться от такого не хочу.

— Да какой тут вертел? Тут целый столб нужен, чтобы удерживать эту тушу.

— Значит, поищем копьё потолще. Сходи в оружейню и спроси. Может, тренировочное

есть.

Конрад лежал и не шевелился.

— Эй, парни. Возьмите этого бычка, да притащите во двор бревен. Надо дожарить эту дрянь. После смены все вместе наедемся. Только не забудьте повара.

Ответов Конрад не услышал, но вскоре быка сняли и понесли.

Спустя какое-то время до него донеслись голоса.

— И куда мы это вставим? Под ногами завяжем?

Конрад представил, что быка подвешивают спиной вниз. Чтобы выбраться ему придется либо кромсать ребра, либо выбираться из брюха, а потом вывалился как куча кишок. Это даст время для стражников. И если они при оружии, а это вероятнее всего, то шансы его резко сократятся.

— Ды суй в рот.

— Думаешь, пройдет?

— Сквозь что? Кучу кишок? Застрянет — вытащи и снова засунь. Делов то?

Наступила тишина, затем прозвучало неуверенное:

— И правда. Кишки же. Только поддержи, чтоб не елжакал.

Несколько мгновений спустя Конрад почувствовал, что толстое древко уперлось в одеяло и собирает его в кучу складок, которые не дают пройти.

— Не лезет.

— Так вытащи и засунь, дубина. Что за новички. Давай сюда.

Как только древко убралось, Конрад поправил одеяло и следующая попытка стражников увенчалась успехом. «Вертел» прошел насквозь и вышел через зад, лишь стукнувшись о кости таза.

— Учись.

— Ага. А что мы делать то будем? Если так оставим, прокручиваться же будет.

— Хм. Еще как. Неси веревку. Привяжем копыя с одной стороны, к ним ноги, а с другой... Прихвати еще два копыя, как пойдешь. А то повар нас сам сожрет, если придется тут стоять без дела.

Снова наступила тишина, лишь бормотание звучало у самого брюха.

— И зачем ждать кого-то? Отрезал кусочек и в рот. М-м-м. Вкуснотища. Тьфу. Этому торгашу надо вдолбить, что сначала надо шкуру сдирать, а потом...

Раздался грохот. Первый взрыв салюта.

Конрад еще раз вдохнул полной грудью и сжал кинжал. Лезвие в секунду разрезо и швы, и плоть. Он выкатился на площадку, запутался в одеяле, но тут же сдернул его, встал и поймал ошалевший взгляд капитана стражи.

— Это еще что...

Но договорить не успел. Конрад рубанул его кинжалом по горлу. Затекие ноги на миг отказали, и он повалился на мужчину. Кровь из раны хлестала на быка, на каменные плиты, в лицо Конрада, который поднялся на предплечье, и второй удар направил в сердце.

По ногам пробежала дрожь, затем сквозь онемение появилось покалывание, от того, что кровь снова свободно потекла по венам.

Конрад оперся на руку, встал. Топнул. Вибрация пронеслась от стопы до бедра, отдаваясь живительной болью. Он проверил рану на бедре. Она уже перестала кровоточить и покрылась коркой.

«Приемлемо.» — подумал он.

Глава 6 Часть 2

Конрад осмотрелся. Он стоял посреди пустого двора, похожего на плац для построений. Бросился к ближайшему зданию, оставив позади себя бутылки с абсолютно бесполезной жидкостью — водой, смешанной с перцем и маслом. Ему не нужен пожар, ему не нужен бунт. Нужен только салют, что скроет его от любопытных глаз.

Еще на чертежах стало ясно, что казарма — идеальное место, для плана. Если бы оно горело, то многие остались бы в панике. К тому же, она в некотором отдалении от прачечной и места для Каганских развлечений. Но самое важное, казарма почти прилегала к башне Катун. Видимо, думали о том, чтобы стража могла как можно быстрее добраться и защитить наследника, но все повернулось для них иначе.

Конрад с помощью ставней и окон забрался на крышу казармы. Старое здание благоволило — ветер и дожди подмыли швы между каменными блоками и позволяли цепляться пальцами.

Вспышки салюта освещали собой город, из-за чего каждое строение отбрасывало длинные тени.

Он пробежал по плоской крыше, стараясь не попасться на глаза, перебрался через небольшую арку, что соединяла казармы и башню. Попробовал узоры на надежность.

Служанка Катун оказалась права — это не лепнина, которая могла отвалиться, это выдолбленные в камне узоры, которые могли выдержать вес взрослого мужчины.

Он ухватился за стык между блоками, подтянулся и полез.

Конрад хватался за головы древних царей, за их жен, врагов, мифических животных. И поднимался все выше и выше, пока с обратной от него стороны раздавались взрывы салюта. Мог ли кто-то сейчас заметить его? Да. Но это было лучшее время — тени, яркие вспышки. Кому придет в голову смотреть на башни, когда в небе разворачивается такая красота? По крайней мере, он надеялся на это.

Монетки звенели каждый раз, когда он поднимал ногу, чтобы упереть её в лицо очередного правителя. Только за одно это его распяли бы. Или отрубили ступню. Его пришлось бы всего превратить в назидание для тех, кто попытается хоть как-то опорочить облик хоть какого-то царя. Но это всё варианты из разряда «А что если бы». Он старался об этом не думать, но мысли все равно нападали на него словно взбешенные галки, которые защищают гнездо.

Но желаемый балкон становился ближе и ближе. Пальцы уставали, казалось, что после того, как он заберется, он не сможет сжать кинжал. Возможно, этого и не пригодится. Лишь бы нянька спала, лишь бы ребенок спал. Тогда все сделается тихо. Тихо, да. Под гром салютов. Кто вообще может спать? Кто захочет спать?

Он забрался на балкон, достал нож и вошел через светлые занавески. На кровати сидела Катун и качала на руках сына.

Девушка слышала шорох, подняла глаза и с сомнением посмотрела на незваного гостя. — Конрад, что ты... — а затем увидела кинжал.

Её взгляд в миг стал жестче. Она перестала быть простолюдинкой, которая может только улыбаться и удивляться, как же её угораздило попасть в эту башню или в постель к Кагану. О, нет. Она сейчас смотрела на него как на кучу грязи, которая мешает ей пройти к дому.

— Не сопротивляйся. — Прошептал Конрад, опасаясь стражников. Даже если Катун крикнет, он успеет все закончить. — Я за твоим сыном.

В жесткость во взгляде добавилось непонимание.

— Что он тебе сделал? Он же младенец.

— Ты слышала предсказателей. Мне нужен только он. Не ты и не твои люди. Но если попытаешься позвать кого-то. Я убью всех, кто помешает.

— Ради чего?

— Ради жизней, которые твой сын отнимет. — сказал он и ощутил лживость собственных слов. Будто это говорили за него.

Конрад не спешил. Он надеялся, что с этой женщиной еще можно договориться, она все поймет. Позволит ему взять ребенка, скинуть с башни, объяснив, что тот выбрался из колыбельки. Есть много оправданий для смерти детей.

— Он еще ребенок.

— Пока что ребенок. Затем станет убийцей.

— Он станет великим правителем. Он принесет славу моей стране.

— И всё это приведет к такому количеству войн, что все те свары из книг по истории, тебе покажутся мелочью.

Катун посмотрела на ребенка, затем на Конрада.

— Откуда ты знаешь?

— Уж поверь, я это точно знаю.

«Лжец!»

— Ты лжешь! — будто прочитав его мысли сказала она. — Ты не можешь знать будущего. Если бы ты был уверен в этом, то уже убил бы меня, убил его. Ты правда надеешься, что мать не станет защищать ребенка? Просто отдаст его вероломному мерзавцу с ножом?

Конрад сжал кинжал. Он слишком медлил. Она заговаривала зубы, а салют все грохотал. Он не мог длиться вечно. Надо было что-то делать.

— Да. Отдаст, если хочет жить. Чтобы потом родить другого. Разве ты хочешь умереть, не увидев, какие результаты принесет твой храм просвещения?

— И это говоришь ты. Тот, кто его достроил, и кто хочет забрать мое будущее.

— Отдай ребенка мне, и никто не заберет твое будущее. Оно останется твоим, и ты вольна будешь делать с ним что хочешь. И этим самым ты спасешь тысячи людей. Этот младенец принесёт смерти. Иначе, я бы не старался добраться сюда. Я видел много таких матерей. И... — он сделал паузу. — Ты первая, кому я даю выбор.

Катун громко задышала, поджала губы, готовая безмолвно заплакать. Затем глянула на Конрада жестко и решительно.

— Я не отдам тебе его, подлец.

— Тогда прости меня. — Сказал он и шагнул к ней.

— Я все сделаю сама. Ты не коснешься его. Он умрет на руках матери.

Конрад чуть не выронил нож, мотнул головой.

— Тебе его не спасти. Я почувствую, когда он умрет.

— Не ты один.

Катун глубоко вдохнула, зажмурилась и прижала ребенка к себе.

Её пальцы напряглись, по лицу потекли слезы, пока детские ручки хлопали девушку по груди.

Конрад собрал все свои силы, чтобы не отвернуться. Ему было больно. Он не хотел это видеть. Один удар ножа и всё окончилось бы, зачем она это делает?

Взрывы раздавались где-то вдалеке, пока здесь разворачивалась трагедия, какой ему не представлялось видеть.

— Я найду тебя. — Шептала Катун срывающимся голосом. — И ты заплатишь за это убийство. Я буду на коленях ползать перед мужем, чтобы лично отрубить тебе руки и ноги.

Конрад не отвечал, он прислушивался к внутренним ощущениям. Одно из них, которое вело к этому избранному, дрожало, прерывалось и появлялось вновь, но на самом деле просто ослабевало. Все меньше и меньше, пока не исчезло окончательно. Он подождал еще какое-то время. И сказал.

— Хватит. Он уже мертв.

Катун сглотнула и отнесла ребенка к колыбели, положила его и оперлась на край.

— Теперь ты доволен? — она обернулась, и казалось, что для неё за эти несколько минут прошли года. Яростная, непримиримая, она все же берегла свою жизнь. — Не надейся далеко уйти. Не успеешь спуститься, как стражники уже будут поджидать тебя.

Конрад осмотрел комнату и увидел горсть монет на кровати рядом с детскими игрушками. Он подошел к ним, взял одну. Вот за что ему нравились местные монеты — в них было отверстие.

— Так вот что значат все эти монеты. — Проговорила Катун сухим голосом. — Тебе их подарили. И я тоже подарила?

Конрад кивнул.

— Большого мне не надо.

Он пошел к балкону спиной вперед, остановился, посмотрел на эту сломленную девушку, которая собственноручно убила первенца. Конраду не нужен был переворот. Он не хотел, чтобы кучи рабов появились в других местах, но ему хотелось бы пообщаться с учеными, ремесленниками, с людьми. Такими, как она, такими, как её муж, которые стараются жить не только ради себя.

— Соберите солдат и бегите к мужу. Защитите его.

Катун горько хмыкнула.

— Я? Защищу мужа? От чего?

— Как только салют закончится, вас всех попытаются убить. Уж поверьте вероломному мерзавцу.

И в этот миг наступила звенящая тишина. А темноте ночи гасли последние искорки яркого цветка, что вспыхнул в небе.

— Спешите. — сказал Конрад и перемахнул через балкон.

Спускаться оказалось легче. То есть, быстрее.

И в те десятки секунд, что Конрад спускался, он с горечью подумал, что старый друг снова сделал ему неожиданный подарок. Тем не менее, знай бы он, как воспользуются его работой, приказал бы каждый день намазывать стены жиром.

А тем временем казармы уже шумели — люди нашли труп и теперь рыскали в поисках убийцу. Хотя со стороны дома министров уже полыхал пожар, как и в районе прачечной.

Значит, Хала кроме него направила еще нескольких людей.

Раздались крики от ворот, зазвонил колокол.

— Тревога! На нас напали! — закричал молодой гвардеец в паре метров под Конрадом.

Весь дворец превратился в улей, в муравейник, где сотни людей бегали, вроде бы в

полном хаосе, но тем не менее, в этом был смысл. Слуги таскали ведра воды для тушения пожара, стражники бежали к месту нападения и в пути сбивались в шеренги.

То место, где находился Конрад, стремительно пустело. Он пробежал по казармам, перелез на здание оружейной, спустился возле кузницы и побежал по переулкам, стараясь добраться до стены, где сможет выбраться в город.

Тень он заметил не сразу. Сначала показалось, что это галлюцинация подобная тем, что частенько играют на самом краю зрения. Но тут тень вышла на свет.

Это оказался Йорам. И он улыбался. Улыбался с такой широкой улыбкой, что акула позавидует.

Без слов он налетел на Конрада. Махнул саблей раз, второй, третий.

Конрад не мог это заблокировать, едва ли мог увернуться. Можно было бы попробовать сбежать, если бы не рана на ноге, которая замедляла. А против этой туши любая секунда могла стоить жизни.

— На-ко-нец-то. — хрипел Йорам, размахивая саблей.

Слева, справа, снизу, с разворота. Несколько раз Конраду казалось, что ему сейчас отрубят голову или рассекут от ключицы до хребта. Но Йорам как будто настолько жаждал убить Конрада, что упустил несколько шансов это сделать.

На очередном взмахе Конрад нырнул настолько низко, насколько мог и воткнул нож в колено Йорама, рванул вперед, и тот закричал.

— А-а-й-а-а нашел его! Сюда.

«Плевать.» — подумал Конрад и побежал прочь от здоровяка. С травмированным коленом, он его точно не догонит.

Но оказалось, что здесь рядом был и Унгал.

Конрад попятился от него.

— А я думал, ты от жены ни на шаг.

— Думай и дальше. — пробасил он.

И налетел как бык. Быстрый, но прямолинейный.

Конраду пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы не попасть ни под него самого, ни под удар саблей. Йорам уже вставал. Хромал, но он мог хотя бы отсекал углы, куда может отступить Конрад. Неприятное ограничение, но...

«Что за но?» — спросил себя Конрад понимая, что если здесь окажутся стражники, то вообще не понятно на чью сторону они встанут.

Конрад разорвал дистанцию и пятился, готовый снова отражать атаки.

— Идите по своим делам, а я по своим. Забудем друг друга.

— А Хала не хочет тебя забывать. — Оскалился Унгал. — ей интересно оставить тебя как сувенир.

— Взамен возьму твои пальцы. — Конрад улыбнулся в ответ и добавил. — А еще нос.

Унгал рванул вперед, но держался вне досягаемости кинжала.

Несколько раз Конрад пытался поднырнуть под удар, подрезать руку или живот, но в ответ получал оплеуху свободной рукой. Лишь чудом ему удавалось оставаться на ногах.

И в это время к нему хромал Йорам. Истекая кровью, стараясь не опираться на левую ногу, он шел, пока вокруг них разгоралось пламя.

Огонь уже перескочил со здания министров на соседние и продолжал разбегаться, будто все здесь облили маслом.

— Мы тебя не уьем. — сказал Йорам. — не сразу.

Понимая, что отступить ему не куда, что убежать не сможет, а против двоих шансов нет, Конрад достал из кошелька горсть монет и бросил в лицо Унгалу. Затем попытался вскочить на окно, ухватиться за выступ и забраться выше — на крышу. Но не успел он подняться на второй этаж, как на его лодыжке сжались пальцы.

Он даже не успел обернуться, как его дернуло вниз на брусчатку. Затылком ударился о бульжник, в голове все смешалось, но он попытался встать.

Удар в грудь опрокинул его снова на землю, а затем на его руку с кинжалом наступил Йорам.

Муж Халы сжимал зубы от боли, кровь с его ноги стекала на Конрада, но здоровяк улыбался.

— Пальцы наши забереешь? Тебе бы свои сохранить.

Он замахнулся саблей. Раздался свист, но не от взмаха его руки. Что-то другое просвистело, потому что оружие Йорама еще висело в воздухе.

Он замер, покачнулся, коснулся пальцами шеи.

— Это что? — прохрипел и повалился вперед.

Конрад вырвал руку из-под потерявшего равновесия Йорама. Сабля того ударилась о брусчатку, затем отлетела в стену и чуть не угодила в лицо Конрада. Он чудом увернулся от неё, отделавшись рассеченной щекой.

Спустя миг Йорам булькающей тушей упал на колени, пытаясь зажать разрезанное горло.

Унгал отступил и оглянулся.

К нему шли две девушки с оголенными ногами. Подолы платьев, собранные сзади, в руках небольшие ножи без рукоятей. А за ними, в отсвете пожаров шел, опираясь на копье, как на посох, Ламуш.

Унгал выругался. Посмотрел сначала на одну девушку, затем на другую, развернулся и рубанул Конрада.

Но тот откатился, попытался парировать, но от удара кинжал вылетел из руки, звякнул по бульжникам и упал в лужу крови, растекающуюся под Йорамом.

— Не вздумай убежать, лекарь. — скомандовал Ламуш.

Дурацкая, бесполезная команда. Ему и некуда бежать — позади него стена, впереди здоровяк с саблей, позади которого женщины, готовые убивать.

— Я сдаюсь! — закричал Конрад и повторил. — я сдаюсь.

Это на мгновение замедлило Унгала. Заминки оказалось достаточно, чтобы кувырком добраться до кинжала.

Теперь Унгалу пришлось бы бежать за Конрадом, а другие противники уже были рядом. Он с разворота рубанул назад. И взмахом попал по летящему в него кинжалу.

Сталь звякнула о сталь. Метательный нож отлетел и исчез в тенях.

Девушки на мгновение замедлились.

— Неплохо. — Удивилась одна, но тут же достала очередной нож.

Телохранительницы Ламуша замедлили шаг и разошлись по обе стороны от Унгала.

Он сначала поворачивался то к одной, то к другой. Затем сплюнул, и с ревом бросился на левую. Тут же справа ему в икру впилось лезвие. Это замедлило его ровно настолько, чтобы та девушка, на которую он бежал, тоже метнула нож, но уже в основание стопы.

Под лезвием лопнула полоса его сандалий и брызнула кровь. Но это не остановило несущуюся тушу мышц. Она налетел на девушку, широко замахнулся.

От такого удара мог увернуться даже ленивец. Чем и воспользовалась девушка. Но тут же получила ногой в бок. Её отбросило на несколько метров.

Она прокатилась по земле, пачкая одежды и раздирая оголенные ноги. Попыталась встать, скривилась, инстинктивно прижав ладонь к месту удара. Судя по всему, Унгал сломал ей несколько ребер. И этим бы не закончилось, если бы перед ней не оказался Ламуш.

Дядя Когана взял копьё на изготовку. Он был меньше Унгала, явно слабее, но единственное, что требовалось — держать его на расстоянии, пока он истекает кровью.

«Как будто зверя загоняют.» — подумал Конрад раздираемый выбором убежать или помочь им в этой схватке.

— Положи саблю и я обещаю тебе честный суд. — сказал Ламуш. — нас тебе не...

Он не успел договорить. Сабля со свистом полетела на встречу с древком копья.

Ламуш отступал, стараясь не подпускать Унгала, но тому было плевать на самого человека, он рубил древко. Удар за ударом. От копья отлетали щепки.

В это время вторая девушка бросила еще два ножа. Один угодил в спину, но застрял в кожаном жилете, другой впился в толстый воротник, лишь поцарапав шею.

Первая девушка уже поднялась, но прижимала руку к ребрам и морщилась от каждого вдоха.

Конрад попытался оценить ситуацию. У одной девушки сломаны ребра, и как бы она ни дралась, прыти у неё точно убавилось. Вторая может попытаться, но если Унгал её хотя бы схватит, то ей не выжить. А Ламуш, хоть и тянул время, но не мог уколоть здоровяка, который держался от него ровно на том расстоянии, чтобы бить по древку. К тому же, от таких ударов, руки Дворянина скоро устанут, и драться будет невозможно.

— Что ж. — выдохнул Конрад. — У вероломства есть предел.

И поспешил на помощь. Не успел он сблизиться, как наконечник копья отлетел. Унгал схватил древко и вырвал из ослабевших рук Ламуша. Махнул наотмашь, чуть не попав по Конраду. Но тот увернулся, едва не поскользнувшись на крови.

— Хала — тупая сука. — Выкрикнул Конрад

Унгал готовый зарубить Ламуша, развернулся и саданул сверху вниз саблей.

Конрад поймал момент, развернулся всем корпусом, подставляя себя под его левую руку, воткнул лезвие в предплечье Унгала. Шагнул и рванул кинжал в сторону кисти.

Раздался хруст. Лезвие прошло сквозь кости, уперлось в рукоять сабли и выталкнуло её из ослабевших пальцев.

«Всегда работает.» — подумал Конрад.

Но в этот момент ему на голову опустился обломок древка. Конрад успел подставить предплечье второй руки. Но мир всё равно исчез.

Ему показалось, что он уже мертв. Боль пропала, он перестал чувствовать свое тело, и все вокруг него казалось бесконечно холодным и вязким. Но постепенно возвращалась боль. Во всем теле. В кисти, в голове, на ребрах. Вместе с этим теплел воздух, и вязкая субстанция вокруг него разделялась на твердую и холодную, и теплую, но едва уловимую.

Затем до него донеслось пыхтение. Он открыл глаза в миг, когда по его спине снова попало древко и выбило дух.

Конрад не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он выгнулся, попытался закрыть левой рукой, но она не слушалась.

Унгалу бы в этот момент переключиться на других — тех, кто еще представляет

опасность, но он снова запахивался древком, чтобы воткнуть его в спину Конрада.

Метательный нож влетел в лицо здоровяка, рассек щеку и выбил несколько зубов. Из-за этого его рука дрогнула и вместо того, чтобы проткнуть Конрада, он лишь задел его вскользь.

Едва соображая, Конрад тыкнул кинжалом в пах, провернул, откатился, запутавшись в собственных конечностях.

«Да что за день...»

К этому моменту Ламуш уже добрался до Йорама и поднял его саблю. Они с второй девушкой, налетели на Унгала и стали рубить его.

Конрад видел, как несколько раз из груди того показывался кринок сабли. Как девушка резала его маленьким ножом так часто и так быстро, что кровь из ран шла лишь спустя несколько ударов. Но её оружие подходило только против обычных людей, а не такой туши.

В одну из её атак он бросился на неё. Израненный и окровавленный, он прыгнул на девушку. Она попыталась ускользнуть, но ему удалось в падении схватить её за собранный подол, подмять под себя.

Не смотря на то, что она воткнула ему в глаз нож, а Ламуш пытался перерубить его бычью шею, он с неумолимым упорством и бил девушку локтем изувеченной руки. Пока в какой-то момент не затих.

Конрад не сразу в это поверил. Он даже подумал, что это какая-то бессмертная тварь, что создана калечить и быть искалеченной.

— Слава Богам, что он хотя бы тупой. — Проговорил Конрад поднимаясь.

В это время Ламуш вытаскивал избитую телохранительницу из-под трупа Унгала. Другая позволила себе слабость и села, закусив губу.

Конрад смотрел на дядю Кагана, который выпрямился и встал в стойку, будто хотел продолжить бой.

— Что происходит?

Конрад отступил, стараясь держать в обзоре всех троих.

— Хала пытается убить Кагана. Помогите ему.

Ламуш прищурился.

— Ты в этом тоже участвовал. Он проявил к тебе доверие...

— А ты сейчас стоишь и хочешь променять жизнь своего племянника на какого-то чужака. Теряешь время.

— Наказывать подонков — никогда не было потерей времени. — Он пошел на Конрада.

Но девушка, которую он вытащил, схватила его за халат.

— Господин. Вы успеете его отыскать. Жизнь Кагана важнее. Тем более мы... — она обернулась на подругу, которая, тем не менее, уже сжимала нож и вставала.

Ламуш скрипнул зубами и опустил оружие.

— Ты знаешь, где убийцы?

— Там, где Каган.

Конрад ощущал, что вот-вот рухнет на землю. Несколько ребер сломаны, как и левая рука в предплечье. Из головы течет кровь. Если ему предстоит еще драться, то он с готовностью просто сдохнет.

Ламуш отвернулся и пошел в сторону тронного зала.

— Я пойду вперед. Милые, если сможете, присоединяйтесь.

Но девушки следили за Конрадом, и провожали взглядами, пока он не исчез за углом

одного из зданий. А затем взобрался по каменной лестнице на стену, с которой убежали все стражники, свесился на одной руке, прыгнул и ушел в город.

Столица гудела. Почти невозможно было разобрать из-за чего: бунт или празднование, пожар или попойка? Здесь и там встречались обеспокоенные люди, что расталкивали пьяных. Женщины, что висли на мужчинах, которые с волнением смотрели на зарево, что поднималось над дворцом. Юнцы, которые пытались лезть под юбку подруге, пока та высматривала стражников или напавших на дворец.

Слишком двоякой оказалась эта ночь. Даже для Конрада. Он радовался, что наконец выполнил задуманное, которое отняло у него целый год. Но вместе с тем и горевал, что пришлось предать интересных людей, видеть как некоторые из них сходят с ума или впадают в паранойю, а кого-то убивают. А кого-то пришлось убивать ему. Пусть платой стало несколько сломанных костей — они срастутся за неделю, несколько ран — вопрос пары часов или дней, но мать, которая отказалась отдавать ребенка чужаку и собственными руками удушила его — это тревожило Конрада больше всего. А ведь с такой матерью этот мальчишка мог...

Конрад сжал зубы, вытер слезу. Это лишнее, это недопустимое. Избранный не может приносить ничего кроме огромной боли всем, кто его окружает. Он знал это, он был уверен в этом... или нет?

Ноги Конрада ступили на песок за воротами столицы. Никто не станет преследовать одинокого путника в пустыне, который не знает пути, не знает расположения оазисов, но который чувствует направление и может идти, погруженный в свои мысли.

Может быть то, зачем боги одарили его — лишнее, может, он вообще не нужен? Бесконечное число войн, драк, убийств в порыве ревности, из страха, из жадности. Могут ли редкие избранные перевесить всё то, что люди делают с себе подобными? Да и являются ли они сами по себе виной или они лишь катализатор, который приводит к движению те массы, которые жаждут крови и величия за чужой счет?

Конрад задавал эти вопросы себе постоянно, но именно сейчас — под палящим солнцем и холодными ночами безжалостной пустыни — он сомневался больше всего. Он касался монет, сжимал их в ладони, вспоминая удивление каждого, когда доставал кинжал. Ужас, ярость, равнодушие пьяных глаз, готовность грудью защитить того, за кем пришел Конрад. Многие десятки людей. Одни жили в землянках, другие в шалашах из шкур, третьи плели дома из лоз и ходили в набедренных повязках. Сколько их было? Он не считал, просто вешал монеты.

Скорпионы убежали из-под его ног, пустынные змеи замирали на камнях и провожали его взглядом. Даже ветер будто сторонился его — проносился вдалеке песчаной бурей, но не трогал убийцу детей.

Но когда песок сменился на саванну, та степью, а за ней появились леса, память Конрада сглаживала острые углы событий. Да, случилось много ужасного. Произошло восстание, и там умерли люди, он сам приложил руку к нескольким убийствам и увечий. Но в этот раз ему повезло — не пришлось собственноручно убивать ребенка. За него сделала это одна из достойнейших женщин.

— Интересно, выжила ли она? — Произнес вслух Конрад. — и что с ней сейчас?

— Ты что балакаешь? — донеслось рядом.

Он встрепенулся, посмотрел на говорившего.

Тот нёс вязанку дров, опираясь на посох. Сморщенное лицо, дубленое солнцем, сутулая спина, руки с облезлой кожей, под которой проглядывали вспухшие суставы.

Конрад прогнал несколько раз слова незнакомца. На каком языке он разговаривает?

— Ой, чурбан. — Сплюнул незнакомец. — Нясут тарабарщину.

«Знакомый говор.» — отметил Конрад и задумался сколько же недель прошло с момента его ухода из Харийского каганата.

— Да вот. — Улыбнулся он. По крайней мере, ему показалось, что он улыбнулся. — пяду, бряду себе. Жиньку ищу.

Незнакомец фыркнул.

— Пошто ты бабам то нужен? Бедняк небось? Да еще и шастун. Ты б в своем хуторе искал.

— Искал, да не выискал.

Конрад прислушался к своему чувству. Да, избранный уже совсем близко. Миля или две. От силы пять.

— Дурак значицца. — многозначительно сказал незнакомец. — Коль бабу рядом не сыщешь, то и в других местах не найдешь. — и поднял голову к солнцу, улыбнулся беззубой

улыбкой. — ох, прям как я. Тож шастал по деревням. Думал, будет где-то такая, шоб прям дух как хватило бы, так и не отпускало до смерти. — Покачал головой, — а не деле то-о-о... Чем дальше, тем страннее бабищи были. Куриц иначе кликали, кошек тоже. А уж за то как погунок звали, так по лбу этим самым погунком дать надо было. Так что зря ты так. А то останишься как я, да таскать тебе бревна.

— Я за погунок в лоб не бью. — ответил Конрад, пытаясь вспомнить что же это такое, — а то баба даж если золотая, и то помнется, да попортится.

Незнакомец поправил дрова на спине.

— Где б золотую найти? Не бывают такие. Пожил бы с моё, сам бы понил. Баба — она баба. Ей мужик нужен, да правильный.

— А ты стал быть не правильный, раз она погунок кликала падржно.

Дед потянулся за поленом. Захрустели суставы, запахло застарелым потом из подмышек.

— Ща я те покажу не пральный. Да я самый шо есть мужик. Только баб нормальных нет. Вот в своем хуторе...

— Это я уже слышал. — отмахнулся Конрад.

И задумался. Этот сумасброд женщину не мог найти нормальную, лишь потому, что вбил себе в голову какую-то дурость. Или ему её вбили. То ли дед, то ли отец... Конрад покосился на него и улыбнулся шире.

«Как же я скучал по таким.»

Всю дорогу до деревни они препирались. Конрад подтрунивал деда, с его помощью вспоминал слова, говор, чтобы сойти за своего. Узнавал по поводу богатых или аристократов в окрестностях деревни, но ни кого из таких людей не было. Все простые и работающие.

«Удача.» — подумал Конрад, представляя, что успеет за день или два закончить все, а затем отправиться дальше жить в ожидании рождения следующего избранного.

Душа наполнялась решимость. Не придется долго думать и вынашивать план. Не придется целый год заниматься сомнительными делами, хотя есть ли более сомнительное дело, чем убийство пока что невинного? Но он был готов. Дождаться вечера, улыбнуться, убить сначала того, кто может поднять шум, а затем избранного. Очередная кровь, но сейчас это казалось несравнимо проще, чем заводить дружбу с Катун, и пить чай, зная, что её ждет предательство.

Он подошел к краю деревни и улыбнулся. Он здесь когда-то бывал, но прошло, по меньшей мере, восемьдесят лет. Никого из знакомых не осталось. Тем лучше. Он пошел сразу в харчевню. Снял комнату, попытался расплатиться монетой Каганата, но ему чуть не сломали стул о спину. Удалось договориться, что золото, где бы оно ни было, остается золотом.

Хозяйка харчевни навалила ему похлебки, куда добавила тмина и розмарина. Отличная приправ к мясу, но это напомнило про чай Катун, отчего Конрад немного взгрустнул. Но, как только начало смеркаться, пошел в комнату, где его поджидала постель.

Запах соломы наполнял воздух, а полный желудок грел душу. Хотелось замереть в этом моменте и насладиться им как можно дольше. Может быть, ему стоит задержаться здесь на пару дней? Но скучаешь лишь по тем вещам, которых не хватает. А солону можно проклясть в первую ночь, стоит ей попасть в ноздрю или упереться в зад.

Конрад закрыл глаза, несколько раз вдохнул запах, выдохнул. Почувствовал как нос щиплет, как слезы навернулись, но он резким движением смахнул их, сжал кулаки и вышел.

— Я прогуляться. — Предупредил он хозяйку, закрывая за собой дверь.

Он остановился перед небольшим домом, у которого кое-как держался забор, а ворота и вовсе перекошились. Конрад обошел его, чтобы убедиться, что он не ошибается, заглянул в огород, оценил, есть ли какие домашние животные, но ничего не было.

«Без ребенка вам будет проще.» — Подумал он, хоть и знал, что в какой-то момент избранный заберет у мира причитающееся.

Затем оглянулся. Люди сидели на лавочках перед домами, где-то смеялась молодая девица.

— Что ж, быстрее сделаешь, быстрее уйдешь. — Подбодрил он себя. Улыбнулся немного растерянно, взлохматил волосы и пошел к дверям.

Постучался. Ему ответили не сразу.

Раздраженный женский голос:

— Кто еще ночью бродит? Совсем идиоты?

Дверь отворила молодая женщина. Конрад едва коснулся её взглядом, как заулыбался во всю ширь и в смущении опустил голову.

— Вы уж звиняйте. Я тут новенький, вот и ищу где бы переночевать. Впустите? Я заплачу.

На последних словах он поднял голову с самой широкой улыбкой, на какую был способен, из-за чего даже зажмурился. Но стояла тишина.

Неужто он заговорил на другом диалекте или языке? Вроде не должен был. Те же самые глаголы, что в харчевне, акцент тоже. Ему и вправду казалось, что где-то он ошибся, но где?

— Конрад? — Раздалось вместе со смешком. — Как ты меня нашел?

Конрад раскрыл глаза и обомлел. Перед ним стояла Зоя.